

Я осмелилась назвать Его Отцом

СОДЕРЖАНИЕ

- 1 Пугающее присутствие*
 - 2 Странная книга*
 - 3 Сны*
 - 4 Встреча*
 - 5 На распутье*
 - 6 Учась искать его присутствие*
 - 7 Крещение огнем и водой*
 - 8 Есть ли защита?*
 - 9 Бойкот*
 - 10 Учась пребывать в славе*
 - 11 Ветры перемен*
 - 12 Время сеять*
 - 13 Штормовое предупреждение*
 - 14 Побег*
- Постскриптум*

Глава 1

Пугающее присутствие

Странное тревожное чувство росло во мне, когда я медленно шла по вымощенным камнем дорожкам собственного сада. Сумерки сгустились. Аромат запоздалых нарциссов тяжело висел в воздухе. Что же это, отчего мне так неловко?

Я остановилась и оглянулась. В доме, от которого меня отделял большой газон, слуги начали зажигать свет в столовой. Со стороны все казалось мирным и спокойным. Я потянулась, чтобы сорвать высокие зеленые стебли, что-то пронеслось над моей головой.

Я тревожно выпрямилась. Что это было? Облако, похожее на туман — холодное, влажное, нечестивое присутствие — проплыло мимо. В саду вдруг стало темнее. Холодный ветер со вздохами пронесся по верхушкам деревьев, и я содрогнулась.

„Возьми себя в руки, Билки!“ Я стала выговаривать себе. Мое воображение решило подшутить надо мной. Тем не менее, я собрала цветы и устремилась к дому, где мягкий свет, лившийся из окон, обещал утешение. Его прочные белые каменные стены и дубовые двери обещали защиту. Ускорив шаги по выложенной камнями дорожке, я поймала себя на том, что часто оборачиваюсь. Я всегда смеялась, когда при мне говорили о сверхъестественном. Конечно, ничего такого здесь и близко не было. Правда?

Как будто в ответ я почувствовала твердое, очень реальное и неприятное прикосновение к правой руке.

Я закричала. Вбежав в дом, я захлопнула за собой дверь. Слуги уже бежали ко мне, но они боялись произнести хоть слово, потому что сама я, должно быть, походила на привидение. Только перед сном я нашла в себе мужество поговорить о случившемся с двумя горничными. „Вы верите в существование духовных сил?“ — спросила я в конце рассказа. Обе горничные, Нурджан и Райшам, одна мусульманка, а другая христианка, уклонились от ответа, но Нурджан, нервно теребя руки, спросила меня, буду ли я против, если она пригласит деревенского муллу, из мечети, который мог принести святую воду, чтобы очистить сад. Но чувство здравого смысла уже вернулось ко мне, отказываясь подчиниться суеверию невежественных людей. Кроме того, я не хотела, чтобы о

случившемся узнали в деревне. Я попыталась улыбнуться, видя ее тревогу! и сказала ей, пожалуй слишком резко, что я не хочу, чтобы хоть один святоша появился на моей земле, притворяясь, будто он изгоняет злых духов. Тем не менее, после того, как горничные удалились, я поймала себя на том, что ищу свой Коран. Но, с трудом прочитав несколько страниц святой книги мусульман, я устала, закрыла ее, снова убрала книгу в шелковый синий чехол и заснула.

На следующее утро я с трудом проснулась, чувствуя себя, как пловец, которому никак не удастся выплыть на поверхность, и в мое сознание проник напев на высокой ноте:

Лаа илааи́а ила илаа, Мухаммед изрек!

Слова, произносимые нараспев, проникли через решетки на окнах моей спальни: *Нет Бога, кроме Аллаха, И Мухаммед его пророк.*

Этот призыв я слышала почти без исключения каждое утро в течение 46 лет. Я представила себе того, кто произносил нараспев эти слова.

Несколько минут назад в соседней маленькой пакистанской деревушке Вах наш старый муэдзин торопливо вошел в древний минарет. Внутри, наверное, было прохладно, муэдзин поднимался по крутым каменным ступеням, стертым сандалиями целых поколений мусульман. Я представила, как на вершине молитвенной башни он остановился, чтобы восстановить дыхание. Затем, подойдя к парапету, он закинул голову, украшенную бородой, и по слогам, которым уже четырнадцать веков, стал призывать правоверных к молитве:

Придите к молитве, придите к спасению, Молитва лучше, чем сон.

Настойчивый призыв разливался в утреннем тумане по булыжным мостовым деревни Вах, все еще холодным после октябрьской ночи, проникал в мой сад и отражался от стен дома, которые казались розоватыми в лучах восходящего солнца.

Когда последние слова древнего напева коснулись моего слуха, я вспомнила неприятное происшествие в саду прошлой ночью. Тогда я быстро решила заняться обычными утренними делами, которые могли успокоить меня просто потому, что были настолько привычными. Я села и потянулась за золотым колокольчиком, стоявшим на мраморном столике рядом с кроватью. Как только раздался его музыкальный звон, в комнату, как всегда задыхаясь, вбежала Нурджан. Обе горничные спали в комнате, примыкающей к моей, и я знала, что они уже час назад встали и ждали моего звонка. Утренний чай в постели был обязательной процедурой. Нурджан начала раскладывать серебряные расчески и щетки. Это была работящая девушка, пухленькая и смешливая, но немного неловкая. Когда она уронила расческу, я сделала ей строгий выговор. Райшам, вторая горничная, высокая женщина с грациозными движениями, была старше и спокойнее Нурджан. Она вошла в комнату, неся большой поднос. Она поставила его на стол рядом с кроватью, сняла белую салфетку и налила мне чашку горячего чая.

Сделав глоток обжигающего напитка, я вздохнула с облегчением: чай был лучше молитвы. Мою мать шокировали бы такие мысли. Сколько раз я видела ее молящейся. Я помню, как она расстилала коврик на полу в спальне, затем, обратившись лицом к святому городу Мекке, преклоняла колени и вжималась во время молитвы лбом в коврик. Вспоминая о матери, я посмотрела на шкатулку, стоящую на столе. Сделанная несколько веков назад из сандалового дерева и украшенная серебром, она принадлежала моей матери, а до этого моей бабушке. Теперь это было моим наследством, и я должна была беречь ее. Выпив две чашки чая, я наклонилась вперед. Это был знак для Райшам, что пора начинать расчесывать мои седеющие волосы длиной до талии, в то время как Нурджан аккуратно трудилась над моими ногтями.

Во время работы девушки переговаривались о новостях из деревни. Нурджан болтала, а Райшам делала спокойные продуманные замечания. Они говорили о мальчике, который покидал дом и уезжал в город, о девушке, которая собиралась замуж, Потом они заговорили об убийстве, которое произошло в соседнем городе, где жила тетя Райшам. Я почувствовала, как Райшам вздрогнула, услышав это известие. Ведь жертвой стала поверившая. Это была молодая девушка, жившая в семье христианских миссионеров. Кто-то наткнулся на ее тело на одной из узких улиц, пересекавших деревню. Предполагалось, что полиция начнет расследование.

„Есть какие-нибудь известия о девушке?“ — небрежно спросила я.

„Нет, Бегума Саиб“, — тихо ответила Райшам, тщательно заплетая мне косу. Я понимала, почему Райшам, сама будучи верующей, не хотела говорить об убийстве. Она знала, как и я, кто убил эту девушку. В конце концов, девушка отказалась от мусульманской веры и приняла веру Исы

крещение. Тогда брат, разгневанный позором, который этот грех навлек на всю семью, повиновался древнему закону правоверных, гласившему, что отступившие от веры должны умереть.

Хотя законы ислама могут показаться строгими и жестокими, их толкование часто сопряжено с милосердием и состраданием. Но всегда находятся ревнители буквы закона Корана, которые доходят до крайности.

Все знали, кто убил девушку. Но никто ничего не предпринимал. Так было всегда. Год назад поверивший слуга одного из миссионеров был найден во рву с перерезанным горлом, и опять-таки, ничего не предпринималось. Я отмахнулась от печальной истории и собралась встать. Горничные поспешили к шкафу и принесли несколько шелковых сари, чтобы я могла выбрать. Я выбрала одно, украшенное драгоценностями, и после того, как они помогли мне одеться, поклонились и тихо вышли.

Солнечный свет разлился по моей спальне, позолотив белые стены и мебель цвета слоновой кости. Солнечные блики сверкнули на фотографии в золотой рамке, стоявшей на туалетном столике. Я подошла, взяла фотографию и рассердилась. Ведь еще накануне я перевернула ее, но кто-то из слуг поставил ее по-прежнему! С фотографии в красивой рамке на меня смотрела и улыбалась элегантная пара, сидевшая за угловым столиком в шикарном лондонском ресторане. Несмотря ни на что, я снова поступила так, как тот, кто продолжает нажимать на больной зуб. Я посмотрела на красивого мужчину с темными усами и горящими глазами. Это был мой муж генерал Халид Шейх. Зачем я хранила эту фотографию? Ненависть всколыхнулась во мне, когда я посмотрела на человека, без которого, как мне казалось когда-то, я не смогу жить. Когда шесть лет назад был сделан этот снимок, Халид был министром внутренних дел Пакистана.

Женщиной, сидевшей рядом с ним и выглядевшей так элегантно, была я. Дочь консервативной мусульманской семьи, которая в течение семисот лет владела землей в этой северо-западной пограничной провинции с холодным климатом, когда-то принадлежавшей северной Индии, я принимала у себя дипломатов и промышленников со всего мира. Я привыкла к поездкам в Париж и Лондон, где я отправлялась за покупками на улицу Мира и в Хэрродз. Элегантная женщина, которая улыбалась мне с фотографии, больше не существовала, думала я, разглядывая себя в зеркало. Нежная светлая кожа стала бронзовой, в блестящих черных волосах появились седые пряди, а разочарование оставило глубокие следы на лице.

Мир фотографии распался на кусочки пять лет назад, когда Халид оставил меня. Страдая от унижения, будучи отвергнутой, я оставила утонченную жизнь Лондона, Парижа и Равалпинди и пыталась обрести покой в семейном поместье, примостившемся у подножия Гималайских гор. В поместье входила маленькая горная деревушка Вах, в которой я провела так много счастливых дней в детстве. Вах была окружена садами, которые сажали многие поколения моей семьи.

Большой каменный дом с башнями, террасами и огромными комнатами, в которых звенело эхо, казался таким же древним, как и покрытые снегом вершины Сафед Кох, видневшиеся на западе. Однако моя тетя тоже жила в этом доме, и в поисках еще большего уединения я переехала в маленький дом, который построила моя семья на окраинах Вах. Скрытый, как драгоценность, в двенадцати акрах садов, этот дом, со спальнями на втором этаже и гостинными, столовыми и кабинетами внизу, обещал мне одиночество, в котором я так нуждалась.

Он дал мне даже больше. Когда я приехала, большая часть садов была в запустении. Для меня это было благословением, потому что мне удалось немного избавиться от печали, погрузившись в работу, необходимую для восстановления садов. Часть из двенадцати акров я превратила в обыкновенные сады с высокими стенами и клумбами, а часть земли оставалась в натуральном виде. Постепенно сады с их бесчисленными музыкальными источниками стали моим миром, пока в 1966 г. за мной не укрепилась репутация затворницы, уединившейся на окраине города среди цветов.

Я оторвала взгляд от фотографии в золотой рамке, которую держала в руках, снова перевернула ее и положила на стол, затем подошла к окну и бросила взгляд на деревню. Вах... Само название деревни было радостным возгласом. Много веков назад, когда она была совсем крошечной, легендарный император Могол Акбар остановился здесь со своим караваном, чтобы отдохнуть и напиться воды из источника совсем рядом с тем местом, где я жила теперь. Он с благодарностью уселся под ивой и радостно воскликнул: „Вах!“, тем самым дав название этой местности навсегда. Но эти воспоминания не освободили меня от тревожного чувства, которое снова и снова поднималось во мне после странного происшествия накануне вечером.

Однако я постаралась стряхнуть его с себя, стоя у окна. Снова наступило утро, я убеждала себя в том, что новый день, принесет безопасное время с привычными занятиями и теплым солнечным светом. Эпизод прошлой ночи все еще казался реальным, но таким далеким, как плохой сон. Я отодвинула белые занавеси и глубоко вдохнула свежий утренний воздух, прислушалась к шуршащему звуку метлы, подметавшей двор. До меня долетел запах древесного дыма и ритмичный звук колес водяной мельницы, работавшей вдалеке. Я удовлетворенно вздохнула. Это Вах, это мой дом, это, в конечном счете, моя безопасность. Именно здесь Наваб Мухаммед Хайат Кан, принц и феодальный землевладелец, жил семьсот лет назад. Мы были его прямыми потомками, и моя семья известна по всей Индии как знать Вах. Столетия назад караваны императоров сворачивали с пути, чтобы навестить моих предков. Даже когда я была маленькой, знать со всей Европы и Азии проделывала тот же самый путь, что и древний караван, через Индию, чтобы навестить мою семью. Но теперь только члены моей семьи проделывали этот путь и приходили ко мне. Конечно, это значило, что я мало видела людей, имевших отношение к этому дому. Но меня это не очень волновало. Мне было вполне достаточно общества четырнадцати домашних слуг. Они и их предки служили моей семье из поколения в поколение. Но самое важное — у меня был Махмуд.

Махмуд — это мой четырехлетний внук. Его мать, Тоони, младшая из моих троих детей, стройная привлекательная женщина, была врачом в госпитале Святого семейства в соседнем Равалпинди. Ее муж был известным землевладельцем.

Однако брак их был несчастлив, и отношения между ними ухудшались с каждым годом. Во время их горьких разногласий Тоони отправляла Махмуда навестить меня. Она просила меня оставить его у себя, пока они не помирятся с мужем. Однажды Тоони с мужем приехала ко мне. Они попросили меня оставить у себя годовалого Махмуда до тех пор, пока они не разберутся в своих отношениях.

„Нет, — сказала я, — я не хочу, чтобы его перебрасывали, как теннисный мячик. Но я с удовольствием усыновлю его и выращу как собственного сына". К сожалению, Тоони с мужем так и не смогли прийти к примирению и в конце концов, разошлись. Однако они согласились на мое предложение и разрешили мне усыновить Махмуда. Все складывалось неплохо. Тоони часто приезжала навестить Махмуда, и мы трое были очень близки друг к другу, особенно с тех пор, как двое других моих детей стали жить далеко.

В тот день Махмуд катался на трехколесном велосипеде по кирпичной террасе, на которую бросали тень миндальные деревья. Он был со мной уже более трех лет. Этот подвижный, похожий на херувима малыш с темно-кариими глазами и курносый носом был единственной радостью моей жизни. Казалось, его громкий смех поднимал дух этого уединенного старого дома. Я волновалась, как повлияет на него жизнь с таким замкнутым человеком, как я. Я старалась как-то компенсировать это, заботясь обо всех его нуждах, у него даже был свой штат слуг, состоящий из трех человек в придачу к моим одиннадцати, они одевали его, выносили игрушки и собирали их, когда они надоедали ему.

Но я беспокоилась за Махмуда. В течение нескольких дней он отказывался от еды. Это показалось мне крайне странным, потому что обычно мальчик часто навещался на кухню и вынуждал моих поваров угощать его сладким печеньем и закусками. В то утро я спустилась вниз и вышла на террасу. После обмена объятиями с Махмудом я спросила его служанку, поел ли малыш.

„Нет, Бегума Саиб, он отказался", — сказала горничная полушепотом. Когда я уговаривала Махмуда поесть хоть немного, он отвечал, что еще не проголодался. Я насторожилась, когда ко мне подошла Нурджан и робко высказала предположение, что на Махмуда напали злые духи. Пораженная, я бросила на нее строгий взгляд, вспомнив тревожное событие прошлой ночи. Что все это значило? Я снова попросила Махмуда поесть, но тщетно. Он не хотел прикасаться даже к любимому швейцарскому шоколаду, который я заказывала специально для него. Я поймала взгляд его влажных глаз, когда предлагала ему плитку шоколада. „Я бы с удовольствием ел шоколад, мама, — сказал он, — но когда я пытаюсь проглотить что-нибудь, мне больно". Я похолодела, окинув взглядом маленького внука, некогда такого подвижного, а теперь настолько апатичного. Я немедленно позвала Манзура, моего шофера, тоже поверившего, и велела ему выводить машину. Через час мы были уже в Равалпинди и направлялись к врачу, наблюдавшему Махмуда. Педиатр тщательно осмотрел Махмуда, но ничего не обнаружил.

Я вся холодела от страха по пути домой. Глядя на маленького внука, который тихонько сидел рядом со мной, я размышляла. Могло ли быть так, что Нурджан не ошиблась? Может быть, что-то действительно было за пределами физического? Может быть... что-нибудь из мира духов напало на него? Я обняла малыша, улыбнувшись про себя подобным мыслям. Я вспомнила, как однажды отец рассказал мне о легендарном мусульманском святом, который мог творить чудеса. Я рассмеялась при одной мысли об этом. Отец был недоволен мной, но именно так я относилась к подобным утверждениям. И все же сегодня, крепко прижимая Махмуда к себе по пути домой, я поймала себя на странных мыслях: может быть, проблема Махмуда связана с туманом в саду? Когда я поделилась своими страхами с Нурджан, она взмахнула руками, кончики пальцев которых были выкрашены хной, и стала умолять меня пригласить муллу и попросить его помолиться за Махмуда и опрыскать святой водой сад.

Я не соглашалась с ее просьбой. Хотя я верила в основы мусульманского учения, за несколько лет я отошла от многих ритуалов: молитв пять раз в день, поста, сложных церемониальных омовений. Но беспокойство за Махмуда превозмогло мои сомнения, и я разрешила Нурджан пригласить муллу из местной мечети.

На следующее утро мы с Махмудом сидели у окна и с нетерпением ждали муллу. Когда я, наконец, увидела, как он поднимался по ступенькам веранды, халат развевался на холодном осеннем ветру, я одновременно пожалела, что пригласила его, и разозлилась, почему он не мог прийти быстрее.

Нурджан привела старика на мою половину и затем удалилась. Махмуд с интересом наблюдал за муллой, пока тот открывал Коран. Мулла, цвет кожи которого гармонировал с цветом кожи святой книги, бросил на меня бегающий взгляд, положил узловатую темную руку на голову Махмуда и дрожащим голосом начал повторять кул. Это молитва, которую мусульмане произносят каждый раз перед каким-нибудь важным действием, это может быть молитва о больном или перед заключением делового соглашения.

Затем мулла начал читать из Корана по-арабски — Коран всегда читается по-арабски, потому что считается неправильным переводить каждое слово, которое Божий ангел передал пророку Мухаммеду. Я стала терять терпение, постукивая ногой.

„Бегума Саиб, — сказал мулла, протягивая мне Коран, — вы тоже должны прочитать эти слова“.

Он указал мне на суру фалак и суру наз, стихи которые нужно повторять в тревожных ситуациях.

„Почему вы вместе со мной не повторяете эти слова?“

„Нет, — сказала я, — я не буду. Бог забыл обо мне, и я забыла о Боге!“. Но бросив взгляд на лицо старика, я смягчилась. В конце концов, он пришел сюда по моей просьбе и делал все для блага Махмуда. „Хорошо“, — сказала я, беря в руки потертую книгу. Я открыла ее, затем прочитала первые стихи, на которых остановился мой взгляд :

Мухаммед, посланник Бога, и все, кто с ним, Настроены против неверующих...

Я подумала о поверившей девушке, которая была убита, и о тумане, который появился в моем саду вскоре после этого убийства, и о том, что происходило с Махмудом. Можно ли связать эти события? Конечно же, никакая злая духовная сила не может связать меня и Махмуда с христианами. Я вздрогнула.

Но мулла, казалось, был удовлетворен. Несмотря на мою замкнутость, он приходил три дня подряд, чтобы читать стихи над Махмудом.

И чтобы закончить целую цепь таинственных тревожных событий, я скажу, что Махмуд стал чувствовать себя лучше.

Что я должна была думать обо всем этом?

Вскоре мне предстояло узнать. Сама того не зная, я подтолкнула события, которые позже поколеблют привычный для меня мир.

Глава 2

Странная книга

После этих событий меня потянуло к Корану. Может быть, он поможет мне разобраться во всем и в то же время заполнит пустоту внутри. Конечно же, арабский текст заключал в себе ответы, которые часто поддерживали мою семью.

Конечно же, я читала Коран и раньше. Я помнила, сколько мне было лет, когда я впервые начала изучать арабский, чтобы уметь читать нашу святую книгу — мне было четыре года, четыре месяца и четыре дня. В этот день каждый мусульманский ребенок начинает изучать арабский текст. Это событие было отмечено пышным семейным праздником, на который пришли все мои родственники. Именно тогда на специальной церемонии жена нашего муллы начала учить меня алфавиту.

Я особенно запомнила дядю Фатеха (детьми мы называли его Большой дядя Фатех; он не был по-настоящему моим дядей — всех старших родственников в Пакистане называют дядями или тетями). Большой дядя Фатех был самым близким родственником нашей семьи, и я ясно помню, как он наблюдал за мной во время церемонии, его подвижное лицо светилось удовольствием, когда я слушала историю о том, как ангел Гавриил начал передавать Мухаммеду слова Корана в „ночь силы“ в 610 г. н. э. Мне понадобилось семь лет, чтобы в первый раз прочесть святую книгу, но когда я закончила ее, это послужило еще одним поводом для семейного праздника.

Ранее я всегда читала Коран по обязанности. В этот раз я чувствовала, что мне на самом деле нужно полистать эти страницы. Я взяла свой Коран, который принадлежал моей матери, расположилась на белом покрывале на своей постели и принялась читать. Я начала с начала, с первого послания молодому пророку Мухаммеду, когда он сидел в одиночестве в пещере на горе Хира;

Во имя твоего Господа, который создал,

Создал Человека из сгустка крови

И твой Господь Самый Щедрый,

Он научил с помощью пера,

Научил человека тому, чего он не знал.

Сначала я увлеклась красотой слов. Но дальше я прочла слова, которые отнюдь не утешали меня:

Когда ты разводишься с женщинами, И они достигли своего срока, То сохрани их в доброте или Освободи их в доброте.

Глаза моего мужа были стальными, когда он сказал, что больше не любит меня. Я внутренне содрогалась, слушая его. А что делать со всеми годами, прожитыми вместе? Разве их можно перечеркнуть просто так? Значит ли это, что я достигла по Корану „своего срока“?

На следующее утро я снова открыла Коран, надеясь найти в витиеватом тексте уверенность, в которой так нуждалась. Но обрести ее не удалось. Я нашла только указания, как жить, и предостережения против других верований. Там были стихи о пророке Исе, послание Которого, как сказано в Коране, было фальсифицировано первыми христианами. Хотя Иса родился от девы, Он не был сыном Божьим. „Поэтому не говори „Три“, — предупреждал Коран против христианского понятия Троицы. — Это лучше для тебя. Бог — это только один Бог“.

После нескольких дней изучения святой книги я отложила ее со вздохом и спустилась в сад, надеясь найти покой в природе и приятных воспоминаниях. Даже в это время года обильная зелень радовала глаз, то там, то тут ее украшали цветы. Для осени это был теплый день, Махмуд гулял по тропинкам, по которым я гуляла с отцом еще ребенком. Я легко могла представить себе отца, он шел рядом со мной в своем белом тюрбане, неизменно облаченный в консервативный английский костюм из Сэвил Роу, строгий, как правительственный министр. Часто он называл меня полным именем Билкис Султана, зная, насколько мне это нравилось. Ведь Билкис звали царицу Савскую, и все знали, что имя Султана означало царственность.

Мы много беседовали. В последнее время нам нравилось разговаривать о новой стране, Пакистане. Он так гордился ею. „Исламская республика Пакистан была создана специально для того, чтобы стать отчим домом для южноазиатских мусульман“, — говорил он. „Мы живем в одной из крупнейших стран мира с исламским законом“, — добавлял он, указывая, что 96% населения нашей страны составляют мусульмане, а остальное — рассеянные группы буддистов, христиан и индуистов.

Я вздохнула и посмотрела поверх садовых деревьев на отдаленные холмы, покрытые лавандой. Я всегда находила утешение в общении с отцом. В последние годы я стала его компаньоном. Мы часто обсуждали быстро изменяющуюся политическую ситуацию в нашей стране, и я высказывала свою точку зрения. Он понимал меня, он был таким чутким. Но теперь его нет. Я вспомнила тот день, когда стояла у его свежей могилы на мусульманском кладбище Бруквуд за пределами Лондона. Он уехал в Лондон на операцию, но не поправился. По мусульманским обычаям, тело нужно похоронить через 24 часа после смерти. Когда я добралась до кладбища, его гроб уже начинали опускать в могилу. Я не верила, что никогда больше не увижу отца. Крышку гроба немного приоткрыли, чтобы я могла в последний раз взглянуть на него.

Но тот прах, который я увидела в гробу, не мог быть моим отцом; куда он ушел? Я молча раздумывала об этом, пока гроб снова закрывали. Каждый удар болью отдавался во мне.

Мать, с которой мы были тоже очень близки, умерла спустя семь лет, оставив меня в полном одиночестве.

В саду стали удлиняться тени, и снова наступили сумерки. Нет, утешение, которое я пыталась найти в воспоминаниях, обернулось новой болью. Где-то вдалеке муэдзин призывал к молитве на закате солнца; эти звуки еще больше обострили чувство одиночества во мне.

„Где? О, Аллах, — шептала я в молитвенном ритме, — где утешение, которое Ты обещаешь?“.

В тот вечер, вернувшись к себе в спальню, я снова достала Коран, ранее принадлежавший моей матери. Меня опять поразило обилие ссылок на иудейские и христианские писания, предшествующие ему. Может быть, подумала я, мне следует продолжить поиски в этих более ранних источниках?

Но это означало, что мне нужно прочесть Слово Бога. Как могло помочь мне Слово Бога, если, как известно каждому, первые Поверившие так много изменили в ней. Но мысль о необходимости прочитать Слово Бога становилась все более и более навязчивой. Как в Писании понимается Бог? Что Слово Бога на самом деле говорило о пророке Исе? Скорее всего, мне стоит прочесть ее.

Но тут возникла новая проблема: где достать Библию. Ни в одном из близлежащих магазинов такой литературы нет.

Может быть, у Райшам есть. Но я отмахнулась от этой мысли. Даже если у нее и есть, моя просьба пугает ее. Пакистанцев убивали только за попытку обратить мусульман в христианство. Я подумала о других поверивших слугах. Родственники предостерегали меня брать на работу таких из-за недостатка преданности и недостойности. Но меня такой пустяк не волновал, лишь бы только они выполняли свои обязанности. Без всякого сомнения, они не были полностью искренними. В конце концов, когда христианские миссионеры появились в Индии, они легко нашли первых сторонников среди самых низших классов. Большею частью, это были уборщики, люди, занимавшие такое низкое положение в обществе, что их работа ограничивалась уборкой улиц и дорог. Мы, мусульмане, называли таких „поверившими из-за риса“. Может быть, именно из-за еды, одежды и образования, которые предлагали миссионеры, многие из них приняли лжерелигию?

Сами мы с интересом наблюдали за миссионерами, они уделяли так много внимания этим несчастным. Несколько месяцев назад мой шофер Манзур, поверивший, просил у меня разрешения показать мой сад нескольким местным миссионерам, которые восхищались им через решетку.

„Конечно“, — сказала я любезно, думая о том, как бедный Манзур старается произвести впечатление на этих людей. Через несколько дней из окна кабинета я наблюдала, как молодая американская пара ходила по саду. Манзур обращался к ним „уважаемые мистер и миссис Дэвид Митчелл“. У обоих были темные волосы, светлые глаза, оба носили дешевую западную одежду. „Такие бесцветные создания“, — подумала я. И все же я разрешила садовнику дать этим миссионерам семена, если они пожелают.

Но мысли о них напомнили мне о желании найти Слово Бога. Манзур мог достать мне ее. Завтра я распоряжусь об этом.

На следующее утро я вызвала его к себе. Он стоял передо мной в своих белых панталонах, внимательно ждал моих слов, и нервное подергивание его лица, как всегда, заставило меня почувствовать неловкость.

„Манзур, я хочу, чтобы ты достал мне слово Бога“.

„Слово Бога?“ — его глаза раскрылись от удивления.

„Конечно!“, — сказала я, стараясь сохранить терпение. Поскольку Манзур не умел читать, я была уверена, что у него нет собственного. Но я чувствовала, что он может мне ее достать. Когда он что-то пробормотал, я не поняла его и повторила просто, но твердо: „Манзур, достань мне Слово Бога“.

Он кивнул, поклонился и ушел. Я поняла, почему он пытался отклонить мою просьбу. Манзур был сделан из того же теста, что и Райшам. Они оба помнили об убитой девушке. Дать Слово Бога уборщику одно дело, но принести ее человеку из высшего класса, это уже совсем другое дело. Одно лишь упоминание об этом могло поставить его в весьма затруднительное положение.

Через два дня Манзур повез меня в Равалпинди повидаться с Тоони.

„Манзур, я все еще не получила Слово Бога“.

Я заметила, что он с такой силой сжал руль, что суставы побелели.

„Госпожа, я достану“.

Через три дня я вызвала его в дом:

„Манзур, я просила тебя принести мне Слово Бога три раза, но ты этого не сделал“.

Подергивание его лица стало еще более заметным. „Даю тебе еще один день. Если завтра ты не принесешь мне его, я уволю тебя“.

Его лицо посерело. Он знал, что я выполню угрозу. Он повернулся и ушел. Я слышала, как его шоферские ботинки прогремели по террасе.

На следующий день перед приездом Тоони в моем маленьком кабинете внизу появилась Слово Бога, причем самым загадочным образом. Я взяла его и стала тщательно изучать. Это было дешевое издание в тряпичном сером переплете, напечатанное на урду — местном индийском диалекте. Оно было переведено англичанином 180 лет назад, и мне было трудно вникнуть в вышедшую из употребления фразеологию. Совершенно очевидно, что Манзур взял ее у друга, оно было почти новое. Я пролистала его тонкие страницы, положила и забыла о нем.

Через несколько минут подъехала Тоони. Махмуд бежал за ней следом, прыгая от радости. Он знал, что мать привезла ему подарок. Через минуту Махмуд уже вбежал на террасу, унося с собой новый аэроплан, а мы с Тоони присели, чтобы выпить чашечку чая.

Только тут Тоони заметила писание на столе рядом со мной. „Ой, Слово Бога! — воскликнула она. — Ну-ка, открой, посмотрим, что здесь написано“. В нашей семье на все религиозные книги смотрят с уважением. Для нас было привычным делом время от времени открыть наугад любую святую книгу, слепо ткнуть пальцем в один из отрывков, чтобы посмотреть, что там сказано, как будто ожидая пророчества.

Я открыла маленькую Слово Бога с легким сердцем и посмотрела на страницу. Дальше произошло нечто необычное. Такое впечатление, что мое внимание было обращено на стих в нижнем правом углу на правой странице. Я склонилась, чтобы прочитать этот стих:

„Не Мой народ назову Моим народом, и не возлюбленную — возлюбленную;

И на том месте, где сказано им: вы не Мой народ, там названы будут сынами Бога живого“.
(Римл. 9: 25-26).

У меня перехватило дыхание, я вздрогнула всем телом. Почему эти слова оказали на меня такое влияние? „Не Мой народ назову Моим народом... и на том месте, где сказано им: вы не Мой народ, там названы будут сынами Бога живого“.

В комнате повисла тишина. Я посмотрела на Тоони, которая ждала, пока я скажу, что я нашла в книге. Но я не могла произнести эти слова вслух. Что-то в них имело такую глубину, что я не могла их прочесть как развлечение.

„Ну, что ты нашла, мама?“ — спросила Тоони, и ее живые глаза вопросительно остановились на мне.

Я закрыла книгу, пробормотала что-то о том, что это уже не игра, и перевела разговор на другую тему.

Но слова стучали в моем сердце. Они оказались подготовкой к самым необычным снам, которые когда-либо мне приходилось видеть.

Глава 3 СНЫ

Только на следующий день я снова взяла маленькое серое Слово Бога. Ни Тоони, ни я больше не обращали на него внимания после того, как я перевела разговор на другую тему. Но в течение всего дня слова из того отрывка все время звучали в моем подсознании.

На следующий день я рано ушла к себе. Мне хотелось немного отдохнуть и подумать в будуаре. Я взяла с собой Слово Бога и устроилась поудобнее среди мягких подушек на диване. И снова я пролиставала тонкие страницы и прочла еще одну странную фразу:

„А Израиль, искавший закона праведности, не достиг до закона праведности" (Римл. 9: 31).

„Ах, — подумала я. — Все, как в Коране; иудеи дискредитировали себя. Автор этих строк, наверное, был мусульманином, — думала я, — потому что он упрекал народ израильский в незнании праведности Божьей".

Но от следующего отрывка у меня перехватило дыхание:

„Потому что конец закона — Иса, к праведности всякого верующего" (Римл. 10: 4).

На секунду я отложила книгу. Иса? Он конец закона? Я стала читать дальше:

„Близко к тебе слово, в устах твоих и в сердце твоём... Ибо, если устами твоими будешь исповедывать Иисуса Господом и сердцем твоим веровать, что Бог воскресил Его из мертвых, то спасешься" (Римл. 10: 8-9).

Я отложила книгу и покачала головой. Это прямо противоречило Корану, Мусульмане знали, что пророк Иса был просто человеком, что этот человек не умирал на кресте, но был взят на небо Богом, а вместо Него на кресте умер похожий на Него. Иса, который сейчас находился на небесах, когда-нибудь должен вернуться на землю, чтобы править на ней сорок лет, жениться, завести детей, а затем умереть. Я даже слышала, что для Него отведена специальная гробница в Медине, в городе, где был похоронен Мухаммед. В день воскресения Иса воскреснет и предстанет вместе с другими людьми на суд Божий перед Всемогущим Богом. Но в этом Слове Бога сказано, что Иса уже воскрес из мертвых. Это либо богохульство, либо...

Мой разум был смущен. Я знала, что всякий, призывающий имя Аллаха, будет спасен. Но поверить, что Иса это Аллах? Даже Мухаммед, последний и самый великий из посланников Бога, печать пророков, был всего лишь смертным.

Я откинулась на диван, закрыв руками глаза. Если Слово Бога и Коран говорили об одном и том же Боге, почему же столько противоречий и несогласий между ними? Как речь может идти об одном и том же Боге, если Бог Корана полон мести и наказания, а Бог верующих в писание— это Бог милосердия и прощения? Не знаю, когда мне удалось заснуть. Обычно мне никогда не снятся сны, но в ту ночь мне приснился сон. Он был таким явным, события такими реальными, что на следующее утро мне было трудно поверить, что все это лишь фантазия. Вот что я видела.

Мне приснилось, что я ужинаю с человеком, и я знаю, что это Иса. Он пришел ко мне в гости в мой дом и остановился на два дня. Он сидел напротив меня за столом, и мы вместе ужинали в мире и радости. Неожиданно сон изменился. Теперь я была на вершине горы с другим человеком. Он был одет в хитон и сандалии. Интересно, откуда я узнала его имя? Иоанн Креститель. Какое странное имя. Я поймала себя на том, что рассказываю этому человеку о том, как меня недавно посетил Иисус. „Господь приходил ко мне и гостил у меня два дня, — говорила я. — Но теперь Он ушел. Где Он? Мне нужно найти Его. Может быть, ты, Иоанн Креститель, отведишь меня к Нему?"

Это был сон. Когда я проснулась, с моих уст слетело имя „Иоанн Креститель! Иоанн Креститель!" Нурджан и Райшам вбежали в мою комнату. Казалось, их смутило то, что я кричала во сне, и они быстро стали одевать меня. Я постаралась рассказать им о том, что случилось.

„О, как интересно", — хихикала Нурджан, поднося мне поднос с духами. „Да, это был благословенный сон", — прошептала Райшам, расчесывая мне волосы. Меня удивило то, что поверившая Райшам не так удивилась. Я стала спрашивать ее об Иоанне Крестителе, но все равно решила проверить сама; в конце концов, Райшам была простой деревенской женщиной. Но кто был Иоанн Креститель? Мне не попадалось это имя на тех страницах Слова Бога, которые я уже прочла.

В течение следующих трех дней я продолжала читать параллельно Слово Бога и Коран, обращаясь то к одной, то к другой книге. Я чувствовала, что открывала Коран только из чувства долга, а затем с нетерпением переключалась на новую книгу, погружаясь в нее, открывая для себя ее странный

новый мир. Каждый раз, когда я открывала Слово Бога, меня наполняло чувство вины. Наверное, причиной этому было мое строгое воспитание. Даже когда я стала взрослой женщиной, мой отец подбирал для меня подходящие книги. Как-то раз мы с братом тайком пронесли книгу к себе в комнату. Хотя это была совершенно невинная книга, мы очень боялись, читая ее.

Теперь, когда я открывала Писание, я чувствовала тот же самый страх. Одна история привлекла мое внимание. В нем говорилось о том, как иудейские старейшины привели женщину, взятую в прелюбодеянии, к Исе. Я содрогнулась, представляя заранее, какая судьба ожидала эту несчастную. Читая в Библии о женщине, стоящей перед своими обвинителями, я знала, что ее собственные братья, дяди и двоюродные братья были первыми среди тех, кто собирался побить ее камнями.

Он... сказал им: „Кто из вас без греха, первый брось в нее камень" (Ин. 8: 7).

Я представила, как обвинители один за другим уходили. Вместо того, чтобы наблюдать за ее законной смертью, Иса заставил ее обвинителей признать собственную вину. Книга упала мне на колени, я глубоко задумалась. В этом было что-то настолько логичное, настолько правильное — этот человек говорил истину. Через три дня мне приснился второй странный сон:

Я была в своем будуаре, когда вошла горничная и сказала, что торговец духами хочет видеть меня. Я поднялась с дивана с радостью, потому что в это время в Пакистане импортные духи были дефицитом. Я не могла отказать себе в любимой роскоши. И вот во сне я радостно попросила горничную привести торговца ко мне. Он был одет точно так же, как торговец времен моей матери, когда они ходили от дома к дому, предлагая свой товар. На нем был черный сюртук, товар он носил в большом саквояже. Открыв саквояж, он достал золотой флакон. Сняв крышку, он подал его мне. Заглянув во флакон, я крайне удивилась: духи сверкали, как жидкий кристалл. Я уже собиралась потрогать их пальцем, когда он поднял руку. „Нет, — сказал он. Взяв у меня золотой флакончик, он отошел и поставил его на столик перед моей кроватью. — Это благовоние изольется на весь мир", — сказал он.

Проснувшись на следующее утро, я очень хорошо помнила сон. Солнечный свет лился через окно, и я все еще чувствовала запах прекрасных духов, их чудный аромат наполнял комнату. Я поднялась и посмотрела на туалетный столик, наполовину уверенная в том, что сейчас увижу золотой флакончик.

Вместо флакона я увидела Слово Бога!

Я затрепетала. Сев на постели, я стала размышлять о своих снах. Что же они значили? Долгое время мне вообще не снились сны, а тут целых два сна подряд. Были ли они связаны? И какая связь между ними и моим недавним столкновением со сверхъестественным миром?

В тот день я, как обычно, отправилась на дневную прогулку по саду. Я все еще размышляла о своих снах. Но теперь к ним добавилось что-то еще. У меня было такое впечатление, будто во мне появились странный восторг и радость, мир, превосходивший все, что я когда-либо знала. Мне казалось, что я приблизилась к присутствию Бога.

Неожиданно я ступила на открытое место, залитое солнцем, воздух вокруг меня казался живым, как будто в нем разлился странный аромат. Это не был аромат цветов — слишком поздно уже цвести садам, тем не менее, это был настоящий аромат.

Я вернулась домой в возбужденном состоянии. Откуда взялся этот аромат? Что происходило со мной? С кем бы я могла поговорить обо всем том, что случилось? Должен быть человек, знающий Слово Бога. Я уже отказалась от мысли расспрашивать поверивших слуг. Прежде всего, на моем месте было бы необдуманным шагом расспрашивать их. Они, скорее всего, никогда не читали Слово Бога и не поймут меня. Нет, мне нужно поговорить с человеком образованным, знающим эту книгу.

Пока я обдумывала все это, мне пришла в голову немислимая идея. Я попыталась отмахнуться от нее. Меньше всего я хотела обращаться за помощью по этому адресу.

Но это имя снова и снова возвращалось ко мне, и, в конце концов, я позвала Манзура:

„Я хочу, чтобы ты подготовил для меня машину". Потом, подумав, я добавила: „Я поведу машину сама".

Глаза Манзура округлились: „Вы сами?"

„Да, сама, если ты не возражаешь". Он неохотно ушел. Редко я приказывала подать машину так поздно вечером. Я была офицером Королевской индийской армии в женской дивизии во время второй мировой войны и водила машины скорой помощи и служебные машины по любым дорогам и на огромные расстояния. Но во время войны это одно дело, и даже тогда я ездила с

сопровождающим. Дочь навабской знати не должна ездить одна в своей машине, особенно по вечерам.

Но я не могла рисковать и ставить Манзура в известность о том, что собиралась сделать, потому что не хотела ненужных сплетен среди слуг. Я была убеждена, что только в одном источнике могу найти ответ на вопросы: кто такой Иоанн Креститель? Как понять сон с духами?

Итак, с большой неохотой в тот вечер я отправилась к супругам, которых почти не знала, — к мистеру и миссис Дэвид Митчелл, которые в то лето побывали в моем саду.

Поскольку они были христианскими миссионерами, мне меньше всего хотелось быть замеченной в их обществе.

Глава 4 **ВСТРЕЧА**

Мой черный Мерседес ждал на подъездной дорожке. Манзур стоял у шоферской двери, до последней минуты защищая тепло в машине от порывов осеннего ветра. Его темные глаза по-прежнему вопрошающе смотрели на меня, но он не говорил ни слова. Я села в теплую машину, устроилась поудобнее за рулем и поехала навстречу сумеркам. Слово Бога лежало на сидении рядом со мной.

В деревне Вах все друг друга знают, знают, кто где живет, Митчеллы жили примерно в пяти милях от деревни. Дома в том районе были построены в качестве временного прибежища для британских войск во время второй мировой войны. Я вспомнила, что уже несколько раз видела эти бедные одинаковые дома, потерявшие большую часть белой краски, их тонкие крыши латали очень часто.

Странная смесь ожидания и страха наполняла меня в пути. Я никогда раньше не бывала в доме христианских миссионеров. Я надеялась узнать о том, кто же был этот загадочный человек, Иоанн Креститель, и все-таки я боялась чего-то определенного, может быть, „влияния“, со стороны тех, кто ответит на мой вопрос. Что скажут в моем окружении о визите к христианскому миссионеру? На секунду я подумала о своем прапрадеде, который сопровождал известного британского генерала Никольсона через Киберский перевал в одну из афганских войн. Какой позор этот визит навлечет на мою семью! Для него миссионеры всегда ассоциировались с бедняками — изгоями общества. Я представила себе разговор с дядей или тетей, в котором бы я, защищаясь, рассказала о странных снах. „В конце концов, — сказала я, — в сцене, разыгравшейся в моем воображении, любой на моем месте захотел бы понять значение таких вещей снов“.

Приблизившись к району, где жили Митчеллы, в тусклом вечернем свете я увидела, что здесь все осталось так, как я запомнила, пожалуй, только знакомые дома выглядели еще более обшарпанными, если это возможно. После поисков по узким улицам я нашла дом Митчеллов именно там, где я и предполагала. Это был маленький выкрашенный в белый цвет дом, скрытый в зарослях шелковицы. Сначала из осторожности я хотела припарковать машину поодаль, но потом взяла себя в руки. Я слишком боялась того, что подумает моя семья. И все же я решилась и припарковала машину напротив дома Митчеллов, взяла Писание и быстро направилась к дому. Двор, как я заметила, был чистым, аккуратным, а веранда содержалась в хорошем состоянии. По крайней мере, эти миссионеры поддерживали чистоту и порядок.

Неожиданно дверь дома распахнулась, и из дома вышла целая группа деревенских женщин, одетых в типичные, похожие на пижаму платья и шарфы. Я остолбенела. Конечно же, они узнают меня, почти все в этом городе знали меня. Теперь повсюду пойдут сплетни о том, что Бегума Шейх ходила в гости к христианским миссионерам!

Как только свет упал на меня и женщины меня заметили, их беседа резко оборвалась. Они поспешили мимо меня на улицу, и каждая приложила руку ко лбу в знак традиционного приветствия. Мне ничего не оставалось, как только продолжить свой путь к дверям, где миссис Митчелл стояла на пороге, вглядываясь в темноту. Вблизи она выглядела такой же, как я запомнила ее, увидев как-то в городе: молодая, бледная, почти хрупкая. Только теперь она была одета, — как деревенские женщины. Увидев меня, она открыла рот от удивления. „Как... как, Бегума Шейх! — воскликнула она.

— Как это?... Но... входите, — сказала она. — Входите“. Я была рада наконец-то очутиться в доме, подальше от глаз деревенских женщин, потому что знала, что они смотрят мне в спину. Мы прошли

в гостиную, маленькую и просто обставленную. Миссис Митчелл пододвинула мне то, что считалось самым удобным, — кресло, и поставила его поближе к огню. Она не стала садиться, но стояла передо мной, нервно теребя руки. Я посмотрела на группу стульев посередине комнаты. Миссис Митчелл объяснила мне, что только что закончила изучение Слово Бога с несколькими местными женщинами. Она нервно откашлялась. „Ах, может быть, Вы хотите чаю?" — спросила она, поправляя волосы.

„Нет, спасибо, я пришла, чтобы кое-что спросить у Вас". Я оглянулась. „А мистер Митчелл дома?"

„Нет, он уехал в Афганистан".

Я пожалела об этом. Женщина, стоявшая передо мной, была такой молодой! Разве она может ответить на мои вопросы?

„Миссис Митчелл, — обратилась я к ней, — Вы знаете что-нибудь о Боге?"

Она опустила в одно из деревянных кресел и посмотрела на меня с изумлением, единственным звуком в комнате было шипение пламени в камине. Затем она тихо сказала: „Боюсь, я немного знаю о Боге, но я знаю Его Самого".

Какое странное утверждение! Как может человек утверждать, что знает Бога! Но странная уверенность этой женщины передалась и мне. Не успела я осознать, что происходит, как обнаружила, что рассказываю ей о снах, связанных с пророком Исой и с человеком по имени Иоанн Креститель. Странно, но мне было трудно управлять своим голосом, когда я вспоминала свои переживания. Даже пересказывая ей сны, я заново переживала то возбуждение, которое почувствовала на вершине горы. Затем, описав свой сон, я наклонилась вперед.

„Миссис Митчелл, я слышала об Исе, но кто такой Иоанн Креститель?"

Миссис Митчелл посмотрела на меня и нахмурилась. Я почувствовала, что она хочет спросить меня, неужели я действительно никогда не слышала об Иоанне Крестителе, но вместо этого она поудобнее устроилась в кресле. „Ну, Бегума Шейх, Иоанн Креститель был пророком, предшественником Исы, который проповедовал покаяние и был послан приготовить путь Ему. Именно он указал на Ису и сказал: „Вот Агнец Божий, берущий на себя грехи мира". Он крестил Ису".

Почему-то мне стало беспокойно при слове „крестил". Я немного знала об этих дерущих, но всем мусульманам известно об их странном обычае крещения. Я быстро вспомнила многих людей, которых убили после крещения. Такое случалось даже во время британского правления, когда предполагалась свобода вероисповедания. Еще в детстве я научилась сопоставлять два факта: мусульманин крестился, мусульманин умер,

„Бегума Шейх?"

Я очнулась. Сколько мы просидели вот так в тишине? „Миссис Митчелл, — сказала я, причем в горле у меня пересохло, — забудьте о том, что я мусульманка. Просто расскажите мне, что Вы имели в виду, когда сказали, что знаете Бога?"

„Я знаю Ису," — сказала миссис Митчелл, и я поняла, что она решила, будто ответила на мой вопрос.

Потом она рассказала мне о том, что Бог сделал для нее и для всего мира, разрушив пропасть, отделявшую грешного человека от Него Самого, придя на эту землю во плоти и приняв смерть за каждого из нас на кресте.

В комнате снова повисла тишина. Я слышала, как по шоссе проезжали грузовики. Казалось, что миссис Митчелл не торопилась говорить. Неожиданно, с трудом веря своим ушам, я сделала глубокий вдох и начала говорить вполне определенно: „Миссис Митчелл, в нашем доме за последнее время произошли странные события. События духовные. Хорошие и плохие. Я чувствую себя так, как будто я попала на поле боя, и мне нужна помощь. Не могли бы Вы помолиться за меня?"

Женщина, казалось, удивилась моей просьбе, затем, взяв себя в руки, спросила меня, как я хочу молиться: стоя, преклонив колени или сидя. Я содрогнулась, неожиданно испугавшись. Все эти виды казались мне невыносимыми. Но на моих глазах эта худенькая женщина преклонила колени. И я последовала ее примеру!

„Дух Божий! — тихо произнесла миссис Митчелл, — я знаю, что никакими словами мне не удастся убедить Бегуму Шейх в том, Кто на самом деле Иса. Но я благодарю Тебя за то, что Ты снимаешь покрывало с наших глаз и Сам открываешь Ису в наших сердцах. О, ДУХ СВЯТОЙ, сделай это для Бегумы Шейх. Аминь"

Мы стояли на коленях, как мне показалось, целую вечность. Я радовалась наступившему молчанию, потому что на сердце у меня странным образом потеплело.

Наконец, миссис Митчелл и я встали. „Это Слово Бога, госпожа Шейх?“, — спросила она, указывая на маленькую серую книгу, которую я одной рукой прижимала к груди. Я показала ей книгу. „Что Вы о ней думаете? — спросила она, — Вам было легко ее понимать?“

„Не совсем, — сказала я, — это старый перевод, и я не очень его понимаю“.

Она вышла в соседнюю комнату и вернулась с другой книгой.

„Это Новый Завет на современном английском, — сказала она. — Его называют переводом Филиппса, он наиболее понятен. Может быть, Вы возьмете его?“

„Да“, — сказала я без колебания.

„Начните с Евангелия от Иоанна, — посоветовала миссис Митчелл, открывая книгу и закладывая нужную мне страницу. — Это другой Иоанн, но он очень четко говорит об Иоанне Крестителе“.

„Спасибо, — сказала я, тронутая ее вниманием. — А теперь, думаю, я и так отняла у Вас слишком много времени“.

Когда я собралась уходить, миссис Митчелл сказала: „Вы знаете, это так интересно, что именно сон привел Вас сюда. Бог часто разговаривает со своими детьми через сны и видения“.

Когда она помогала мне надеть пальто, я подумала: может быть, стоит рассказать ей о втором сне. О том торговце духами. Он был таким странным. Как уже не раз за тот вечер, я вдруг почувствовала неожиданный прилив храбрости, как будто идущий изнутри. „Миссис Митчелл, скажите, есть ли какая-то связь между духами и Исой?“

Она подумала с минуту, опираясь на косяк. „Нет, — сказала она, — пока мне ничего не приходит в голову. Однако я помолюсь об этом“.

Когда я ехала домой, то вновь ощутила странный аромат, который появился в моем саду накануне!

Приехав домой, я стала читать часть Слова Бога, которая называлась „Евангелие от Иоанна“. Его автор рассказывал об Иоанне Крестителе, странном человеке, облаченном в одежду из конского волоса, пришедшем из пустыни и призывавшем людей подготовиться к пришествию Господа. А затем в тишине своей спальни, сидя на диване, окруженная воспоминаниями и традициями, уходившими назад на семь веков, я поймала себя на одной мысли, несвязной, нежеланной и сразу отвергнутой: если Иоанн Креститель был знамением от Бога, знаком, указывавшим на Ису, может быть, тот же самый человек указывал и мне на Ису?

Конечно же, я постаралась отмахнуться от тревожного христианского влияния.

Тут вошла Райшам, но не с чаем, а с запиской, которую, как она сказала, только что принесли в дом.

Это прислала миссис Митчелл. В ней было следующее: „Прочтите Второе послание к коринфянам, 2 главу, 14 стих“.

Я потянулась за Писанием, которое она дала мне, и искала, пока не нашла нужную страницу. Взглянув на эти слова, я „потеряла дар речи“:

„Но благодарение Богу, Который всегда дает нам торжествовать во Христе и благоухание познания о Себе распространяет нами во всяком месте“.

Я сидела в постели и перечитывала стих; от уверенности, бывшей у меня всего минуту назад, не осталось и следа. Познание Исы распространяется как благоухание! Во сне торговец забрал у меня золотой флакончик с благовонием и поставил его на столик рядом с кроватью, сказав, что „это благовоние изольется на весь мир“. На следующее утро я нашла Писание на том самом месте, куда он поставил флакон! Все было слишком ясно. Мне больше не хотелось об этом думать. Нужно позвонить, чтобы принесли чай, чтобы жизнь снова вошла в привычную колею до того, как что-нибудь еще случится.

Хотя миссис Митчелл пригласила меня прийти еще раз, я решила, что мне лучше этого не делать. Мне казалось, что я приняла разумное и логичное решение самостоятельно исследовать Слово Бога. Мне не хотелось, чтобы мне мешало какое-нибудь внешнее влияние. Однако днем Нурджан вбежала ко мне в комнату со странным выражением лица. „Мистер и миссис Митчелл хотят видеть Вас“, — сообщила она.

Я испугалась. Зачем они пришли сюда? Однако, быстро взяв себя в руки, я велела горничной проводить их ко мне.

Дэвид Митчелл, высокий худощавый человек с волосами песочного цвета, излучал ту же самую доброту, что и его жена. Казалось, они были так счастливы видеть меня, что я забыла о неловкости, которую испытала, узнав об их приходе.

Миссис Митчелл, приветствуя меня, начала с пожатия руки, а потом обняла меня. Это ошеломило меня. Никто, кроме членов семьи, даже самые близкие друзья, не обнимали меня таким образом. Я напряглась, но миссис Митчелл, казалось, не заметила моей реакции. Потом я поймала себя на том, что мне пришлось признать — такое проявление чувств было приятно мне. В ее приветствии не было ничего притворного.

„Я очень рад познакомиться с „цветочной леди“, — воскликнул Дэвид с американским акцентом.

Я взглянула на миссис Митчелл, и она рассмеялась. „Я должна кое-что объяснить. Когда Вы пришли к нам, я хотела сообщить об этом Дэвиду телеграммой, потому что мы часто говорили о Вас, побывав у Вас в саду прошлой весной. Однако я не хотела называть Ваше имя, чтобы защитить Вас. Я думала, как мне назвать Вас в телеграмме, и, выглянув в окно, увидела цветы, которые выросли из тех семян, которые Вы дали нам. И тут название пришло само собой: „цветочная леди“, и эта фраза стала Вашим кодовым именем“.

Я рассмеялась: „Ну, что ж, с сегодняшнего дня Вы можете называть меня Билкис“.

„А Вы, пожалуйста, — сказала она, — называйте меня Синов“.

Это был странный визит. Сначала я приняла его за попытку Митчеллов навязать мне свою религию, но ничего подобного не произошло. Мы выпили чая и поговорили. Я спросила, почему ису называли Сыном Божьим, ведь для мусульманина нет большего греха, чем подобное утверждение.

В Коране снова и снова повторяется, что у Бога нет детей. „А эта Троица? — спросила я. — Как это Бог тройственен?“

В ответ Дэвид сравнил Бога с солнцем, которое проявляет себя в трех различных видах энергии — в тепле, свете и радиации. Это тройственное отношение, которое вместе составляет солнце, каждое из них в отдельности не является солнцем. Вскоре они ушли.

И снова в течение нескольких дней я сидела с двумя книгами — Кораном и Словом Бога. Я продолжала читать их параллельно, изучая Коран, будучи верной своему воспитанию, и погружаясь в Писание из-за странного внутреннего голода.

И все же иногда я откладывала его Бог не может открываться в двух книгах, это я знала, потому что содержание их было разным.

- Но каждый раз, когда я сомневалась, открывать ли Новый завет, который дала мне миссис Митчелл, я ощущала странное чувство вины. Всю последнюю неделю я жила в мире красоты, не в видимом саду, созданном мною из семян и воды, но внутреннем саду, сотворенном духовным знанием. Впервые я вошла в этот мир красоты с помощью снов, во второй раз я узнала об этом мире в ту ночь, когда почувствовала удивительное присутствие в саду; я познала его еще раз, когда подчинилась внутреннему побуждению и навестила Митчеллов.

Медленно, но неуклонно за последние несколько дней я начала понимать, что есть путь в тот мир красоты. Чтение этой христианской книги, казалось, по какой-то странной причине, еще неведомой мне, было ключом к нахождению этого мира.

И вот однажды маленький Махмуд подбежал ко мне, держась за ухо и стараясь не плакать. „Ухо, мама, — прохныкал он, и в его голосе четко слышалось страдание. — Мне больно“.

Я наклонилась и тщательно осмотрела его. Обычно смуглое лицо Махмуда побледнело, и хотя он был не склонен жаловаться, я видела, как на его маленьких белых щечках блестели слезы.

Я сразу же уложила его в постель и осторожно укрыла. Его темные волосы выделялись на подушке. Как только он закрыл глаза, я подошла к телефону и позвонила в госпиталь Святого семейства в Равалпинди. Через минуту Тоони была на проводе. Она согласилась, что нам необходимо осмотреть Махмуда в больнице на следующий день. Мне могли предоставить в больнице комнату по соседству, а моей горничной отвели помещение, примыкающее к моему.

День склонился к вечеру, когда мы разместились в удобных комнатах. У Тоони был свободный вечер, и она решила провести его с нами. Вскоре Махмуд с матерью смеялись над какими-то картинками, которые Махмуд раскрашивал в книге, принесенной ему Тоони. Я улеглась и читала в постели Слово Бога. Я также взяла с собой Коран, но теперь я читала его только из чувства долга, без всякого интереса.

Неожиданно свет в комнате померк, а затем погас вообще. Наступила темнота. „Опять неполадки с электричеством, — сказала я. — Здесь есть свечи?“

Через минуту дверь открылась, и вошла монахиня с фонариком. „Я надеюсь, Вы не боитесь темноты, — весело сказала она. — Скоро мы принесем свечи“. Я узнала в ней доктора Пиа Сантьяго, филиппинку, которая руководила всей больницей. Мы уже встречались с ней в мой прошлый визит. Почти тотчас же вошла еще одна монахиня со свечами, и через минуту теплый свет наполнил комнату. Махмуд и Тоони были у себя, а мне пришлось поддерживать беседу с доктором Сантьяго. Я не могла не заметить, что она уставилась на мое Слово Бога.

„Вы не будете возражать, если я ненадолго присяду?“ — спросила доктор Сантьяго. Она пододвинула стул к моей постели, и ее белые одежды зашелестели, когда она садилась.

„Ах, — сказала она, снимая очки и вытирая лоб платком, — это был беспокойный вечер“.

Мое сердце потеплело. Мусульмане всегда уважали таких святых женщин, которые оставили мир, чтобы служить Богу, их вера могла быть ложной, но искренность была неподдельной. Мы поболтали о пустяках, но я поняла, что у этой женщины что-то на уме. Это была мое Слово Бога. Я видела, как она смотрит на него со все возрастающим любопытством. Наконец, она наклонилась вперед и конфиденциальным тоном спросила: „Госпожа Шейх, зачем Вам Слово Бога?“

„Я ишу Бога“, — ответила я. Далее, пока догорали свечи, я рассказала ей, сначала неуверенно, а затем все более смело, о своих снах, о визите к миссис Митчелл и о сравнении Писания и Корана. „Что бы ни произошло, — подчеркнула я, — я должна найти Бога, но меня смущает ваша вера“, — сказала я в завершение, понимая, что, пока я говорила, я никак не могла забыть самое главное, что меня смущало. „Мне кажется, что вы сделали Бога... Я не знаю... Личным!“

Глаза маленькой монахини смотрели на меня с сочувствием, и она наклонилась ко мне. „Госпожа Шейх, — сказала она, и голос ее был полон чувства, — есть только один способ узнать, почему мы так думаем. Вы должны сами это узнать, каким бы странным Вам это ни казалось. Почему Вы не помолитесь Дугу, которого Вы ищете? Попросите Его показать Вам путь. Поговорите с Ним, как если бы Он был Вашим другом“.

Я улыбнулась. Она точно так же могла предложить мне поговорить с Тадж-Махалом. Но потом доктор Сантьяго сказала мне нечто такое, что пронзило меня насквозь, как электрический ток. Она подошла ближе и взяла мою руку в свои, слезы потекли по ее щекам. „Поговорите с Ним, — сказала она очень тихо, — как, будто Он — Ваш отец“.

Я резко откинулась назад. Мертвая тишина наполнила комнату. Не слышно было даже разговора Махмуда и Тоони. Я посмотрела на монахиню, на то, как свет от свечи отражался в ее очках.

Поговорить с Богом как с отцом! Эта мысль потрясла мою душу, и вместе с ней пришло сначала изумление, а затем утешение.

Тут снова все заговорили. Тоони с Махмудом смеялись и решили раскрасить зонтик сиреневым цветом. Доктор Сантьяго улыбнулась, поднялась, пожелала нам всего лучшего, расправила свою одежду и покинула комнату.

Больше не было сказано ни слова о молитве или христианстве. И все же весь вечер и даже наутро я не могла оправиться от изумления. Что еще больше усиливало ощущение чего-то таинственного, так это то, что врачи не нашли ничего серьезного в заболевании Махмуда, а он твердил, что его ухо больше не болит.

Сначала я рассердилась на него за те беспокойства, которые он всем причинил. Затем мне пришла в голову мысль, что, может быть, каким-то таинственным образом Бог использовал эту ситуацию, чтобы я встретила с доктором Сантьяго.

Позже в то утро Манзур отвез нас всех в Вах. Когда мы свернули с Гранд Транк на нашу дорогу, между деревьями я увидела серую крышу собственного дома. Обычно я стремилась к нему как к месту, где я уединялась от мира. Но сегодня мои чувства к дому были другими, как будто что-то особенное должно было случиться со мной там.

Когда мы оказались на подъездной дорожке, Манзур посигналил. Выбежали слуги и окружили машину. „С малышом все в порядке?“ — спросили все в один голос. Я уверила их, что Махмуд чувствует себя прекрасно. Но я никак не могла сосредоточиться на радостном возвращении домой. Я встала на путь поиска Бога. Я прошла в спальню, чтобы подумать обо всем, что произошло. Ни один мусульманин, я была в этом уверена, не думал об Аллахе как об отце. С самого детства меня учили, что самый верный путь познать Аллаха — это молиться пять раз в день, изучать Коран и

раздумывать над ним. И все же я снова и снова вспоминала слова доктора Сантьяго: „Поговорите с Богом. Поговорите с Ним как со своим отцом“.

Оставшись в комнате одна, я преклонила колени и попыталась назвать Его Отцом. Но это было бесполезной попыткой, и я разочарованно встала. Вообще-то это было смешно. Разве не грешно пытаться принизить Великого до нашего уровня? В ту ночь я заснула в еще большем замешательстве, чем прежде.

Через несколько часов я проснулась. Было уже за полночь, и наступил день моего рождения — 12 декабря. Мне исполнилось 47 лет. На мгновение я почувствовала радость, пришедшую ко мне из детства, когда в дни рождения устраивались праздники, были повсюду натянуты ленты, играли в игры, и родственники приезжали весь день. Теперь не будет праздника, может быть, несколько телефонных звонков и ничего больше.

О, как я скучала по тем дням моего детства! Я подумала о родителях, и мне хотелось вспоминать о них только самое лучшее. Мама была такой любящей, такой царственной и прекрасной. А отец! Я так гордилась им, ведь он занимал такие высокие посты в индийском правительстве. Я представила его, как всегда, безукоризненно одетого, поправляющего тюрбан перед зеркалом перед тем, как выйти из офиса, его дружелюбные глаза под густыми бровями, ласковую улыбку, благородные черты и нос с горбинкой.

Воспоминания о том, как он работал в своем кабинете, были очень дороги для меня. Даже в обществе, где сыновей ценили больше, чем дочерей, отец относился к своим детям одинаково. Часто в детстве я хотела спросить его о чем-то и тихонько прокрадывалась к нему в кабинет, стоя в дверях и не решаясь прервать его занятия. Тогда его взгляд встречался с моим. Он откладывал ручку, откидывался в кресле и спрашивал: „Кеес а?“. Я медленно входила в кабинет, опустив голову. Он улыбался и пододвигал к себе стул. „Иди сюда, дорогая, садись“. Затем он обнимал меня и прижимал к себе. „Теперь, моя маленькая Кеес а, — говорил он очень мягко, — чем я могу тебе помочь?“

С отцом так было всегда. Он не возражал, когда я мешала ему. Когда у меня появлялся вопрос или проблема, неважно, как бы занят он ни был, он всегда откладывал работу, чтобы посвятить все свое внимание мне.

Было уже далеко за полночь, когда я лежала в постели и перебирала эти прекрасные воспоминания. „О, спасибо Тебе...“, — прошептала я Богу, Неужели я действительно разговаривала с Ним?

И неожиданно надежда наполнила меня. Представь, только представь, что Бог похож на отца. Если мой земной отец откладывал все, чтобы выслушать меня, как же поступит мой небесный Отец?

Задрожав от восхищения, я встала с постели и опустилась на колени на коврик. Подняв глаза к небу, обретя новое понимание я обратилась к Богу „Мой Отец“. Я была не готова к тому, что произошло дальше.

Глава 5 **НА РАСПУТЬЕ**

"О, Отец, мой Отец... Отец Бог..." Я нерешительно произнесла вслух Его имя. Я пыталась по-разному говорить с Ним. И наконец что-то прорвалось внутри меня, и я действительно поверила, что Он слышит меня, точно так же, как мой земной отец всегда слушал меня.

„Отец, о мой Отец Бог“ — зывала я с растущей уверенностью. Мой голос звучал необычно громко в большой спальне, когда я стояла на коленях на ковре возле кровати. И вдруг комната стала пустой. Он был здесь! Я чувствовала Его присутствие. Я чувствовала, как Его рука нежно прикоснулась к моей голове. Казалось, я почти видела Его глаза, исполненные любви и сострадания. Он был так близко, что мне показалось, будто моя голова уткнулась Ему в колени, точно так же, как маленькая девочка утыкается в колени своему отцу. Я долго стояла на коленях, тихо плача, купаясь в Его любви. Я разговаривала с Ним, извиняясь за то, что не знала Его раньше. И снова я почувствовала Его сострадание, которое окутывало меня, как теплое одеяло.

Теперь я узнала то самое Присутствие, которое я ощутила в моем саду, когда меня окутал нежный аромат. То же самое Присутствие я часто чувствовала, когда читала Слово Бога.

„Я запуталась, Отец...“, — сказала я. Я подошла к столику, где лежали Слово Бога и Коран. Я подняла обе книги по одной в каждой руке. „Которая... Отец, — спросила я, — которая из них Твоя?“

Затем произошло нечто удивительное. Ничего подобного никогда раньше не случалось со мной. Ведь я слышала голос внутри себя, голос, который говорил так ясно, что я повторяла слова моего подсознания. Эти слова были полны доброты и в то же время власти.

„В какой книге ты узнала Меня как Отца?“

Я услышала свой ответ: „В Слове Бога“. Вот и все, что потребовалось. Теперь я больше не спрашивала себя, которая из этих двух Его книга. Я посмотрела на часы и с удивлением заметила, что прошло три часа. Но я нисколько не устала. Я хотела продолжать молиться, я хотела читать Слово Бога, потому что я знала, что теперь мой Отец будет говорить со мной через нее. Я легла в постель только потому, что понимала, что нельзя совсем забывать о своем здоровье. Но на следующее утро я велела своей горничной меня не беспокоить, взяла Слово Бога и села на диван. Начиная с Евангелия от Матфея, я начала читать Новый Завет слово за словом.

Я была поражена, что Бог разговаривал со Своим народом в снах пять раз в Евангелии от Матфея! Он разговаривал с Иосифом о Марии, Он предупредил мудрецов об Ироде, и еще три раза Он обращался к Иосифу, чтобы защитить младенца Ису.

Я никак не могла оторваться от Слова Бога. Казалось, все, что я читала, ближе подводило меня к Богу. Я поняла, что стою на распутье. Я уже узнала Бога. Он стал для меня Отцом. В глубине души я понимала, что должна либо полностью посвятить себя Его Сыну, Ису, либо отвернуться от Него.

Я знала, что все дорогие мне люди посоветуют отвернуться от Иисуса. Я вспомнила один день из прошлого, очень дорогой для меня. Это был день, когда отец взял меня в нашу семейную мечеть. Мы были там вдвоем. Мы вошли в высокую сводчатую комнату. Взяв меня за руку, он сказал мне с гордостью и уверенностью, что 12 поколений наших предков поклонялись Богу именно здесь. „Для тебя это огромная честь, доченька — ведь тебя с ними объединяет древняя истина“.

Я подумала о Тоони. У этой молодой женщины уже было немало проблем. Я подумала и о старших детях. Хотя они жили далеко, их тоже огорчит то, что я „стала верующей“. Подумала я и о дяде Фатехе, который смотрел с такой гордостью, как я в возрасте четырех лет, 4 месяцев и 4 дней начала читать Коран. А любимая мной тетя Амина и другие родственники? У меня еще сотни кузенов, многочисленные дяди и тети. На Востоке семья становится одной общиной, где каждый ее член несет ответственность перед остальными. Я могла повредить своей семье во многих отношениях, даже помешать браку своих племянниц, потому что им придется жить под тенью моего решения, если я решу присоединиться к „уборщикам“.

Но больше всего я беспокоилась за своего маленького внука Махмуда. Что будет с ним? Сердце замерло у меня в груди, когда я подумала об его отце. Он был человеком напористым и запросто мог попытаться забрать у меня ребенка, если бы я стала Верующей, что в глазах многих доказало бы мою несостоятельность.

В тот день, когда я сидела у себя и читала, эти мысли не покидали меня. Неожиданно боль, которую я собиралась принести другим, показалась мне невыносимой, и я со слезами встала. Накинув шаль, я вышла в холодный зимний сад. Там было мое убежище. Там, казалось мне, лучше всего думалось.

„О, Господи! — взмолилась я, — неужели Ты на самом деле хочешь, чтобы я оставила семью? Неужели Бог любви хочет, чтобы я принесла боль другим?“ И тут в глубине отчаяния я услышала Его слова, которые недавно прочитала в Евангелии от Матфея:

„Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня, и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня“ (10: 3-38).

Иисус не шел на компромисс. Он не хотел никакого соревнования. Его слова были такими жесткими, такими неприятными, что я не хотела их слушать. Довольно! Я больше не могла нести на себе бремя такого решения. Повинуясь порыву, я бегом вернулась в дом, вызвала Манзура и сообщила несколько озадаченной прислуге, что уезжаю в Равалпинди на несколько дней. Экономке я сказала, что она сможет найти меня в доме у дочери, если возникнет такая необходимость. Манзур отвез меня в Равалпинди, где я провела несколько дней, усердно занимаясь покупками, поисками игрушек для Махмуда, духов и сари для себя. Я чувствовала, что я лишая себя Его теплого Присутствия. Однажды хозяин магазина разложил передо мной красивую ткань и стал показывать мне богатую вышивку, украшенную камнями. И тут в узоре я заметила форму креста. Выразив свое

неудовольствие хозяину магазина, я поспешила уйти. На следующий день я вернулась в Вах, так и не приняв решения, оставаться мне мусульманкой или стать христианкой.

Как-то раз вечером, отдыхая у камина, я снова потянулась к Слову Бога. Махмуд уже лег. В гостиной было тихо. Ветер в саду шумел и сильными порывами стучал в окна. Огонь в камине трещал и шипел. Меня поразила книга Откровение, хотя я мало что в ней понимала. Я читала ее так, будто мной кто-то управлял, легко и уверенно. И вдруг я прочла фразу, которая наполнила воздух вокруг меня. Это был 20 стих третьей главы Откровения:

„Се, стою у двери и стучу. Если кто услышит голос Мой и отворит дверь, войду к нему и буду вечерять с ним, и он со Мною“.

„Вечерять с ним и он со Мною!“ Я замерла, и книга упала мне на колени. Ведь это же мой сон, сон, в котором Иисус ужинал со мной! В то время я ничего не знала о книге под названием Откровение. Закрыв глаза, я снова, как тогда, увидела Иисуса, сидящего напротив за столом. Я вспомнила Его добрую улыбку, ощущение того, что Он принимает меня. Но ведь и слава окружала Его! Его слава была так же очевидна, как слава Отца. Эта слава отличала Его Присутствие!

Теперь я знала, что сон мой был от Бога. Путь стал мне ясен. Я могла принять или отвергнуть Его. Я могла открыть дверь и пригласить Его войти и остаться навсегда или закрыть перед Ним дверь. Я должна была принять решение немедленно. Каким бы оно ни было.

Я подумала, решила и опустилась на колени перед камином. „О, Господь, не медли. Пожалуйста, войди в мою жизнь. Каждая частичка меня открыта Тебе“. Я не должна была тревожиться о том, что может произойти, я должна была сказать „да“. Теперь Иса вошел в мою жизнь, я была в этом уверена. Как это неизъяснимо прекрасно! За несколько дней я узнала Бога Отца и Бога Сына. Я встала и начала готовиться ко сну. Мой разум кипел. Неужели я осмелилась сделать еще один шаг? Я вспомнила, что в книге Деяний Иисус говорил о исполнении Святым Духом и крестил Духом Своих последователей в день Пятидесятницы. Будет ли так же со мной? „Господь, меня некому направить, кроме Тебя, — сказала я, когда моя голова коснулась подушки. — Если Ты готовишь для меня исполнением Святым Духом, то я хочу того же, чего хочешь Ты. Я готова“. Зная, что теперь я всецело в руках Божьих, я заснула.

Когда я проснулась, было еще темно. Утро 24 декабря 1966 г. было наполнено чувством ожидания. Я посмотрела на часы со светящимся циферблатом, стрелки показывали 3 часа утра. В комнате было очень холодно, но я вся горела от возбуждения. Я выбралась из постели и опустилась на колени на холодном ковре. Когда я подняла голову, мне показалось, что увидела яркий свет. Слезы заструились по моему лицу, обжигая его, и я протянула к Нему руки и воскликнула: „Отец мой, Боже, исполни меня Духом Твоим Святым!“

Я взяла Слово Бога и открыла его там, где Господь говорил:

„Иоанн крестил водою, а вы, чрез несколько дней после сего, будете крещены Духом Святым“ (Деян. 1:5).

„Господь, — зывала я. — Если истинны эти слова Твои, то исполни меня прямо сейчас“. Лежа на полу, я прижалась щекой к холодному полу и плакала. „Господь, — рыдала я. — Я не хочу подниматься с этого места, пока Ты не дашь мне этого крещения“. Внезапно у меня появилось ощущение чуда и благоговения. В тот предрассветный час я увидела Его лик. Что-то огромное наполнило меня, и я почувствовала, как на меня волнами накатывалось очищение. Оно заливало меня, как океан, охватывало меня целиком и омывало мою душу.

Потом это божественное излияние прекратилось, и небесный океан успокоился. Я была полностью очищена. Радость наполнила меня, и я стала прославлять Его и благодарить.

Через несколько часов Господь поднял меня на ноги. Он хотел, чтобы я встала. Я выглянула из окна и увидела, что уже почти рассвело.

„О, Господь, — сказала я, снова укладываясь. — Неужели небеса, о которых Ты говоришь, могут быть еще лучше, чем все это? Знать Тебя — радость, прославлять Тебя — счастье, быть рядом с Тобой — это мир. Это и есть небеса!“

На рассвете я вряд ли проспала больше двух часов. Мои горничные пришли одевать меня вовремя. Это было первое утро, насколько я помню, когда я ни разу не отчитала их. Наоборот, в комнате, залитой солнцем, царили мир и покой. Райшам напевала песню, расчесывая меня, чего тоже раньше не случалось. Целый день я ходила по дому, беззвучно прославляя Бога, с трудом сдерживая

свою радость. За обедом Махмуд оторвался от лепешек и сказал: „Мама, ты сегодня такая улыбчивая. Что случилось?“

Я потянулась к нему и погладила его темные блестящие волосы. „Дайте ему немного халвы“, — сказала я повару. Это блюдо из пшеницы, масла и сахара было его самым любимым. Я сообщила Махмуду, что мы будем праздновать Рождество в доме у Митчеллов.

„Рождество?“ — спросил Махмуд.

„Это праздник, — сказала я. — Он немного похож на Рамазан“. Это Махмуд понимал. Рамазан — это месяц мусульманского года, в который Мухаммед получил свое первое откровение. Поэтому в этот месяц каждый год мусульмане постятся каждый день от восхода до заката, пока, наконец, в мечети не забьют в барабаны. Тогда мы загружаем себя деликатесами, сладкими и кислыми фруктами, листьями шпината, жареными в масле, вкусно приготовленными баклажанами и сочным мясом. Я действительно думала, что Рождество будет немного похоже на Рамазан. И я оказалась права. Когда Дэвид встретил нас на пороге дома Митчеллов, аромат вкусно приготовленной пищи долетел до нас, а из комнаты доносился звонкий смех детей Митчеллов, немного постарше Махмуда. Махмуд с удовольствием присоединился к их игре.

Я больше не могла сдерживать свою радость. „Дэвид! — воскликнула я, не думая, назвав его по имени. — Я теперь верующая! Я была крещена Святым Духом!“ Он смотрел на меня с минуту, затем ввел меня в дом. „Кто рассказал Вам о крещении Святым Духом?“ — спросил он, а его серые глаза смотрели на меня с удивлением. Он радостно засмеялся и стал прославлять Бога. Услышав его возглас „Аллилуйя“, Синов выбежала к нам из кухни, а Дэвид снова спросил меня: „Кто Вам рассказал?“

„Иисус сказал мне об этом, — засмеялась я. — Я прочла об этом в Слове Бога, в книге Деяний. Я попросила Бога об этом и получила то, что просила“.

Дэвид и Синов смотрели на меня с изумлением, потом неожиданно бросились ко мне. Синов расплакалась, Дэвид присоединился к ней. Мы стояли втроем, обнявшись и прославляя Бога за то, что Он сделал.

В тот вечер я завела дневник, в который записывала все, что Господь делал для меня. Если мне было суждено умереть — а я понятия не имела, что могло со мной случиться, если бы узнали о том, что я стала верующей, — я хотела оставить после себя воспоминания. Сидя за столом и записывая свои переживания, я не знала, что Он готовился начать мое образование.

Глава 6 **Учась Искать Его Присутствие**

В ближайшие несколько дней меня ожидали сюрпризы, последовавшие за моим трехступенчатым обращением.

Во-первых, меня стали посещать сны и видения, но они были совсем не похожи на те два сна, с которых начались все мои переживания. Честно говоря, первый сюрприз просто потряс меня. Как-то после обеда я отдыхала в постели и думала о Господе, как вдруг у меня появилось странное ощущение, будто я вылетаю из собственного окна. Я была уверена, что не сплю, и почувствовала, что покидаю свою комнату через окно. Я даже увидела землю под собой внизу. Я так испугалась, что закричала от страха, и неожиданно снова оказалась в своей постели. Я лежала, не понимая, что произошло, тяжело дыша и чувствуя в ногах покалывание, будто ноги затекли, а теперь кровообращение восстанавливается.

„Что это, Господь?“ — спросила я. Потом я поняла, что Он хотел чему-то научить меня, что-то показать. „Прости меня, Господи, — извинялась я, — я вела себя очень трусливо“.

Позже вечером повторилось то же самое. Только теперь во время этого странного ощущения я разговаривала с Богом и убеждала Его, что ничего не боюсь. Снова очутившись в своей комнате, я решила, что совершила духовное „плавание“. „Но для чего все это, Господь?“ — спросила я.

Открыв Писание, я стала исследовать Его Слово, чтобы найти ответ, потому что я испугалась, подумав, что такие ощущения могли быть совсем не от Бога. Я облегченно вздохнула, когда прочла в

Деяниях апостолов о том, как Дух Господень восхитил Филиппа и перенес его в далекий Азот, после того, как он крестил евнуха эфиоплянина.

Потом я получила еще одно подтверждение, когда читала Второе послание Павла коринфянам. В 12 главе, описывая свои видения и откровения от Господа, он писал о „восхищении до третьего неба". Он понимал, что только Бог знал, было ли это ощущение физическим. Далее Павел писал: „... он... слышал неизреченные слова, которых человеку нельзя пересказать".

Я тоже слышала слова, которые я не в силах перевести, но я никогда не забуду увиденного. Во время одного из таких духовных путешествий я увидела часовню, уходящую в небесную высь. Неожиданно передо мной появились сотни церквей — новых, старых, они отличались друг от друга разными архитектурными стилями. Потом я увидела еще одну церковь — прекрасную и золотую. Затем сцена опять изменилась, и я увидела городские центры, развернувшиеся подо мной. Это были современные центры крупных городов и старомодные центры пригородов. Все было отчетливо видно. Я даже различала башни с часами, небоскребы и причудливо украшенные здания.

Потом сердце мое учащенно забилося, потому что я увидела всадника на красном коне, держащего в правой руке меч. Он проносился над землей под облаками. Иногда его конь устремлялся ввысь, тогда его голова касалась облаков. Иногда конь спускался все ниже и ниже, почти задевая землю копытами.

Я не могла избавиться от ощущения, что это видение было дано мне по определенной, хотя и неизвестной причине.

Я также стала замечать, что чтение Библии стало для меня не таким, как было раньше. Иногда мне казалось, что я шла по книге, а не просто читала. Мне казалось, что живу в ней. Будто, я ступаю на ее страницы и оказываюсь в древней Палестине, когда Иса ходил по каменистым дорогам Галилеи. Я видела, как Он проповедовал и учил, живя по Своему учению каждый день. Я видела, как Он являл силу Духа и как, наконец, Он взошел на крест и победил смерть.

Я также с удивлением обнаружила, что влияние, которое оказывала Библия, стало ощущаться остальными. Я узнала об этом как-то утром, когда горничные занимались моим туалетом. Нурджан раскладывала на подносе серебряные расчески и щетки и нечаянно уронила весь поднос. Грохот был ужасный. Она застыла на месте, ее глаза округлились от страха. Она ожидала, что я накинусь на нее, как обычно. Я на самом деле уже собиралась сделать ей выговор, но вовремя остановилась и с удивлением услышала свои слова: „Не расстраивайся, Нурджан. Они не разбились".

Потом во мне появилась какая-то необычная смелость. До этого я очень боялась, что кто-нибудь узнает о том, что я стала верить в Бога. Я содрогалась при мысли о том, что люди будут смеяться надо мной и называть меня „уборщица Бегума". Но больше всего меня беспокоило отношение семьи. Я боялась, что семья откажется от меня. Отец Махмуда может попытаться забрать его у меня. Я даже боялась, что какой-нибудь фанатик буквально воспримет слова „отступивший от своей веры должен умереть".

Я не очень-то стремилась бывать у Митчеллов, потому что мне не хотелось, чтобы меня там видели. Группа женщин, которую я встретила в тот первый вечер на пороге дома Митчеллов, все еще очень беспокоила меня. Мои слуги, конечно, заметили, что со мной происходит что-то необычное. Думая обо всем этом, я жила постоянно в какой-то неуверенности, не зная точно, когда на меня начнется давление. Но после трех встреч с Богом я сделала себе удивительное признание. Насколько я понимала, мое решение стать христианкой стало теперь общественной информацией. Как сказано в Библии, я „исповедовала Иисуса устами". „Ну что ж, — сказала я себе стоя как-то раз у окна своей спальни, — будем ждать результатов, когда бы и где бы они ни появились".

Но я не ожидала, что результаты появятся так скоро. Вскоре после Рождества 1966 г. ко мне вошла горничная снизу и с удивленным выражением лица доложила: „К вам пришла миссис Митчелл".

„Да? — произнесла я, стараясь придать разговору вид светской беседы. — Пусть войдет". Сердце мое учащенно забилося, когда я пошла к дверям встречать гостью. „Для меня это большая честь", — сказала я миссис Митчелл, зная, что горничная меня слышит.

Синоу пришла, чтобы пригласить меня на обед. „Там будут люди, с которыми Вам будет интересно познакомиться...", — сказала она. „Люди?" — старые страхи вновь ожили во мне. Наверно, Синоу почувствовала мою неуверенность, потому что тут же постаралась успокоить меня. „Большинство из них верующие, — сказала она. — Несколько англичан, несколько американцев. Вы придете?" ~ ее глаза с надеждой смотрели на меня.

С преувеличенным энтузиазмом я сказала, что с радостью принимаю приглашение, Я подумала, почему многие верующие так часто бывают застенчивыми. Я встречала верующих и раньше, когда была хозяйкой на официальных приемах, которые устраивались у нас дома. Такие обеды были сугубо формальными встречами. На них прислуживали лакеи в специальной форме. Весь дом украшался цветами. За обедом велись длительные беседы во время многочисленных перемен блюд, причем каждый раз менялся и фарфор. Среди гостей было много верующих разных национальностей, но ни один из них ни разу не упомянул ° своей вере, даже когда это было вполне уместно в разговоре. Я чувствовала, что люди, которых я встречу у Митчеллов, будут совсем другими.

На следующий день я отправилась к Митчеллам по уже знакомой дороге. Дэвид и Синов тепло меня приветствовали и познакомили со своими друзьями. Интересно, что бы я почувствовала, если бы в тот день знала, какую роль многие из них сыграют в моей жизни!

Первой парой были Кен и Мэри Олд. Кен был англичанином. Его голубые глаза светились юмором за толстыми стеклами очков. Он был гражданским инженером и носил на себе отпечаток неформальности так же легко, как и свою одежду. Его жена Мэри была американкой. Она работала медсестрой. Мне сразу понравилась ее улыбка. Остальные тоже были приятными и любезными людьми.

И вдруг, к своему ужасу, я оказалась в центре внимания. Все хотели узнать о моих исканиях. То, что, по моим расчетам, должно было быть спокойным обедом, превратилось в беседу, состоящую из вопросов и ответов. В столовой наступила тишина — даже дети перестали шуметь, когда я рассказывала о своих снах и встречах с тремя личностями Бога. В конце обеда Дэвид поблагодарил жену за вкусно приготовленные угощения, но отметил, что духовная пища, которую я дала всем, была еще богаче.

„Согласен с Вами, — сказал Кен. — Я знал Вас еще до этой встречи. Я ведь жил в Вах. Утром я проезжал мимо Вашего сада и любовался прекрасными цветами. Иногда я и Вас видел в саду, но должен признать, теперь Вы совсем не похожи на ту женщину". Я прекрасно поняла, что он имел в виду. Та Билкис Шейх, которой я была несколько месяцев тому назад, никогда не улыбалась. „Вы похожи на ребенка, которому неожиданно подарили подарок, — продолжал Кен. — На Вашем лице я читаю удивление и восхищение этим подарком. Вы цените его гораздо больше, чем все, что Вы когда-либо имели".

Этот человек начинал мне нравиться. Я с удовольствием побеседовала еще с несколькими людьми и поняла, что оказалась права. Эти верующие действительно отличались от тех, которых я встречала на других обедах и приемах. За вечер каждый рассказал о том, что Господь сделал в его жизни. Дэвид был прав. Обед был прекрасным, но истинную пищу все мы получали от Божьего Присутствия. Раньше я не испытывала ничего подобного, и мне захотелось почаще получать такую пищу.

Когда я собиралась уходить, замечание Кена заставило меня задуматься и произвело на меня сильное впечатление.

Кен и Мэри подошли ко мне и взяли меня за руки. „Теперь Вам постоянно нужно быть в общении с верующими, Билкис, — сказал Кен. — Вы можете приходить к нам вечером по оскресеньям". „Вы сможете?" — с надеждой спросила Мэри. Вот так я стала регулярно встречаться с другими верующими. По воскресеньям мы собирались в доме у семейства Олд. Маленькая гостиная кирпичного дома с рудом вмещала всех собиравшихся. Только двое из них были пакистанцами, остальные — англичане и американцы. Я ознакомилась с новыми людьми, в том числе с доктором фисти и его супругой. Этот энергичный американский врач был глазным специалистом, а его жена медсестрой. Они оба работали в миссионерском госпитале. На таких собраниях мы пели, читали Библию и молились о нуждах друг друга. Очень скоро эти вечера стали для меня самым важным событием недели.

В одно из воскресений мне почему-то не хотелось идти на собрание. Я позвонила Олдам и нашла какие-то причины. Казалось, это был пустяк, но сразу после этого я стала чувствовать себя неловко. Что же это такое! Я беспокойно ходила по дому, проверяя работу слуг. Все было в порядке, и все же мне казалось, что все шло не так.

Тогда я вернулась к себе в комнату и преклонила колени, чтобы помолиться. Через какое-то время в комнату вошел Махмуд, но так тихо, что я не заметила его, пока не ощутила его теплую ладошку в

своей руке. „Мама, с тобой все в порядке? — спросил он. — Ты как-то странно выглядишь". Я улыбнулась и постаралась убедить его, что со мной все в порядке. „Ты ходила повсюду и смотрела, будто что-то потеряла".

Потом он ушел. Неужели я действительно выглядела так, будто что-то потеряла? Махмуд был прав. И я точно знала, что я потеряла. Я потеряла ощущение Божьей славы. Оно исчезло! Почему? Может быть, это как-то связано с тем, что я не пошла на встречу к Олдам? Может быть, это потому, что я не имела общения, в котором нуждалась?

С чувством тревоги я позвонила Кену и сказала, что я все-таки приду. Какая перемена! Немедленно я почувствовала, именно почувствовала, как тепло вернулось в мою душу. Я пошла на собрание, как и обещала. Ничего необычного там не произошло, и все же я знала, что снова пребываю в Его славе. Кен оказался прав, мне нужно было общение. Этот урок я усвоила. Я решила с того самого дня постоянно посещать собрания, разве только если Сам Иса велит мне не ходить.

Чем ближе я подходила к Богу, шаг здесь, шаг там, я чувствовала в себе еще большее желание изучать Его слово в Библии. Каждый день, едва встав с постели, я начинала чтение, причем^меня никогда не покидало чувство, что все описанное там происходит сейчас. Библия стала для меня живой, она освещала каждый день моей жизни, проливая свой свет на каждый мой шаг. На самом деле она стала для меня прекрасным благовонием. Но и здесь меня поджидало нечто странное. Как-то раз мы с Махмудом отправились навестить его мать. Накануне я поздно легла спать, и мне овеем не хотелось вставать на рассвете, чтобы успеть в течение часа почитать Библию, поэтому я велела Райшам разбудить меня и принести чай как раз перед тем, как нужно будет отправляться в путь.

Я плохо спала в ту ночь. Я ворочалась, без конца просыпалась, мне снились плохие сны. Когда вошла Райшам, я чувствовала себя совсем обессиленной и заметила, что весь день пошел кувырком.

Странно! Что Господь говорил мне? Может быть, Он хотел, чтобы я читала Библию каждый день?

Это был второй раз, когда, как мне показалось, я отошла от славы Божьего Присутствия.

Но, тем не менее, само чувство наполнило меня странным возбуждением. Мне показалось, что я стою перед очень важной истиной, но не осознаю ее. Были времена, когда я находилась в Присутствии Божьем и переживала глубокую >адость и мир, а затем наступали времена, когда я теряла ощущение Его Присутствия. Где же ключ? Что я должна делать, чтобы быть ближе к Нему?

Я размышляла о тех временах, когда, как мне казалось, >ог был совсем близко, мысленно я возвращалась к своим снам и к тому дню, когда я ощутила удивительный аромат в зимнем саду. Я вспоминала свой первый визит к Митчеллам и думала о недавнем времени, когда регулярно читала Библию и ходила на воскресные собрания к Олдам. Почти постоянно в то время я знала, что Господь был со мной.

Думала я и о другом, о тех случаях, когда я знала точно, что потеряла ощущение близости Бога. Как об этом сказано в Библии? „И не оскорбляйте Святого Духа Божия" (Ефес. I: 30). Неужели именно это происходило, когда я отчитывала слуг? Или когда я забывала питать свой дух регулярным чтением Библии? Или когда я не ходила к Олдам?

Часть разгадки заключалась в послушании, если я действительно хотела оставаться в Божьем Присутствии.

Когда я слушалась, мне было позволено пребывать в Его Присутствии. Я достала Библию и стала листать Евангелие от Иоанна, пока не нашла стих, в котором Иса говорит:

„Кто любит Меня, тот соблюдет слово Мое; и Отец Мой возлюбит его, и Мы придем к нему и обитель у него сотворим" (14: 23).

Вот как Библия выразила то, что я хотела сказать. Пребывать в слове. Вот, что я собиралась делать!

Итак, послушание было ключом к разгадке. „Отец Небесный, — молилась я, — я хочу служить Тебе так, как сказано в Библии. Я буду слушаться Тебя. Мне всегда казалось жертвой подчинить Тебе свою волю. Но на самом деле это не жертва, потому что это приближает меня к Тебе. Как Твое Присутствие может быть жертвой!" Я так и не могла привыкнуть к тем случаям, когда Господь говорил со мной прямо, но убеждена, что в тот момент именно так и произошло. Кто еще, кроме Господа, мог попросить меня простить моего мужа! „Люби твоего мужа, Билкис. Прости его".

Сначала я решила, что испытывать Его любовь к людям в общем смысле было одним делом, но любить этого человека, который причинил мне так много боли?

„Отче, я не могу. Я не хочу благословлять Халида или прощать его". Я вспомнила, как однажды я с детским упрямством просила Господа никогда не обращать моего мужа, потому что тогда он

испытывал бы такую же радость, что испытываю я. А сейчас Бог просил меня любить этого человека?

Я почувствовала, как во мне закипал гнев, стоило только вспомнить о Халиде. Я постаралась отогнать от себя воспоминания о нем. „Может быть, я просто смогу забыть о нем, Господь. Разве этого не будет достаточно?”

Было ли это игрой моего воображения, или это действительно тепло Божьего Присутствия стало остывать? „Я не могу простить моего мужа, Господь. У меня нет сил сделать это”.

„Иго Мое благо, и бремя Мое легко”. (Матф. 11: 30)

„Господь, я не могу простить его!” — воскликнула я. Потом я перечислила все, что он сделал мне. Пока я делала это, стали открываться другие раны; обиды, которые я старалась отогнать от себя, показались мне еще более унижительными. Ненависть наполнила меня, и теперь я почувствовала себя полностью отделенной от Бога. Испугавшись, я закричала, как потерявшийся ребенок. И тем же чудесным образом Он был рядом. Он был со мной в этой комнате. Распростершись у Его ног, я исповедалась в ненависти, которая наполняла меня, и неумении прощать.

„Иго Мое благо, и бремя Мое легко”.

Медленно, сознательно я постаралась избавиться от своего бремени, отдать его Ему. Я постаралась освободиться от гнева, обиды, отдавая все эти чувства в Его руки. Неожиданно я почувствовала, как свет стал рождаться во мне, он был подобен сиянию зари. Тут я бросилась к туалетному столику, взяла фотографию в золотой рамке и взглянула на лицо Халида. Я помолилась: „Отче, избавь меня от ненависти и наполни меня Твоей любовью к Халиду во имя моего Господа и Спасителя Иса”.

Я долго стояла, глядя на фотографию. Постепенно отрицательные чувства во мне стали блекнуть и исчезать. Их место заняла неожиданная любовь, чувство заботы о человеке на фотографии. Я не могла поверить. Я на самом деле желала добра своему бывшему мужу.

„Благослови его, Господь, дай ему радость, позволь ему быть счастливым в новой жизни”.

Когда я действительно захотела этого, темное облако покинуло меня. Бремя было снято с моей души. Я почувствовала, что пребываю в Его славе.

И опять во мне появилось желание никогда не терять Его Присутствия. Чтобы напомнить себе об этом желании, я спустилась вниз, хотя было уже поздно, и нашла немного хны. Вернувшись к себе, я нарисовала хной на руках кресты, чтобы они всегда были для меня напоминанием.

Никогда больше я сознательно не отступлю от Его Присутствия. Я знала, что мне потребуется много времени, чтобы научиться жить в Его Присутствии, но я начинала учиться этому с большой радостью.

А потом как-то ночью я пережила настоящий кошмар. Я не знаю, как это будет выглядеть со стороны.

Глава 7 **Крещение Огнем и Водой**

Я крепко спала в ту ночь в январе 1967 г., когда неожиданно проснулась от того, что моя кровать сильно тряслась.

Землетрясение? Сердце мое забилося от необъяснимого ужаса. И тут я почувствовала ужасное злое присутствие в своей комнате, я не сомневалась, что это было злое присутствие.

Неожиданно я ощутила, как меня буквально выбросило из постели, была ли я в физическом теле или это было духовным переживанием, я не знаю. Но меня подбросило, как соломинку в урагане. Лицо Махмуда появилось передо мной, и сердце мое молило о его защите.

Наверное, это смерть пришла ко мне, думала я, и душа моя содрогалась. Ужасное присутствие накрыло меня, как черное облако, и инстинктивно я позвала Того, Кто значил для меня все. „О, Господь Иса!” — тут я почувствовала, что кто-то трясет меня так сильно, как собака трясет свою жертву.

„Разве я не могу призвать Иса?” — обратилась я к Богу. И в этот самый момент огромная сила пронзила меня, и я воскликнула: „Я буду призывать Его! Иса! Иса! Иса!”

Тут сильная тряска прекратилась. Я лежала, прославляя и хваля Бога. И все же около трех часов утра веки мои отяжелели, и я уснула.

Утром меня разбудила Райшам и принесла мне утренний чай. Я полежала какую-то минуту, наслаждаясь облегчением, которое я испытывала. Я закрыла глаза и в молитве буквально увидела Господа Иса Христа, стоящего рядом со мной. На Нем были белые одежды и багряница. Он улыбнулся мне и сказал: „Не бойся, это не повторится“.

Я почувствовала, что пугающее присутствие было сатанинским, это было испытание, которое Иисус допустил для моего же блага. Я вспомнила крик, который родился в душе: „Я буду призывать Его имя, я буду произносить Иса!“

Мой Господь по-прежнему был рядом со мной. „Настало время принять водное крещение, Билкис“, — сказал Он.

„Водное крещение!“ Я четко услышала эти слова, и мне не понравилось то, что я услышала.

Я оделась как можно быстрее и попросила Нурджан и Райшам проследить за тем, чтобы меня не беспокоили до самого обеда. Я стояла у окна и размышляла. Утренний воздух был прохладным, прозрачный туман поднимался над источниками в саду. Я знала отношение к крещению в мусульманском мире. Человек может читать Слово Бога, не вызывая к себе враждебности, но таинство крещения — совсем другое дело. Для мусульманина это безошибочный знак, указывающий на то, что человек отвернулся от исламской веры, чтобы стать христианином. Для мусульман крещение — это отступничество.

Я стояла перед очень важным испытанием. Суть его была мне ясна. Испугаюсь ли я, что ко мне будут относиться как к отступнице или, еще хуже, как к предательнице, или я повинуюсь Исе?

Прежде всего, мне нужно было убедиться, что я действительно повинуюсь Господу, а не какой-нибудь иллюзии. Ведь я была слишком скоро поверившая, чтобы безоговорочно доверять „голосам“. Лучше всего в таких случаях обращаться к Слову Бога. Я взяла Слово Бога и стала читать о том, как Иисус крестился в Иордане. Я снова прочитала Послание Павла к римлянам, где он говорил об этом обряде как о смерти и воскресении. „Ветхий человек“ умирает, а новая тварь рождается, оставляя в прошлом все свои грехи.

Вот как раз то, что нужно. Если Иисус крестился и если Слово Бога призывало к крещению, то, конечно, я должна повиноваться.

Я тут же позвонила и вызвала Райшам. „Пожалуйста, попроси Манзура подготовить машину, — сказала я. — Я поеду в гости к Олдам после обеда“.

Вскоре я уже сидела в маленькой гостиной Мэри и Кена. „Кен, я уверена, что Господь велел мне креститься“.

Он долго смотрел на меня, нахмурившись, может быть, стараясь определить глубину моих намерений. Затем он наклонился надо мной и сказал очень-очень серьезно: „Билкис, а Вы готовы к тому, что может произойти?“

„Да, но...“, — начала я, но он перебил меня. „Билкис, пакистанец, которого я встретил на днях, спросил меня, не работал ли я уборщиком у себя дома... Вы понимаете, что с того момента Вы уже не будете той самой Бегумой Шейх, уважаемой землевладелицей из благородной семьи? С того момента Вас будут связывать с поверившими уборщиками“.

„Да, — ответила я. — Я знаю“.

Его слова стали еще более жесткими, и я заставляла себя смотреть ему в глаза.

„А Вы знаете, — продолжал он, — что отец Махмуда сможет очень легко забрать его у Вас? Он объявит Вас недостойным опекуном“. Сердце мое застыло. Я боялась этого, но услышав эти слова из уст Кена, я еще лучше осознала, насколько это реально.

„Да, я знаю, Кен, — тихо сказала я. — Я знаю, что многие подумают, что я совершаю преступление. Но я хочу креститься, я хочу повиноваться Богу“.

Наш разговор был неожиданно прерван приездом Митчеллов. Кен немедленно сообщил им, что у нас есть важная тема для разговора. „Билкис хочет креститься“, — сказал он.

Молчание. Синов откашлялась. „Но нам негде это сделать“, — сказал Дэвид.

„А как насчет церкви в Пешаваре? — спросила Мэри. — Разве у них нет бассейна?“ Я похолодела. Пешавар — столица северо-западной пограничной провинции. В полном смысле эта пограничная территория, этот провинциальный город населены консервативными мусульманами, известными своей готовностью на расправу. Я подумала, что мне не удастся сохранить свое крещение в тайне. Через час об этом будет знать весь город.

Мы решили, что Кен все подготовит для нашей поездки в Пешавар. Мы должны были получить ответ пастора той церкви через несколько дней.

В тот вечер мне позвонили. Это был мой дядя Фатех. Я очень любила этого пожилого человека, он всегда интересовался моим религиозным воспитанием.

„Билкис?“ — властный голос дяди звучал слегка расстроено.

„Да, дядя?“

„Это правда, что ты читаешь Слово Бога?“

„Да“.

Я удивилась, откуда он мог узнать об этом. Что еще он слышал обо мне?

Дядя Фатех прочистил горло. „Билкис, никогда не говори о Слово Бога с этими верующими. Ты знаешь, насколько хорошо они аргументируют свои слова. Их аргументы всегда ведут к заблуждениям“.

Я постаралась перебить его, но он не дал мне сделать это. „Не приглашай никого..., — подчеркнул он, — никого к себе, не поговорив со мной! Если ты сделаешь это, ты знаешь, что семья отвернется от тебя“.

Дядя Фатех замолчал на минуту, как будто собирался с духом. Я воспользовалась этим.

„Дядя, послушай меня“. На другом конце провода я почувствовала напряженное ожидание. Я решила. „Дядя, насколько ты помнишь, никто никогда не приходил ко мне без приглашения“. Дядя помнил это хорошо, все знали, что я отказывалась принимать посетителей, которые заранее не договорились со мной о встрече.

„Ты знаешь, — продолжала я, — что я буду встречаться с теми, с кем мне захочется. До свидания, дядя“. Я повесила трубку.

Может, это было предвестником того, что ждет меня в отношениях с семьей. Если дядя Фатех так отреагировал, услышав о том, что я читаю Слово Бога, что произойдет, когда вся моя семья узнает о моем крещении? Мне не хотелось об этом думать.

Это только укрепило мое решение креститься. У меня не было уверенности в том, что я смогу устоять перед давлением со стороны близких и дорогих мне людей.

От Кена все еще не было ответа.

На следующее утро, когда я читала Слово Бога, я снова нашла рассказ о эфиопском евнухе, которому Филипп проповедовал о Боге. Первым делом, увидя воду, этот евнух слез с повозки и решил креститься. Казалось, что Господь снова и снова повторял мне: „Крестись, и крестись немедленно!“ Я почему-то была уверена, что Он хотел показать мне, что если я подожду еще немного, то что-то или кто-то помешает мне. >

Я поднялась с постели, почувствовав, какие огромные силы пытались помешать мне сделать то, что хотел Господь. Я отложила Слово Бога, позвала горничных, которые быстро помогли мне одеться, и отправилась к Митчеллам.

„Дэвид, — сказала я прямо с порога, — есть ли ответ из Пешавара?“

„Нет, пока нет“.

Я заговорила громче: „А ты можешь крестить меня здесь? Сегодня? Сейчас?“

Дэвид нахмурился. Он провел меня в комнату, потому что на улице было холодно. „Билкис, мы не можем торопиться, когда речь идет о таком важном шаге“.

„Я должна торопиться слушаться Господа. Он продолжает говорить мне об этом“. Я рассказала ему об утреннем чтении Слова Бога и о том, что Господь настаивал на моем крещении, пока со мной ничего не случилось.

Дэвид беспомощно развел руками. „Я должен отвезти Синов в Абботтабад сегодня днем, так что я ничего не могу сделать, Билкис“.

Он положил свои руки на мою ладонь. „Наберись терпения, Билкис. Я уверен, что уже завтра мы получим ответ из Пешавара“.

Я поехала к Олдам.

„Пожалуйста, — воскликнула я, как только Кен и Мэри поздоровались со мной, — неужели нет способа крестить меня немедленно?“

„Мы спросили нашего пастора, — сказал Кен, беря меня под руку и провожая в гостиную. — Он сказал, что этот вопрос должен решать совет“.

„Совет? — повторила я. — Что это такое?“.

Он объяснил мне, что пастор хотел крестить меня, но для этого он должен получить разрешение от руководителей церкви. „Это может занять несколько дней, — добавил он, — а за это время мало ли что может случиться“.

„Да,“ — вздохнула я. Мысленно я в отчаянии представляла все возможные обстоятельства.

Но тут Кен сказал мне нечто удивительное. Ночью он услышал голос, сказавший ему: „Открой 654 страницу твоего Слово Бога“. Он подумал, что такое указание звучит весьма странно. Это была книга Иова. Он прочел мне стихи, которые так благословили его и которые были написаны прямо обо мне. Они звучали так: „Для чего мне терзать тело мое зубами моими, и душу мою полагать в руку мою? Вот, Он убивает меня, но я буду надеяться“ (13: 14-15).

„Готова ли я к этому? — подумала я. — Доверяла ли я Господу настолько?“ Я поднялась и взяла Кена под руку. „Крести меня водой прямо сейчас. А потом, даже если Он убьет меня, я буду надеяться. Лучше мне оказаться на небесах с моим Господом“.

Я снова села в кресло и посмотрела на Кена, как бы извиняясь перед ним. „Прости, Кен. Я очень расстроена. Но одно я знаю твердо: Господь сказал мне, что я должна креститься сейчас. Я поставлю перед тобой вопрос так. Ты поможешь мне или нет?“

Кен откинулся в кресле и провел рукой по волосам. „Конечно, — сказал он, глядя на Мэри. — Почему бы нам не отправиться к Митчеллам и не узнать, что мы можем сделать?“

Мы поехали назад по улицам Вах. Через какое-то время мы уже молились в гостиной у Митчеллов. Потом Кен глубоко вздохнул, наклонился вперед и заговорил с нами. „Я уверен, что все вы согласны с тем, что Бог вел Билкис очень необычным образом. И если она настаивает на том, что ей необходимо креститься срочно и что эта уверенность от Бога, давайте же не будем препятствовать ей“. Он повернулся к

Дэвиду. „Вы собирались в Абботтабад. Так почему бы нам с Мэри не взять с собой туда Билкис, там мы встретим тебя и Синов и все подготовим для того, чтобы крестить Билкис сегодня днем? Давайте забудем о Пешаваре“.

Неожиданно всем нам показалось, что это было правильным решением, и мы начали подготовку. Я поспешила домой, велела Райшам собрать для меня запасную одежду, потому что Олды сказали мне, что она мне понадобится. „Возьми с собой что-нибудь, что не испортится от воды,“ — сказал Кен.

И все же, готовясь к этому, я чувствовала себя неловко. Я даже почувствовала, что немного отдаляюсь от Господа. Но разве не Он давал мне всеми способами указания? Разве не Он говорил, что мне необходимо срочно принять водное крещение?

Одна мысль посетила меня. Я постаралась избавиться от нее. Это было неслыханно. Но когда эта мысль стала возвращаться ко мне снова и снова, я спросила у Господа в молитве: „Отче, все ли будет правильно?“

Таким образом, 24 января 1967 г. началось самое необычное крещение.

Райшам подошла ко мне, потому что я вызвала ее. „Райшам, пожалуйста, наполни ванну“. Она занялась своим делом, на ее лице выражалось изумление, так как я никогда не принимала ванну в это время дня.

Райшам объявила, что ванна готова, я отпустила ее. То, что я собиралась делать, может вызвать некоторые богословские проблемы, но тогда я не думала о богословии. Я просто пыталась повиноваться сильному побуждению, которое подкреплялось Писанием. Я должна была креститься *сейчас*, и видя все препятствия, которые появлялись предо мной сами по себе, я сомневалась, что смогу дожидаться даже до обеда.

Больше всего на свете я хотела пребывать в Божьем Присутствии, а сделать это можно было через повиновение; я вошла в ванну и погрузилась в воду.

Когда я села, вода доходила мне до плеч. Я сама положила руку себе на голову и громко сказала: „Билкис, я крещу тебя во имя Отца, и Сына, и Святого Духа“. Я нажала рукой себе на голову так, чтобы все мое тело погрузилось в воду.

Из воды я встала, чувствуя радость, восклицая и прославляя Бога. „Отче, благодарю Тебя. Я так счастлива“. Я *знала*, что мои грехи омыты и что теперь я могу предстать перед Господом.

Я не стала объяснять Райшам, что я сделала, а она в своей обычной сдержанности не спросила.

Через несколько минут я оделась, ожидая Олдов, которые должны были везти меня в Абботтабад на крещение. Опять-таки, я не знала богословских проблем, связанных с этой ситуацией. Я знала свои побуждения. Эти Верующие друзья заботились обо мне и помогали мне. Они на многое пошли ради

меня, и я не хотела дальше осложнять это дело. Я пойду на крещение, которое они приготовили для меня, хотя внутри была уверенность, что я уже сделала то, чего от меня хотел Господь. Я пыталась читать Слово Бога, но мой Дух радовался так, что я не могла сосредоточиться. Я снова вернулась к славе, как и всегда, когда я повиновалась Господу, проверяя свои поступки по Писанию.

„Бегума Саиб, Бегума Саиб!"

Я обернулась. Это была Райшам. Олды ждали меня внизу.

Я сказала Махмуду, что меня не будет до вечера. Я чувствовала бы себя лучше, если бы не участвовала в событии, которое могло иметь нежелательные последствия. Потом я спустилась к Кену и Мэри.

До Абботтабада было два часа езды, дорогу окаймляли сосны. Я ни слова не сказала им о своем крещении в ванне. Вместо этого я рассказывала им о том, как путешествовала по этой самой дороге вместе с семьей, сопровождаемая несколькими автомобилями, нагруженными вещами. Внутренне я спрашивала себя, стоит ли мне нарушать верность этому семейному наследию.

Мы приехали к службе, где нас ждали Митчеллы, канадский врач со своей женой, Боб и Мадлен Бланчард, у которых мы должны были остановиться. Вместе с ними был пакистанец. „Этот человек, — сказала Синов, — пастор Бахадур, пастор, который будет крестить Вас".

Я обвела всех взглядом, включая врача англиканина и еще одного пакистанского пастора.

„Может быть, это и есть пророчество, Билкис, — сказала Синов. — Может быть, через Вас многие христиане станут ближе друг к другу, потому что, наверное, впервые в Пакистане баптисты, пресвитериане и англикане собрались вместе для таинства крещения".

В комнате царило радостное возбуждение. Двери были закрыты, окна затемнены, и я старалась представить, как выглядело крещение поверивших в Ив., проходившее в катакомбах Рима.

Когда мы подготовились к церемонии, я повернулась и спросила: „А где же бассейн?"

Выяснилось, что его не было. Кен сказал, что меня будут крестить окроплением.

„Но Иисус погружался в Иордан, — сказала я. — По дороге в церковь нам попалась река. Почему бы нам не вернуться к реке?" — спросила я, но потом вспомнила, что вода была ужасно холодной, да и люди могли увидеть меня, поэтому я не стала настаивать. Особенно из-за своей внутренней уверенности, что я уже прошла через таинство. Я была крещена еще раз, на этот раз окроплением. Когда меня опрыскивали, я думала о том, как сейчас, наверное, улыбается Господь. После церемонии я увидела слезы на лицах тех, кто был в комнате. „Да, — засмеялась я, — весь этот плач совсем не ободряет меня!"

„Ах, Билкис", — всхлипнула Синов, подходя ко мне и обнимая меня. Она не могла говорить.

„Поздравляем", — говорили мне все. Синов спела гимн, Кен прочел отрывок из Слова Бога, а потом пришло время возвращаться домой.

Дорога была спокойной, никто не волновался, мне было очень приятно находиться в обществе верующих. Мы попрощались со слезами на глазах, и я вошла в дом.

Покой, который я испытывала, тут же улетучился, стоило мне переступить порог. Экономка подбежала ко мне с удивленными глазами и тревогой в голосе.

„Ах, Бегума Саиб, ваша семья спрашивала о Вас. Они сказали, что знают о Вашем общении с верующими и..."

Я подняла руку. „Замолчи! — приказала я, останавливая этот поток слов, — расскажи мне, кто приходил".

Когда экономка повторяла имена тех, кто приходил ко мне в дом в тот день, новое чувство наполнило меня. Это были старшие члены семьи, дяди, престарелые кузены, тети, то есть люди, которые приходили в мой дом только в очень важных случаях.

Мое сердце замерло. В тот вечер я ужинала с Махмудом, стараясь не показывать свой страх, но как только он лег спать, я вернулась к себе. Я смотрела в окно, снегопад прекратился, и в свете зимней луны я видела очертания любимого сада. Повсюду вокруг себя я ощущала комфорт старого дома, который так любила, — моей святыни, моего убежища.

„А что теперь? Удастся ли мне сохранить этот дом?" — странная мысль, потому что я всегда чувствовала себя в безопасности в своей семье, с ее деньгами и престижем. И все же я подумала, что эта мысль была своего рода пророчеством. Силы, которые выступали против меня, уже начали показывать себя в моей семье. Большая часть моей „власти и безопасности" корнями уходила в семью. Что произойдет, если вдруг все одновременно отвернется от меня?

Конечно, именно по этой причине Господь и настаивал, чтобы я крестилась немедленно. Он знал меня. Он знал, насколько я уязвима.

Я стояла, глядя в окно. Тени деревьев складывались в причудливые узоры.

„О, Господь, — молилась я, — не дай им всем напустить на меня одновременно. Пусть они приходят по одному“.

Не успела я договорить, как в дверь постучали. Горничная снизу пришла и вручила мне пакет. „Это только что принесли для Вас“ — сказала она. Я с нетерпением разорвала конверт и нашла в нем Слово Бога. На первом листе было написано: *Нашей дорогой сестре в день ее рождения*, подпись: Кен и Мэри Олд.

Я прижала Писание к груди, благодаря Бога за таких хороших друзей. Затем я открыла ее, и мой взгляд остановился на странице, с которой слова, казалось, зывали ко мне: „Я рассею их...“.

В тот момент значение этих слов оставалось для меня загадкой.

Глава 8 Есть ли защита?

На следующее утро я проснулась с чувством напряжения. Сегодня снова соберутся члены семьи, все вместе или по одному. И в том и в другом случае я смертельно боялась этой встречи. Я боялась обвинений, злобных предостережений, упреков и угроз, которых мне не миновать. Но более всего я боялась причинить им боль.

Не совсем веря в то, что Бог ответит на мою просьбу, я велела Райшам принести мне лучшее сари, выбрала наиболее привлекательное, отдала распоряжение слуге у ворот принимать всех посетителей и вернулась в свой кабинет. Там я села на один из стульев с белым шелковым чехлом и погрузилась в чтение, пока Махмуд играл с машинками, увозя и вывозя разные сооружения на большом персидском ковре.

Огромные настенные часы в зале пробили десять, одиннадцать и, наконец, поддень. „Ну что ж, — подумала я, — наверное, они планируют послеобеденный визит“.

Подали обед, и когда Махмуд отправился на тихий час, я продолжала ждать. Наконец в три часа дня я услышала, как у ворот остановилась машина. Я успокаивалась перед битвой, но машина отъехала! В чем дело? Я спросила горничную, и она ответила мне, что кто-то привез посылку.

Наступил вечер, за окнами кабинета стемнело. И тени появились на потолке. Мне позвонили. Я глянула на часы, было семь. Почему они звонят вместо того, чтобы прийти лично?

Я подняла трубку и услышала нежный голос, который сразу узнала — Мэри Олд. Голос ее звучал взволнованно. Весть о моем обращении уже успела облететь многих, что показало вчерашнее вторжение родственников. Что ее волновало?

„У Вас все в порядке? — спросила Мэри. — Я беспокоилась о Вас“.

Я уверила ее, что со мной все в порядке. Повесив трубку, я велела принести шаль и приготовить машину. В то время года члены моей семьи обычно не наносили визиты после восьми часов вечера, поэтому я чувствовала, что теперь могу спокойно покинуть дом. Странно, однако, что никто из родственников не позвонил и не пришел ко мне.

Я хотела ощутить поддержку своей христианской семьи. Может быть, Олдов? Почему голос Мэри звучал так взволнованно и загадочно? Я подъехала к дому Олдов и с удивлением заметила, что все окна темные.

И тут совершенно неожиданно, довольно резко, я почувствовала настоящую тревогу, стоя у ворот их дома, — меня охватил настоящий страх. Он сжимал меня тисками холодного ужаса. Темные мысли окатывали меня из темных углов двора. Конечно же, я поступила глупо, поехав поздно вечером без сопровождения! Что это там в тени? Сердце мое бешено забилося.

Я обернулась, уже готовая бежать к машине.

И тут я остановилась. Нет! Так нельзя поступать, если я часть Царства, у меня есть право просить защиты у Царя. Стоя в этой страшной темноте, все еще испытывая страх, я сознательно предала себя в руки Царя. „Иисус, Иисус, Иисус,“ — повторяла я это имя снова и снова. К моему удивлению, страх стал рассеиваться. Он ушел так же, как и пришел. Я была свободна!

Почти улыбаясь, я снова повернулась к дому Олдов. Пройдя несколько шагов, я увидела полоску света между задернутыми занавесками в гостиной. Я постучала. Дверь медленно отворилась. Это была Мэри. Когда она увидела меня, она вздохнула с облегчением, быстро втащила меня в дом и обняла.

„Кен! Кен!“ — позвала она. Он тут же подошел. „О, слава Богу! — воскликнул он. — Мы очень беспокоились о Вас“. Кен рассказал мне, что пакистанский пастор, проводивший мое крещение, очень беспокоился о моей безопасности, поэтому он сказал им, что они совершили непростительную ошибку, оставив меня одну.

„Так вот почему Ваш голос был таким взволнованным по телефону, Мэри! — Я подавила нервный смехок. — Ну что ж, думаю, что скоро вся страна узнает о моем обращении, но в любом случае, спасибо. Пока ничего не произошло. Даже моя семья не нанесла мне визита, и Вы даже себе не представляете, как я благодарна Богу за такой ответ на молитву“.

„Давайте поблагодарим Господа“, — предложил Кен, и мы все вместе преклонили колени в гостиной. Кен благодарил Бога за мою защиту и просил Его продолжать оберегать меня. Итак, я вернулась домой, чувствуя себя увереннее, потому что я просила у Бога помощи перед лицом страха, я использовала свое право взывать к имени Иисуса. Слуги сказали мне, что никто не звонил в тот вечер. „Ну что ж, — подумала я, готовясь ко сну, — посмотрим, что будет завтра.“ И снова я ждала в кабинете целый день, молясь, благодаря, изучая белый мозаичный пол и богатый узор персидского ковра. Ни от кого не было ни слова.

„В чем дело? Может быть, это игра в кошки-мышки?“ Потом я решила проверить, что известно слугам. В Пакистане, если вы хотите что-то узнать, спросите свою экономку. Они знают все обо всех.

Наконец, я обратилась к своей горничной Нурджан: „Скажи мне, что происходит с моей семьей?“.

„Ах, Бегума Саиб, произошло самое странное. Такое впечатление, что все Ваши родственники оказались занятыми в одно и то же время, — сказала она, подавляя нервный смех. — Ваш брат уехал на ежегодные зимние соревнования по крикету“. Я улыбнулась: моему брату крикет был важнее сестры, которая стояла на „пути в ад“. „Ваш дядя Фатех уехал из провинции по какому-то судебному делу, ваша тетя Амина отправилась в Лахор, двух Ваших кузенов вызвали из города по делу, и...“.

Я остановила ее, не было нужды продолжать. Господь сказал, что рассеет их, и действительно, рассеял. Я почти слышала, как смеялся Господь. Я была уверена, что озабоченные родственники не оставят меня в покое, но теперь они будут приходить по одному.

Так и было. Первым посланником оказалась тетя Амина, царственная женщина семидесяти лет, чья восточная красота никак не вязалась с моим кабинетом и его современной европейской мебелью. Годами нас связывали хорошие отношения, любовь и доверие. Теперь, когда она вошла, ее и без того бледное лицо, напоминавшее цвет магнолий, казалось еще бледнее, а серые глаза затуманила печаль.

Мы немного поболтали. Потом я, наконец, почувствовала, что она подходит к цели своего визита. Прочистив горло, она откинулась в кресле и, пытаясь придать разговору светский тон, спросила: „...Билкис... ах, я слышала..., что ты стала верующей. Это правда?“. Я лишь улыбнулась в ответ.

Она поехала в кресле и продолжала: „Я думала, что люди распространяют о тебе ложные слухи“. Она поколебалась немного, ее мягкие глаза просили меня сказать, что это ложь.

„Это не ложь, тетя Амина, — сказала я. — Я полностью подчинила себя Исе. Я крестилась. Я поверила“.

Она всплеснула руками. „Ах, какая страшная ошибка!“ — воскликнула она. Мы посидели молча с минуту, будучи не в силах что-то добавить к своим словам. Затем, медленно расправив на себе складки шали, она поднялась и с холодным достоинством покинула мой дом.

Я была подавлена, но просила Господа защитить ее от боли, которую она испытывала. Я знала, что мне нужно было молиться за всю свою семью, иначе я оставила бы за собой страдающих людей, которых очень люблю.

„Господь, — сказала я, — конечно же, было бы лучше всего, если бы Ты обратил каждого из этих людей. Но я знаю, что даже сейчас, когда они не обратились, Ты любишь их, и прошу, чтобы Ты коснулся каждого из этих дорогих мне людей Твоим особым благословением, начиная, если на то есть Твоя воля, с моей тети Амины. Спасибо, Господь!“

На следующий день мне пришлось повторить ту же самую молитву. Теперь я молилась за Аслама, пожилого кузена, который пришел навестить меня. Он был юристом и жил в 45 милях от Ваха.

Будучи сыном брата моего отца, он унаследовал многие качества моего отца: ту же самую теплую улыбку, мягкое чувство юмора. Я очень любила Аслама. Из его отношения я поняла, что он не до конца знал, что произошло со мной. Мы обменялись несколькими любезностями, а затем Аслам сказал: „Когда собирается семья? Я заеду за тобой, и мы поедем вместе“.

Я усмехнулась: „Я не знаю, когда собирается семья, Аслам, но я знаю, что меня не пригласят, потому что все собираются как раз по поводу меня“.

Он посмотрел на меня в замешательстве, и я поняла, что мне нужно объяснить ему все. „Пожалуйста, поезжай на встречу, Аслам, — сказала я, закончив свое повествование. — Может быть, ты замолвишь за меня свое слово“.

Я с грустью смотрела, как он уходил из дома, было очевидно, что кризис назревал. Мне нужно поехать в Равалпинди и Лахор, и как можно быстрее. Я не хотела, чтобы Тоони и мой сын Халид услышали преувеличенные рассказы обо мне. Я не могла поговорить лично со своей дочерью Халидой, потому что она жила в Африке, но я могла поговорить с Халидом и Тоони. На следующий день я отправилась в Лахор. Халид был преуспевающим бизнесменом, что было видно по его дому: прекрасное городское бунгало, окруженное верандами и лугом с подстриженной травой.

Мы проехали через его ворота, припарковали машину у входа и вошли на широкую веранду. Халид, предупрежденный семьей и моим телефонным звонком, выбежал мне навстречу. „Мама! Я так рад тебя видеть“, — сказал он, хотя я почувствовала, что он приветствовал меня несколько неловко. Мы проговорили целый день о том, что я сделала, но, в конце концов, я увидела, что Халид ничего не понял.

Дальше мне нужно было поговорить с Тоони. Я поехала в Равалпинди и отправилась прямо в госпиталь. Я попросила позвать Тоони и, ожидая ее, думала, как я смогу рассказать ей обо всем. Вне всяких сомнений, она уже слышала разговоры обо мне. Конечно же, она знала, что я читаю Библию. Может быть, она даже слышала мой разговор с католической монахиней доктором Сантьяго в этом самом госпитале, где обследовали Махмуда. Но одного она точно не знала — как изменил мою жизнь тот визит доктора Сантьяго, потому что именно эта маленькая монахиня вдохновила меня молиться Богу и обращаться к Нему как к Отцу.

„Мама!“ — я увидела, как она спешит ко мне, ее каштановые волосы резко выделялись на фоне белого халата, ее лицо пылало, она протягивала ко мне руки.

Я поднялась, и сердце мое учащенно забилося. Как я сообщу ей эту новость? Я старалась найти более мягкий подход, но страх ощутить давление со стороны был непереносимым. Даже не пытаюсь быть осторожной, я выпалила все сразу. „Тоони, — сказала я, — подготовься к шоку, дорогая. Два дня назад я крестилась“.

Тоони застыла, она перестала протягивать ко мне руки, ее чувствительные глаза наполнились слезами. Она опустила на банкетку рядом со мной. „Я знала, что все к этому идет“, — сказала она голосом, который я с трудом расслышала.

Я постаралась утешить ее, но безуспешно. „Нет смысла притворяться на работе“, — сказала Тоони. Она отпросилась, и мы вместе поехали к ней домой. Как только Тоони открыла дверь, в ее квартире зазвонил телефон, она подбежала, подняла трубку и повернулась ко мне. „Это Нина“. Это была племянница, жившая в Равалпинди. „Она хочет знать, правда ли это“. Она снова повернулась к телефону, потому что Нина продолжала говорить. Даже с того места, где я стояла, я слышала, что Нина повысила голос, затем Тоони мягко сказала: „Да, Нина, это правда. Она действительно это сделала“. Наверное, Нина бросила трубку, потому что Тоони отняла трубку от уха, посмотрела на нее, пожала плечами и медленно положила ее на рычаг. Лучше всего было дать ей время собраться с мыслями. Я собрала свои вещи.

„Приезжай ко мне, дорогая, — сказала я, — когда у тебя появятся силы для этого. Мы поговорим“. Тоони не возражала, и через несколько минут я уже устремилась домой. Как только я приехала, все слуги собрались вокруг меня. Нурджан ломала свои пухлые руки, и даже лицо Райшам было бледнее обычного. Телефон звонил целый день, родственники толпились у ворот с раннего утра, спрашивая меня. Слуги еще продолжали говорить, когда телефон снова зазвонил. Это был муж моей сестры, Джамиль, работавший в британской нефтяной компании, Я всегда думала, что он — человек без предрассудков, но его голос быстро разубедил меня в этом.

„Билкис, я слышал очень странные слухи и никак не могу поверить, что это правда, — сказал он прямо. — Мой деловой партнер сообщил мне о том, что ты стала верующей. Конечно, я посмеялся над ним и уверил его, что такое невозможно”.

Да, весть действительно облетела всех. Я ничего не сказала.

„Билкис! — Джамиль настаивал. — Ты меня слышишь?”

„Да”.

„Это правда?”

„Да”.

Снова наступило молчание. Затем: „Что ж, хорошо, — сказал Джамиль, — только ты потеряла больше, чем можешь себе представить. И ради чего? Ради еще одной религиозной точки зрения. Только и всего”. Он повесил трубку.

Через десять минут мне позвонила рыдающая Тоони. „Мама, дядя Наваз только что позвонил мне и сказал, что отец Махмуда заберет его у тебя. Наваз говорит, что ни один суд не разрешит оставить его у тебя!”

Я постаралась ее успокоить, но она с плачем повесила трубку.

Поздно вечером, когда мы с Махмудом ужинали в моей спальне, Тоони и две мои племянницы приехали ко мне домой. Я удивилась, увидев их посеревшие лица.

„Пожалуйста, садитесь и присоединяйтесь к нам”, — сказала я и распорядилась, чтобы слуги принесли для них ужин.

Тоони и племянницы едва притронулись к еде. Я была рада этим двум девушкам, но видела, что они-то совсем не радовались встрече со мной. Разговор был напряженным, и все три женщины поглядывали на Махмуда и предлагали ему пойти поиграть. Только после того, как он ушел, одна из племянниц осторожно наклонилась ко мне.

„Тетя, Вы понимаете, что это значит для *других*? — она расплакалась. — Вы подумали о ком-нибудь из нас?” Ее вопрос эхом отозвался в темных глазах второй моей племянницы, которая молча сидела напротив меня.

Я потянулась через стол и взяла в свои ладони маленькую ручку племянницы. „Моя дорогая, — сказала я с грустью, — я ничего не могу поделать, я должна повиноваться”.

Теперь Тоони смотрела на меня сквозь слезы, и, будто не слыша ничего, что я сказала, она попросила меня. „Мама, собери свои вещи и уезжай. Уезжай, пока есть еще с чем... или с кем...”.

Она повысила голос. „Ты знаешь, что говорят люди? На тебя нападут. Твой собственный брат будет вынужден пойти против тебя!”. Потом она разрыдалась. „Мои друзья говорят, что тебя убьют, мамочка!”

„Мне очень жаль, Тоони, но я не собираюсь бежать, — ответила я мягко. — Если я убегу сейчас, то придется быть в бегах всю оставшуюся жизнь”. Решительность появилась во мне, пока я говорила. „Если Богу угодно, Он позаботится обо мне в моем собственном доме. И никто, *никто* не выгонит меня из него”. Я села в кресло, неожиданно почувствовав драматичность положения. „Пусть они приходят и нападают на меня!”

И тут, как раз тогда, когда я чувствовала себя настолько уверенной, что-то произошло. Теплое Присутствие Бога исчезло... Я сидела почти в панике, безразличная к голосам вокруг меня. Но так же неожиданно я поняла, в чем дело. Это моя старая натура, полная гордыни и упрямства, взяла верх. Я самовольно решила и была уверена, что никто не выставит меня из собственного дома.

Я утонула в кресле, не понимая, что говорила мне Тоони.

„... хорошо, мамочка, — плакала Тоони, — ты стала христианкой, теперь ты должна еще стать христианской мученицей?” Она стояла у моего кресла, положив мне голову на плечо. „Ты понимаешь, что мы любим тебя?”

„Конечно, дорогая, конечно”, — пробормотала я, глядя ее по волосам. Про себя я просила Господа простить меня за такое своеволие. Что бы ни ждало меня впереди по Его воле, я была готова на все, даже если я должна буду покинуть свой дом. Повторяя эти слова в глубине души, я снова почувствовала Присутствие Отца. Все эти перемены во мне произошли очень быстро, всего лишь за несколько минут: пока три женщины, сидевшие напротив меня, разговаривали, моя жизнь перешла на другой уровень. Господь был рядом со мной в тот момент, Он работал во мне и учил меня. Он показывал мне, как пребывать в Его Присутствии.

„...мы сделаем так? Хорошо?" Это был голос Тоони, но я никак не могла понять, в чем она убеждает меня. На мое счастье, она продолжала. „Если отец Махмуда придет за ним, ты можешь позволить мне забрать его. Я же не стала верующей", — добавила она.

Постепенно девушки успокоились. Я предложила им остаться на ночь, и они согласились. Пожелав Тоони и племянницам спокойной ночи, я подумала о том, насколько мы поменялись ролями. Когда-то я защищала их и заботилась о них, а теперь мы одинаково волновались друг о друге. В ту ночь я молилась: „Господь, как трудно разговаривать с человеком, не имеющим веры в Тебя. Пожалуйста, помоги моей семье. Меня так беспокоит благополучие близких мне людей".

Когда я засыпала, мне снова показалось, что дух мой покинул тело. Я увидела себя на зеленой поляне, окруженной соснами. Вокруг царил весна. Везде кругом меня были ангелы, их было так много! Я слышала одно имя — „Святой Михаил"! Ангелы ободрили меня. А потом я снова оказалась в постели. Я встала и пошла в комнату Махмуда, там я указала на него в постели, затем пошла в комнату дочери и племянниц и сделала то же самое. Потом я вернулась в спальню и опустилась на колени. „Господь, — молилась я, — Ты показал мне так много ответов, теперь покажи, молю Тебя, что Ты собираешься делать с Махмудом. Мне хотелось бы утешить Тоони".

Я почувствовала непреодолимое желание открыть Библию, и один отрывок сам обратил на себя мое внимание — Бытие 22: 12: „Не поднимай руки твоей на отрока и не делай над ним ничего...".

„Спасибо, Отче", — вздохнула я.

За завтраком мне удалось утешить Тоони. „Дорогая, ничего не случится с твоим сыном, не беспокойся о нем". Я показала Писание, которое было дано мне в откровении.

Может быть, вера моя была заразительной или Тоони коснулся Святой Дух, я не знаю, но лицо ее действительно смягчилось, и она улыбнулась первый раз за два дня.

Моя дочь и племянницы покинули дом на более веселой ноте. Но поток других родственников и друзей продолжался.

Спустя несколько дней Райшам объявила, что ко мне пришли семь человек, это были дорогие мне друзья, ждавшие меня внизу. Я не хотела встречаться с ними без Махмуда. Мальчик должен знать все, что происходит. Я нашла его, и мы вместе спустились по лестнице в кабинет. Они сидели на стульях прямо, сохраняя официальный вид. После чая, кексов и небольшой беседы один из присутствующих прочистил горло, я приготовилась к тому, что должно было последовать за этим.

„Билкис, — сказал друг, которого я знала с детства, — мы любим тебя, мы думали о тебе и о том, что ты сделала, и мы хотели бы предложить тебе свою помощь".

„Да?"

Он наклонился вперед и улыбнулся.

„Не заявляй публично о том, что ты верующая".

„Ты хочешь сказать, что я должна хранить свою веру в секрете?"

„Ну..."

„Но я не могу, — сказала я, — я не могу играть в игры с Богом. Если мне нужно умереть, я умру".

Мне показалось, что все семеро приблизились ко мне. Старый друг моего отца сурово посмотрел на меня. Я хотела ответить ему таким же взглядом, но вовремя остановилась. Им казалось, что они близко к сердцу принимают мое благополучие.

„Мне очень жаль, — сказала я, — но я не могу сделать то, о чем вы меня просите", — я объяснила им, что моя вера очень быстро, меньше чем за месяц, стала главным событием моей жизни. „Я не могу молчать об этом", — сказала я. Я процитировала им Писание, где Господь говорит : „Итак, всякого, кто исповедает Меня пред людьми, того исповедаю и Я пред Отцем Моим Небесным. А кто отречется от Меня пред людьми, отрекусь от того и Я пред Отцем Моим Небесным" (Матф. 10: 32-33).

„Но, — сказал другой пожилой джентльмен, — ты оказалась в очень сложной ситуации. Я думаю, Бог не станет возражать, если ты будешь молчать. Он знает, что ты веришь в Него. Этого достаточно". Он процитировал закон по Корану об отступниках. „Мы боимся, — сказал он, — что ты попадешь в беду, никто из друзей или родственников не будет на твоей стороне. Те, кому ты больше всего дорога, будут вынуждены отвернуться от тебя".

Я кивнула. Я хорошо понимала их слова. Теперь мне хотелось послать Махмуда поиграть в саду, чтобы он не слышал этого. Когда я посмотрела на него, сидящего на маленьком стульчике рядом со мной, он просто улыбнулся. „Все хорошо", — как будто говорил он мне.

На глазах у друзей появились слезы, когда они уходили. Близкая подруга моей матери поцеловала меня, „До свиданья“, — сказала она. Она повторила это слово со странным ударением. Затем она расплакалась, отошла от меня и поспешила к выходу.

Дом показался мне гробницей после того, как они ушли. Даже обычно шумные игры Махмуда прекратились.

Прошло три недели, и единственным звуком в моем доме были голоса слуг. Если бы не было Митчеллов и Олдов и наших обычных воскресных собраний, я бы, наверное, не выдержала.

Каждый день битва с семьей становилась все более ясной. Я замечала выражение лица кузины, которую встретила на базаре. Я видела ее в хмуром взгляде племянника, с которым столкнулась на улице в Равалпинди. Я услышала ее в холодном голосе тети, которая позвонила и отклонила приглашение на обед. Бойкот начался. Телефон молчал, и никто не звонил у моих ворот. Ни один из членов семьи не позвонил мне даже для того, чтобы отчитать меня. Я не могла не вспомнить стих из Корана (Сура 74: 20): *„Если ты отказался от веры, ты принесешь зло стране и разрушишь кровные узы. Таковых проклинает Аллах, лишая их зрения и слуха“*.

На самом деле все так и было. Я разрушила кровные узы и не сомневалась, что не увижу своих родственников и не услышу от них ни слова.

Обычная болтовня и смех слуг стихали, когда они входили или выходили из моей комнаты. Мне с трудом удавалось разговорить их, чтобы добиться от них чего-то еще, кроме обычного „Да, Бегума Саиб“.

Но как-то раз утром бойкот принял необычный оборот. Мягко скрипнула дверь, я обернулась и увидела Нурджан, которая тихонько вошла в комнату, чтобы заняться моим туалетом. Такое поведение как-то не вязалось с ее всегдашней разговорчивостью. Райшам вошла в комнату еще более строгая, чем всегда. Они занялись обычным делом, но не разговаривали между собой, и я почувствовала их тревожные взгляды.

Я ждала, что они скажут, но Нурджан продолжала выполнять свои обязанности молча, не сплетничая, как обычно, и не болтая. Лицо Райшам было очень серьезным. Наконец, с отголосками прежнего огня в голосе, я сказала:

„Ну хорошо, я же вижу, что что-то не так. Расскажите, в чем дело“.

Расчесывание прекратилось, и я услышала новость. Кроме Райшам, стоявшей передо мной сейчас, все мои верующие слуги, включая Манзура, убежали ночью из дома.

Глава 9 **Бойкот**

Что значит этот побег? Четверо слуг бросили работу! В таком городе, как Вах, где работу найти очень сложно, их решение было трудно понять.

Конечно же, все дело в страхе. Манзур боялся, потому что это его я просила достать мне Слово Бога, и отвезти меня к миссионерам. Еще трое верующих слуг, наверное, также поддались страху. Видимо, они слышали рокот вулкана, который вскоре должен был взорваться, и не хотели попасть под горячую лаву.

А как же Райшам, поверившая, моя горничная, которая сейчас расчесывала мне волосы? Я чувствовала, что ее грациозные руки дрожали, когда она работала.

„А ты?“ — спросила я.

Она прикусила губу и продолжала причесывать меня. „Наверное, мне не нужно было оставаться, — сказала она мягко. — Это будет очень...“

„Очень одиноко“, — окончила я за нее.

„Да, — сказала она, сглотнув, — и...“

„И ты боишься. Ну что же, Райшам, если бы ты покинула меня, я бы не стала осуждать тебя. Тебе нужно принять решение, точно так же, как это сделала я. Однако, если ты останешься, помни, что Иса сказал нам, что мы будем гонимы за Него“.

Райшам кивнула, и ее темные глаза увлажнились. Она вынула шпильку, которую держала в зубах, и продолжала укладывать мои волосы. „Я знаю“, — сказала она грустно.

Райшам молчала весь остаток дня. Ее тревога оказала влияние на Нурджан, которая вот-вот готова была впасть в тихую истерику. На следующее утро, когда я проснулась, мне было трудно даже заставить себя позвонить. Кто ответит" на звонок? Дверь в спальню медленно открылась, и вошла Нурджан. Затем в темноте раннего зимнего утра появилась еще одна фигура. Это была Райшам!

Позже я сказала ей, насколько благодарна ей за то, что она осталась. Она покраснела. „Бегума Саиб Джи, — сказала она мягко, добавляя это последнее приветствие, которое означало — Пусть Ваша жизнь будет долгой, — Вы служите Господу, а я буду служить Вам".

С тех пор, как остальные поверившие слуги покинули мой дом, в нем стало еще тише, может быть, из-за того, что я не заменила их новыми людьми. Мои запросы теперь сократились, потому что ни одна семья больше не приходила ко мне в гости. Я решила не нанимать какое-то время верующих. Я нашла себе нового шофера — мусульманина, которого звали Фазад, и нового помощника повара, тоже мусульманина, но больше никого нанимать не стала. Меня очень радовал Махмуд, который продолжал весело играть в доме и в саду. Я просила его приглашать друзей из деревни, и к этому предложению он отнесся с восторгом. В основном, дети были старше его, им было пять или шесть, в то время как Махмуду было всего пять лет. Но тем не менее, Махмуд как-то постепенно становился вожаком среди них; я думаю, это не из-за того, что он принимал их у себя в гостях, а, скорее, потому, что семьсот лет руководства и управления были заложены в генах этого ребенка и этому было точно так же трудно противиться, как и его влажным темным глазам.

Сколько из этого семейного наследия я поставила под угрозу? Скольким семейным узам этого мальчика я угрожала? Еще вчера он спросил меня снова, когда его кузен Карим возьмет его на рыбалку. Карим обещал научить Махмуда всем премудростям ловли форели, которая скользила между подводными камнями в источнике нашего сада, впадающем в реку Тамру.

„Мама! — спросил Махмуд. — Когда к нам придет Карим?"

Я смотрела на этого мальчика с сияющими глазами, и у меня не хватило смелости сказать ему, что рыбалка отменяется навсегда.

Пока Махмуда не очень тянуло к новой вере. Я читала ему истории из Слова Бога, которые он полюбил настолько, что мне приходилось укладывать его не в 8, а в 7.30, чтобы у нас было достаточно времени для чтения. Но разве могут сравниться несколько историй с рыбалкой и с друзьями? Постепенно друзья Махмуда перестали приходить к нам. Махмуд этого не понимал, а когда я пыталась объяснить ему, он смотрел на меня в замешательстве.

„Мама, — сказал он, — кого ты любишь больше, меня или Иисуса?"

Что я могла ему сказать? Особенно теперь, когда он был настолько одинок. „Бог всегда должен быть на первом месте, Махмуд", — сказала я, перефразируя предупреждение Господа о том, что если семья для нас важнее Него, то мы не любим Его на самом деле. „Мы должны всегда ставить Бога на первое место, — сказала я, — даже по сравнению с теми людьми, кого мы больше всего любим в этом мире".

Казалось, Махмуд понимал это. Казалось, он слушал меня, когда я читала ему Слово Бога. Однажды, после того, как я прочла ему „Придите ко Мне, все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас", я услышала его молитву перед сном: „Господь Иса, я люблю Тебя и я приду к Тебе, но, ...пожалуйста, не успокаивай меня. Я не хочу отдыхать и жить в покое". Он даже складывал руки для молитвы, но я знаю, что ему было трудно в одиночестве и было трудно видеть в одиночестве меня. Ни один из родственников, друзей или знакомых не сворачивал с дороги к нашему дому. Телефон вообще не звонил.

Но вот как-то в 3 часа утра мой белый телефон, стоящий на столике у постели, зазвонил. Я протянула руку к трубке, и сердце учащенно забилося. Никто не станет звонить в такой час, разве если кто-то умер в семье. Я подняла трубку и сначала услышала лишь тяжелое дыхание. Потом три слова ударили меня, как камни: „Неверная. Неверная. Неверная".

Телефон замолчал. Я снова улеглась. Кто это был? Один из тех фанатиков, о которых меня постоянно предупреждали? На что еще они способны?

„О, Господь, Ты знаешь, что я готова к смерти, но я ужасная трусиха. Я боюсь боли. Ты знаешь, что я теряю сознание, когда доктор делает мне укол. Но я молю Тебя, дай мне силы перенести боль, если это будет необходимо". Мои глаза наполнились слезами: „Я думаю, что я не из одного теста с мучениками, Господь. Я сожалею об этом, но просто позволь мне пройти с Тобой через все, что мне готовано и что меня ждет".

Затем последовало анонимное письмо с угрозами — „Пора определиться. Только одним словом можно назвать тебя: предательница!“. За этим последовало еще одно письмо, а вскоре за ним и еще одно. Все они содержали в себе предостережения. Я была перебежчицей, и ко мне относились как к таковой.

Как-то раз днем в начале лета 1967 г., спустя полгода после моего обращения, я стояла в саду, комкая в руках одно из таких писем. Оно было особенно непримиримым, меня в нем называли не только неверной, но и совратительницей правоверных. Истинные верующие, было сказано в письме, должны выжечь меня, как гангрены выжигают на здоровой конечности.

Выжечь меня? Неужели это было не просто образным выражением? Я прошла вглубь сада, туда, где на клумбах цвели тюльпаны и гиацинты. Весна превращалась в лето. В саду цвела айва, и последние белые лепестки осыпались с деревьев. Я обернулась и посмотрела на свой дом. „Они не посмеют прикоснуться к моему дому!“ — воскликнула я про себя. Им не удастся выжечь Бегуму! Но как будто для того, чтобы напомнить мне о том, что мне больше не приходится рассчитывать на защиту своего положения и благосостояния, ко мне пожаловал гость, О нем доложила служанка.

„Генерал Амар хочет видеть Вас“, — сказала она.

Сердце перевернулось во мне. Я посмотрела в сторону ворот и, конечно же, увидела знакомую командирскую машину. Генерал Амар был моим хорошим старым другом еще тогда, когда я была связана с армией. Во время второй мировой войны мы часто общались, а теперь он был одним из верховных генералов пакистанской армии.

Мы продолжали общаться многие годы, особенно тогда, когда мой муж был министром внутренних дел и работал с ним в тесном контакте. Неужели и он пришел, чтобы обвинять меня?

Вскоре его шаги уже раздавались на садовой дорожке, и он шел ко мне навстречу, как всегда, подтянутый, в униформе цвета хаки и кожаных ботинках. Он взял мою руку, наклонился и поцеловал ее. Мое напряжение понемногу стало отступать, совершенно очевидно, что сн пришел не для того, чтобы сражаться.

Он посмотрел на меня, и его темные глаза сверкнули юмором. Как всегда, генерал начал с самого главного: „Правда ли то, что говорят люди?“ „Да“, — сказала я.

„Что тебя толкнуло на это? — воскликнул он. — Ты поставила себя в очень опасное положение! Я слышал слухи о том, что тебя хотят убить!“ Я посмотрела на него молча.

„Ну хорошо, — добавил он, усаживаясь на скамейку, и я услышала скрип его кожаного ремня. — Ты знаешь, что я тебе как брат?“

„Я надеюсь, что это так“.

„И как брат я отношусь к тебе с нежной заботой?“ „Я надеюсь на это“.

„Тогда помни, что мой дом всегда открыт для тебя“. Я улыбнулась. Это было первое предложение, исполненное доброты, которое я слышала за последнее время.

„Но, — продолжал генерал, — я хочу, чтобы ты знала. Это личное приглашение“. Он потянулся за цветком, сорвал его и понюхал, затем вернул мне и добавил: „На официальном уровне я вряд ли что смогу для тебя сделать, Билкис“.

„Я знаю“. Я взяла генерала за руку, мы поднялись и устремились к террасе, а затем вошли в дом. По пути я рассказывала ему о своих трудностях.

„Не жди, что тебе станет легче, дорогая“, — сказал мой друг в своей излюбленной манере. Позже, когда я велела подать чай в кабинет, он спросил меня с улыбкой: „Расскажи мне, Билкис, почему ты пошла на это?“. Я объяснила ему, что произошло со мной, и заметила, что генерал Амар слушал меня внимательно. Как необычно! Оказалось, что я, даже не подозревая об этом, делала то, что миссионеры называют свидетельством. Я говорила о Исе с мусульманином, и, кроме того, занимающим высокий пост.

И он слушал меня! Сомневаюсь, что в тот вечер мои слова действительно дошли до генерала Амара, но он был склонен к размышлениям, и через полчаса, когда мы попрощались, он снова поднес мою руку к губам.

„Помни, Билкис, — сказал он, — в любое время, когда тебе понадобится моя помощь... все, что я смогу сделать для тебя как друг...“.

„Спасибо, Амар“, — сказала я.

Он повернулся, его шаги прогремели по коридору и затихли в вечерней темноте, где его ожидала командирская машина. Этот единственный странный визит был закончен. „Интересно, увижу ли я когда-нибудь его снова?“, — подумала я.

Впервые со времени бойкота, анонимных писем и телефонных звонков, предупреждений от старых друзей я стала понимать, что значит жить от одного часа до другого. Это была противоположность тревог. Я ждала и хотела увидеть, что Он допустит. Я была уверена, что ничего не произойдет без Его позволения. Я знала, например, что давление на меня только усилится. Если это произошло, значит, Он допустил это, и я должна научиться искать Его Присутствие даже во время таких бедствий. Мне нужно было жить каждым часом, стараясь быть рядом с Ним.

Да, это и есть мой ключ. Я должна научиться быть в Его Присутствии, чтобы, несмотря ни на что, я могла пребывать в Его славе.

Когда давление со стороны усилилось, я подумала, что теперь мне стали понятны переживания царя Давида, который был вынужден бежать от своего сына Авессалома; я могла себе представить, как он взял лиру и спел: „Но Ты, Господи, щит предо мною, слава моя...“ (Пс. 3: 4). Это была слава, которую, по моему пониманию, он представлял себе как несказанное благословение, радость и ликование святых на небесах.

В то время давление моей семьи по-прежнему выражалось в бойкоте. Ни один из ее членов мне не звонил, даже для того, чтобы отчитать меня. За редким исключением, старые друзья тоже перестали мне звонить. Насмешки на рынке продолжались. Меня также исключили из всех важных событий в семье — рождений, смертей, бракосочетаний.

Как только я позволяла себе задумываться о своем одиночестве, я чувствовала, что слава начинала меркнуть, и тогда я сразу же усилием воли заставляла себя думать о том, что Иисус тоже было одинок. Это помогало. Но я замечала, к своему удивлению, что мне отчаянно не хватало общения. Я, настолько отчужденная от всех, теперь нуждалась в близости. Даже Олды и Митчеллы не приходили ко мне больше. Ради их собственной безопасности я посоветовала им не посещать меня.

Как-то раз был скучный серый день, и я удалилась в спальню, чтобы почитать Слово Бога. Было необычно холодно для начала лета. Резкий ветер бил в окна. Начав читать, я почувствовала тепло на своей руке и, посмотрев на руку, увидела лучик солнечного света. Я выглянула из окна и заметила, что солнце снова скрылось за облаками. Мне показалось, что на одно мгновение Он сошел и коснулся меня, чтобы утешить.

„О, Господь, — сказала я. — Я так одинока, мне не хватает общения. Пожалуйста, пошли кого-нибудь, с кем бы я могла сегодня поговорить“.

Чувствуя себя в глупом положении, высказав Богу такие дерзкие просьбы, я вернулась к чтению Писания. В конце концов, я в Его Присутствии, и этого должно быть достаточно. Но через какое-то время я стала прислушиваться и различила странный звук в доме, странный, потому что его не было так долго. Снизу доносились голоса.

Я накинула халат и вышла в коридор, где встретила Нурджан, которая спешила ко мне, задыхаясь. „О, Бегума Саиб, — пролепетала она, — приехали Олды“.

„Слава Богу“, — ответила я и поспешила к ним навстречу. Конечно же, я видела Кена и Мэри во время наших воскресных собраний у них в доме, но это было нечто другое. Это был визит посреди недели. Мэри бросилась ко мне и взяла меня за руку. „Нам нужно было увидеть Вас, Билкис, — сказала она, и ее голубые глаза сияли. — У нас нет никаких особых причин для визита, мы просто очень любим Вас“.

Что это был за визит! Когда мы разговаривали, я поняла, что сама совершила ошибку, не приглашая людей к себе.

Гордыня удерживала меня от признания такой потребности. Неожиданно я почувствовала вдохновение. Почему бы мне не приглашать людей к себе в дом на воскресные собрания? Но разве это не значит сыпать порох в огонь? Я постаралась отмахнуться от этой мысли, но она не уходила. И когда друзья собирались уходить, я быстро сказала: „Может быть, вы придете ко мне в это воскресенье?“.

Олды посмотрели на меня с изумлением.

„Я серьезно, — сказала я. — Этому старому дому нужна жизнь“.

На этом и порешили.

В тот вечер, когда я готовилась ко сну, я подумала о том, •"как Господь заботится о нас. Когда моя семья и друзья оставили меня, Он заменил их Своей семьей Верующих. Ночью я спала спокойно и проснулась от ощущения теплого солнечного света, заливавшего окно. Я встала, открыла окно, наслаждаясь мягким ветром, наполнившим комнату. В этом земном аромате я почувствовала теплое дыхание настоящего лета, которое, наконец, пришло к нам.

Я не могла дожидаться воскресного собрания. В субботу вечером старый дом наполнился цветами, пол, и окна везде натирались до блеска. Я сказала Райшам, что она может присоединиться к нам, но она не решилась, она еще была не готова к такому смелому шагу, и я не стала настаивать.

Наступило воскресенье, и я старалась не пускать Махмуда в кабинет, расправляла персидский ковер и все время переставляла цветы. Я постоянно находила пыль то здесь, то там и вытирала ее. Наконец, я услышала, как открылись ворота и подъехали машины.

Вечер прошел так, как я и надеялась, с пением, молитвами и свидетельствами друг другу о том, что сделал Господь. Нас было двенадцать и еще Махмуд, мы уютно сидели в кругу в кабинете, но я клянусь, что в тот вечер с нами были тысячи других гостей, невидимых, но желанных.

У вечернего собрания была еще одна цель, и я не могла этого не заметить. Оказалось, что все мои верующие друзья очень беспокоились за меня.

„Надеюсь, Вы проявляете особую осторожность?“ — спросила Мэри.

„Ну, — рассмеялась я. — Вряд ли я что-то смогу сделать, если кто-то захочет причинить мне вред“.

Кен обвел взглядом кабинет и посмотрел на большие стеклянные двери, ведущие в сад. „Вам тут вряд ли удастся быть в безопасности, — сказал он. — Я даже не подозревал, что Вы настолько уязвимы“.

„А Ваша спальня?“ — поинтересовалась Синов. Всем захотелось взглянуть на мою комнату, и мы поднялись вверх. Кена особенно волновали окна, выходящие в сад, их защищало лишь тонкое стекло и узорчатый экран.

Он покачал головой. „Нет, это вовсе небезопасно, Вы сами понимаете. Вам нужно что-то придумать, Билкис, Вам нужно поставить тяжелые металлические решетки. Любой может влезть через такое окно“. Я сказала ему, что подумаю об этом на следующий день.

Было ли это игрой воображения или на самом деле Его слава немного померкла, как только я дала такое обещание?

Наконец, мы распрощались, и я стала готовиться ко сну, чувствуя себя более счастливой, чем за все прошедшее время. На следующий день, уже собираясь послать за работником в деревню, чтобы поставить решетки, я снова почувствовала, что слава Господа отходит от меня. Почему? Неужели потому, что я собиралась совершить поступок, который основывался на страхе? Мне показалось, что, как только я собираюсь звонить рабочему, мне что-то препятствует сделать это.

Потом я поняла, в чем дело. Как только по деревне пронесется слух о том, что я ставлю решетки на окна, все поймут, что я боюсь. Мне показалось, что я уже слышу сплетни: „Как! Ну что это за религия! Разве христианство — настоящая религия, если, став верующим, начинаешь всех бояться!“.

Нет. Я решила, что не буду закрывать окна. В ту ночь я легла спать, чувствуя, что приняла правильное решение. Я сразу же заснула, но вскоре проснулась от какого-то звука. Я села в напряжении, но не ощущая страха. Передо мной открылось захватывающее зрелище.

Сквозь стены своей комнаты каким-то сверхъестественным образом я видела весь сад. Он купался в небесном белом свете. Я видела каждый лепесток розы, каждый лист на дереве, каждую травинку. Над садом стояла удивительная тишина. В глубине сердца? услышала слова Отца: „Ты поступила правильно, Билкис. "Я с тобой"

Постепенно свет померк, и комната снова стала темной. Я включила ночник, вознесла руки и прославила Господа. „Отче, разве я смогу отблагодарить Тебя? Ты так заботишься о нас, о каждом из нас“.

На следующее утро я собрала всех слуг и объявила им, что они могут ночевать у себя дома, если захотят. Только Махмуд и я будем спать в большом доме. Слуги обменялись взглядами, кто-то с удивлением, кто-то с радостью, один или два с тревогой. Но я знала, что наконец-то хоть что-то сделано. Я положила конец любым попыткам защитить себя самостоятельно. После принятия этого решения вернулась слава и осталась со мной дольше, чем обычно. Может быть, это было необходимо для следующего поворота событий.

Как-то раз утром Райшам расчесывала мне волосы и, между прочим, заметила: „Я слышала, что сын вашей тети Карим умер“.

Я вскочила со стула и посмотрела на нее, не веря своим ушам. „Нет, — произнесла я. — Только не Карим!“. Он был одним из моих любимцев! Что произошло? Почему я должна была узнать о смерти Карима через слуг! Железным усилием воли я взяла себя в руки и заставила сесть в кресло, чтобы Райшам могла продолжать работу. Но мысли мои были в беспорядке. Может быть, это всего лишь слухи, думала я. Райшам могла перепутать имя. Позднее я попросила старшую из штата прислуги сходить в деревню и узнать, что произошло. Она сходила и вернулась через час очень расстроенная.

„Мне очень жаль, Бегума Саиб, — сказала она. — Но это правда. Он умер прошлой ночью от инфаркта. Похороны сегодня“.

Затем эта служанка, у которой была способность узнавать все обо всех, поведала мне новости, от которых мне стало еще больнее. Моя тетя знала, как сильно я любила ее сына, и специально попросила членов семьи: „Обязательно скажите Билкис, что мой мальчик умер“. Но никто не выполнил ее желания.

Позже я сидела у окна, раздумывая обо всем этом. Я была исключена из семейных событий уже полгода, но никогда бойкот не причинял мне такой боли, как сейчас. Покачиваясь в кресле, я начала молиться, прося у Него помощи, и, как всегда, помощь пришла. В этот раз я почувствовала ее как теплую накидку на плечах. И вместе с этим чувством появился необычный план действий. Сама идея шокировала меня. Она была слишком смелой, но я знала, что она от Господа.

Глава 10 **Учась пребывать в славе**

Когда я сидела у окна, глядя в сад, где мы с Каримом играли еще детьми, сильный ветер муссон подул из Индии и зашевелил верхушки деревьев. В этот самый момент я услышала послание и не поверила своим ушам, сомневаясь, что услышала все правильно.

„Господь, Ты не можешь говорить мне это, — сказала я с улыбкой. — Я просто слышу голоса! Ты хочешь, чтобы я отправилась на похороны Карима. Это невероятно. Это проявление плохого вкуса, Я обижу людей, оплакивающих потерю“.

Продолжая отвергать услышанное, я сразу почувствовала, что ощущение Его Присутствия начинает меркнуть. И сразу же, уловив этот сигнал, я стала спрашивать себя, может быть, и вправду мне было велено совершить такой необычный поступок, пойти прямо навстречу враждебности и бойкоту.

Наконец, сделав глубокий вдох, я поднялась со своего места у окна, пожала плечами и сказала вслух: „Я начинаю учиться, Господь. Мое умение поступать правильно не сравнится с Твоим! Я пойду, если Ты велишь мне“.

И конечно, ощущение Его Присутствия вернулось.

У меня было много необычных переживаний, связанных с этим приходом и исчезновением Его славы. И все же у меня было чувство, что это только первый шаг к пониманию сути всего происходящего. Как я смогу научиться пребывать в Его Присутствии в течение долгого времени? Я даже не думала, что через два месяца я столкнусь с переживаниями, которые заставят меня сделать еще один шаг в этом учебном процессе.

Я в нерешительности стояла на булыжной мостовой напротив дома Карима. Несмотря на обещание повиноваться, я чувствовала себя одинокой голубкой, оказавшейся среди тысячи кобр. Сделав глубокий вдох, я устремилась к каменному дому, стоящему между такими же домами. Я вошла во двор и ступила на веранду, став предметом интереса деревенских людей, которые молча сидели на ступеньках. Я вошла в старинный дом с резными потолками и белыми стенами, где мы с Каримом так часто смеялись, играли и шалили.

Сейчас здесь не было смеха; несмотря на семейное горе и траур, я чувствовала на себе строгие взгляды. Я посмотрела на кузину, с которой мы были очень близки. Наши взгляды встретились на минуту, но она быстро отвернулась и заговорила с соседкой.

Расправив плечи, я вошла в гостиную дома Карима, села на один из толстых хлопковых матрацев, лежавших на полу, со множеством подушек, чтобы было на что облокотиться. Я расправила сари вокруг ног. Неожиданно люди зашевелились, казалось, они поняли, кто я. Тихая утешительная беседа, которая наполняла комнату, вдруг прервалась. Даже женщины-плакальщицы, возносившие молитвы Аллаху, замолчали и посмотрели на меня. Комната, в которой было жарко, как обычно бывает летом, да еще где плечом к плечу собралось так много народа, неожиданно показалась прохладной.

Я ничего не сказала, не сделала ни единой попытки к общению, просто опустила глаза и стала возносить свои собственные молитвы. „Господь Иса, — шептала я в глубине сердца, — будь со мной, потому что я сейчас представляю Тебя среди дорогих мне друзей и родственников, которые так опечалены смертью Карима“.

Через пятнадцать минут тихая беседа возобновилась. Настало время мне выразить сочувствие жене Карима. Высоко держа голову, я поднялась с матраца и вошла в комнату, примыкающую к гостиной, где лежало тело Карима в высоком глубоком гробу, сделанном по мусульманскому поверью, так как считалось, что покойник должен иметь возможность сесть, когда ангелы придут и будут спрашивать его перед тем, как он попадет на небеса. Я выразила соболезнование жене Карима, затем посмотрела на спокойное лицо моего дорогого кузена, окруженное складками белого одеяния, и про себя прошептала молитву, обращенную к Исе. Я молилась за душу этого человека. О, как мне хотелось сейчас, чтобы у меня была возможность поговорить с ним до его смерти!

Тихое бормотание наполнило комнату, потому что близкие и члены семьи молились за Карима. Женщины встали и читали стихи из Корана. Все это было частью ритма жизни и смерти, который был мне знаком. Я отвернулась от всего этого. Сегодня, до захода солнца, процессия пойдет на кладбище, и все члены семьи будут идти за катафалком. У могилы те, кто нес гроб, поставят его на землю, и мулла будет взывать: *„Бог велик. Господь, это Твой раб, сын раба Твоего. Он свидетельствовал о том, что нет Бога, кроме Тебя, и Мухаммед Твой раб и Твой посланник“*.

Стоя и слушая тихий плач в комнате, я увидела мать Карима, стоявшую на коленях у гроба. Она казалась такой потерянной, и я неожиданно почувствовала непреодолимое желание подойти к ней. Неужели я осмелюсь? Может быть, это будет оскорблением? Могу ли я сказать ей что-нибудь о Исе? Наверное, нет. Просто само мое присутствие здесь поможет мне подвести ее к Исе.

Я подошла к матери Карима и обняла ее. Шепотом я сказала ей о том, как сожалею о его смерти. „Мы с Каримом были очень близки. Пусть Бог благословит Вас и утешит“. Мать Карима повернулась ко мне. Ее темные, наполненные слезами глаза благодарили меня, я знала, что Иса даже тогда утешал ее сокрушенное горем сердце.

Но мать Карима была единственным человеком в комнате, кто, казалось, принимал то, что я делала. Как только я оставила ее и вернулась, чтобы сесть среди плакальщиц, один кузен — тоже близкий мне — устроил целый спектакль: встал со своего места и быстро вышел из комнаты. Еще один кузен последовал за ним, потом еще один.

Я сидела, борясь со своими переживаниями из-за смерти Карима и отношения к его семье, с одной стороны, и с глубоким смущением — с другой. Сердце учащенно билось. Враждебность пробивалась сквозь мою самозащиту. Я могла всего лишь высидеть положенное время, а потом встать, попрощаться и выйти из комнаты. Наконец, когда я стала уходить, я почувствовала, что все глаза в комнате обращены на меня.

Вернувшись к машине, я немного посидела, пытаюсь собраться с мыслями. Я послушалась, но цена была высока. Конечно, я бы лучше осталась дома, чем идти навстречу этой открытой враждебности.

Но если я думала, что проделала этот путь в последний раз, я ошибалась. Спустя несколько недель, как раз, когда лето было в полном разгаре, умер еще один кузен. И снова я услышала о его смерти от слуг, и снова, повинувшись повелению Господа, я неохотно входила в комнату, полную людей в трауре, и чувствовала холодную ненависть к себе. Усилием воли я заставила себя перестать думать о себе и думать о той, кто действительно имел право сетовать, — о вдове моего кузена. У нее был ребенок, которому вскоре исполнится пять лет, столько же, сколько Махмуду. Она казалась совсем потерянной; стоя у гроба, я плакала о ней и о ее муже.

И точно так же, как на похоронах Карима, я почувствовала желание подойти к отчаявшейся женщине. Когда я приблизилась к ней, наши взгляды встретились, и я увидела неуверенность на ее залитом слезами лице. Затем, неожиданно решившись, зная, что она поступает наперекор семье, она

протянула мне руку. Взяв ее смуглую дрожащую руку в свои ладони, я молча плакала. Мы обменялись несколькими словами, но сердце мое истово молилось о том, чтобы Дух Святой коснулся ее и сдержал Свое обещание даже для мусульманки: „Блаженны плачущие“.

„Спасибо, Билкис, спасибо“, — сказала шепотом вдова и наконец отпустила мою руку. Я обняла ее и вышла из комнаты.

Странно, но в ближайшее время меня ожидало еще двое похорон. Это было довольно необычно даже для такой большой семьи, как наша. Но в каждом случае мне было сказано ясно и четко, что я должна повиноваться Господу, оставить свой маленький безопасный дом и отправиться туда, где во мне нуждались. Мне не нужно было много говорить. Я должна была свидетельствовать только своим заботливым присутствием.

И все это время Господь работал во мне. Он учил меня многому, используя эти похороны в качестве классной комнаты.

Именно во время этих походов на семейные похороны я открыла для себя еще один секрет пребывания в Его Присутствии.

На мусульманских похоронах никто не готовит и не ест до тех пор, пока тело не будет предано земле. Обычно в этот день бывает пост, хотя в действительности это не обязательно. Однако в тот день, когда я сидела одна в комнате, где было много людей, я неожиданно почувствовала, что мне хочется обычного послеобеденного чая. Без этого, сказала я себе, я не могу обойтись. Наконец, будучи не в состоянии отказать своему желанию, я встала и извинилась. „Мне нужно вымыть руки“, — сказала я и вышла из дома, направившись в маленькое кафе. Там я выпила чай и вернулась к плакальщицам.

И тут же я почувствовала в себе странное одиночество, . как будто меня оставил друг. Конечно, я знала, что это такое: утешительное Присутствие Его Духа покинуло меня.

„Господь, — сказала я про себя. — Что я сделала?“

А потом я поняла: я солгала, чтобы оправдать себя.

„Но это была всего лишь маленькая ложь, Господь“, — взывала я. Но утешения от Духа не было. Вообще ничего не было.

„Но Господь, — настаивала я, — мне не нужно следовать всем этим мусульманским традициям, и, кроме того, я просто не могла обойтись без чая. Ты знаешь“.

Никакого ответа.

„Но, Отче, — продолжала я, — я не могла сказать им, что пойду пить чай с тортом. Это обидело бы их“.

Облегчения не было.

„Хорошо, Отче, — сказала я. — Я поняла.“ Я плохо поступила, солгав. Я поняла, что искала одобрения людей, хотя должна искать только Твоего одобрения. Я сожалею об этом, Господь. Я огорчила Тебя. С Твоей помощью я больше не сделаю этого“.

Как только я произнесла эти слова, Его утешительное Присутствие снова наполнило меня, подобно тому как дождь заполняет высохшее озеро. Я расслабилась. Я знала, что Он со мной.

Таким образом я научилась возвращаться в Его Присутствие. Как только я переставала ощущать Его близость, я знала, что огорчила Его. Я начинала размышлять и мысленно возвращалась к тому времени, когда я точно знала, что Он был рядом. Затем я обдумывала каждый свой поступок, каждое слово или мысль, пока не находила свою ошибку. Сразу же после этого я исповедовалась перед Богом и просила у Него прощения.

Я научилась делать это со все возрастающей смелостью. Через эти упражнения в послушании я узнала прекрасную тайну покаяния. Покаяние, как я обнаружила, было не просто признанием со слезами, скорее всего, это было признанием своей ошибки и просьба помочь мне никогда больше не ошибаться в будущем. Осознавая свою слабость, я могла призывать Его силу.

Именно тогда я поняла, что не бывает невинной „белой“ лжи. Ложь всегда ложь, она всегда от Сатаны, отца лжи. Он использует „безобидную“ ложь, чтобы привить нам эту порочную привычку. Ложь открывает дорогу более сильному искушению. Сатана нашептывает нам, что ложь — это „забота“ о других людях. И мы склоняемся к миру, вместо того, чтобы склоняться к Исе, Который есть Истина.

Хотя я усвоила этот урок на похоронах родственника, это было лишь началом новой жизни для меня, жизни, в которой я пыталась избавиться от любой лжи. С того дня я старалась останавливать

себя каждый раз, когда мне хотелось солгать. Как-то раз миссионер пригласил меня на собрание, на которое мне не хотелось идти, я уже собралась было извиниться и сказать, что у меня назначена встреча. И тут во мне прозвучал предупредительный сигнал, и я вовремя остановилась. Вместо этого я почувствовала, что могу быть правдивой и все же не обижать ничьих чувств, и просто сказала: „Мне очень жаль, но я не смогу прийти“.

Или как-то раз я сидела и писала письмо другу в Лондон. И почти автоматически я начала писать о том, что меня не было в городе какое-то время и я не могла ответить на его последнее письмо. Я остановилась и отложила ручку... Не было в городе? Да я была здесь все время. Я скомкала лист бумаги, бросила его в корзину и начала снова: „Дорогой друг, пожалуйста, прости меня за то, что я не ответила сразу на твое прекрасное письмо...“.

Конечно, это мелочи. Но я училась быть внимательной в малом, чтобы потом мне было легче справляться с большим искушением, если оно придет. Кроме того, жизнь моя стала намного легче, когда я перестала тратить время на отговорки.

Постепенно до меня стало доходить, что я пытаюсь жить в постоянном Присутствии Исы! Конечно, я не могла это делать всегда. Часто я ловила себя на том, что снова встаю на прежний путь! Но я продолжала стараться.

В этом познавательном процессе я открыла для себя практическую сторону обетования: „Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам“ (Матф. 6: 33). Как только я делала попытку поставить Бога на первое место, мои прежние нужды восполнялись.

Как-то раз Райшам вошла в мою комнату с удивленным выражением лица.

„В кабинете вас ожидает дама“, — сказала она.

„Кто это?“ — спросила я,

„Если я не ошибаюсь, Бегума Саиб, это мать Карима“.

Конечно она ошиблась! Мать Карима не пришла бы сюда!

Я спускалась по ступенькам, думая о том, кто бы это мог быть. Но стоило мне войти в кабинет, как я сразу поняла, что это была она — мать моего умершего кузена. Услышав мои шаги, она обернулась, пошла мне навстречу и обняла меня.

„Билкис, — сказала она, и из глаз ее полились слезы, — я пришла к тебе, потому что хочу кое-что сказать. Сначала на похоронах я не заметила тебя среди людей. Но я хочу тебе сказать, что ты была для меня огромным утешением. Это... я не знаю... что-то необычное. Что-то теплое и особенное“.

Наконец, я поняла, почему мне не было позволено говорить об Иисусе с матерью Карима сразу после ее утраты. Это значило бы воспользоваться ее положением. Теперь, однако, ситуация была совсем другой. Осторожно и мягко я говорила ей в кабинете о том, что Иисус значит для меня и как Он постепенно и неуклонно изменял многое в моей жизни, давая взамен тепло Своей личности.

„Это правда, — сказала мать Карима. — Ты действительно заботилась обо мне. Ты действительно хотела разделить со мной наше горе“.

Это был короткий, но замечательный визит. Он укрепил меня по двум причинам: во-первых, другой человек заметил во мне перемены, во-вторых, я надеялась, что это начало прорыва семейного бойкота.

Однако все произошло не так скоро. Каждый раз, когда звонил телефон, это был кто-то из моих миссионерских друзей. И вот как-то утром, как раз накануне шестого дня рождения Махмуда, зазвонил телефон, и я подумала, что это звонит Мэри. Вместо этого я услышала любезный голос матери второго умершего кузена.

„Билкис?“

„Да“.

„Билкис, я просто хотела поблагодарить тебя за помощь моей невестке. Она сказала мне, что твои слова коснулись ее сердца“.

Как интересно. Ведь я сказала всего несколько слов. На самом деле Иса утешал ее.

Мы обменялись несколькими приятными словами и повесили трубки.

И снова я не могла не удивляться тому, как Иса свершил Свою работу через меня, когда я говорила немного или вообще не говорила о Нем прямо. Само мое присутствие, предоставление Его Духа в нужное время было самым лучшим помощником.

Вскоре несколько членов семьи нанесли мне краткие визиты. Они заезжали проведать Махмуда в день его рождения, привозили ему угощения и игрушки. Внешне причиной их визита было желание

увидеть мальчика. Я знала, что это было хорошим предлогом. На самом деле они приходили, чтобы хоть как-то смягчить боль, которую вызывал бойкот. Эти визиты были всегда натянутыми и краткими. Но они были яркими, они были подобны пролому в ужасной стене, которая выросла вокруг меня.

Прошел почти целый год с тех пор, как я приняла решение откликнуться на призыв Исы. Как быстро летело время! Вскоре я буду праздновать свой следующий день рождения. Целый год прошел с тех пор, как я отдала себя в руки Господа. И теперь я мысленно возвращалась к моему первому Рождеству. Я, конечно, видела, как празднуют Рождество, Когда бывала в Европе. Но раньше я не знала, что значит праздновать Рождество сердцем. Я взяла у Митчеллов ясли. Когда они пришли ко мне и привезли все необходимое для рождественской сцены, они также поставили маленькую елку, и мы пели песню о рождественской елке. Махмуд был в восторге. Слуги поставили елку в кабинете, и мы все украсили ее бумажными лентами.

Однако что-то было не так.

Хотя я наслаждалась этими праздничными приготовлениями, в них все-таки не было истинного смысла. Я стала размышлять о том, возможно ли отпраздновать Рождество так, чтобы выразить перемену, которая произошла в моей жизни.

И тут у меня появилась идея. Почему бы не устроить праздничный вечер для всех — миссионеров, людей из деревни, даже уборщиков? Тут же я услышала внутреннее предупреждение со стороны семьи о том, что мне не следует выставлять напоказ свою веру, я также услышала голос генерала, предупреждавшего меня, что он больше не сможет официально защищать меня, если я попаду в беду. Я знала, что такой рождественский вечер поставит под угрозу многое. И все же после долгих молитв мне показалось, что Присутствие Бога рядом со мной ощущалось еще сильнее с тех пор, как я начала составлять планы такого необычного собрания.

И я действительно сделала это, я устроила для себя праздник в канун Рождества, который вызвал столько шума в городе. Гости из деревни приехали рано, собрались около елки в кабинете, потом приехали миссионеры. Синов начала петь, и тут, к моему глубокому изумлению, одна из служанок доложила, что тетя и несколько кузин из Равалпинди приехали, чтобы повидаться со мной!

У меня чуть не остановилось сердце — как они отреагируют на все это! Мне не надо было беспокоиться — они отреагировали типичным способом представителей высшего класса. Сначала у них буквально отвисли челюсти, потом они тихо вышли и направились в другую комнату, где сидели в одиночестве и напряженном молчании.

Я не хотела обделить вниманием ни одну из групп, поэтому весь вечер ходила из комнаты в комнату. Это было похоже на контрастный душ — из-под горячего душа в холодную воду.

Наконец, возможно, из-за моей настойчивости, несколько членов моей семьи стали расслабляться. Некоторые даже прошли в кабинет и присоединились к празднику. К концу вечера они уже беседовали с Олдами. Митчеллами, разве что только уборщиков старались не замечать.

Этот вечер провозгласил, как я надеялась, начало нового года. Это не значит, что он будет легче, скорее, просто он будет другим. Передо мной открывалось множество перекрестков, и я легко могла попасть в беду, сделав неправильный поворот.

Вместе с потеплевшими ко мне родственниками и друзьями, которые теперь возвращались ко мне, у меня появились гости и другого сорта. Это были люди, старавшиеся вернуть меня к мусульманской вере. У меня было чувство, что в этом были заинтересованы и наблюдатели, стремившиеся увидеть мою реакцию на такие попытки вернуть меня домой. Стоит ли мне хранить торжественное молчание или будет полезно высказать то, что у меня на уме?

Ответ пришел ко мне опять-таки через ощущение Его Присутствия. Как только я пыталась сдерживаться, я сразу же чувствовала себя неуютно и одиноко. Но стоило мне начать отвечать на сложные вопросы с миром и с любовью, как я начинала ощущать, что Сам Господь был рядом со мной.

Как-то раз, например, в дверь ко мне осторожно постучали. Я удивилась, потому что было два часа дня.

„Да?“ Дверь открылась. Это была Райшам. „Бегума Саиб, к вам гости“.

В ее мягком голосе слышалась неуверенность. Я сказала Райшам, что не хочу, чтобы меня беспокоили между двенадцатью и тремя часами пополудни. Однако это не было приказом. Год назад я бы резко велела Райшам не беспокоить меня ни под каким предлогом. Теперь я объяснила ей, что я

больше не считаю время своей собственностью, потому что оно принадлежит Богу. Если появится какое-то важное дело, конечно, она может войти ко мне в комнату независимо от того, сколько времени. „Бегума Саиб, этот человек — англичанин". В ее темных тазах я увидела искорку веселья. „Он говорит, что хочет оговорить о Боге". „Хорошо, — сказала я удивленно. — Я сейчас спущусь".

В кабинете меня дождался бледный англичанин с волосами песочного цвета. Я с интересом отметила, что он носил типичную пакистанскую одежду, белую рубашку и свободные брюки. Со своим бледным лицом и белыми одеждой он почти сливался с белыми стенами кабинета. Извинившись за неожиданный визит, он перешел к делу.

Он сказал, что приехал сюда из Карачи, чтобы увидеть меня; поскольку он обратился из христианства в ислам, члены моей семьи решили, что у нас могут быть общие интересы. „Ах, — сказала я про себя, — теперь понятно. Зная, как сильно мне нравятся англичане, они решили, что на меня произведет впечатление англичанин, оставивший христианство ради ислама".

Мой гость откашлялся и перешел к цели своего визита.

„Бегума, — сказал он, — когда я слышу о мусульманах, обратившихся в христианство, меня тревожит только одно — это Писание. Мы все знаем, что христианский Новый Завет отличается от того, что было дано Богом".

Он высказал основную точку зрения ислама, направленную против Слова Бога и утверждающую, что оно было настолько изменено, что сегодняшнему его варианту не стоит доверять. Оригинал, по утверждению мусульман, совпадает с Кораном.

„Я надеюсь, Вы не сочтете меня любопытной, — сказала я. — но я действительно хочу у Вас кое-что спросить. Я часто слышала, что Слово Бога было изменено, но мне так и не удалось узнать, кто изменил его. Когда были сделаны эти изменения и какие отрывки были изменены?"

Мой гость откинулся назад и устремил взор в потолок, его пальцы впились в подлокотники кресла. Он не ответил. Я думаю, что с моей стороны было нечестно задавать такие вопросы. Насколько я знаю, на них нет ответа.

„Видите ли, — продолжала я, настаивая на своем вопросе, — в Британском музее хранятся древние тексты Писания, которые были созданы приблизительно за триста лет до рождения Мухаммеда. Совершенно очевидно, что эти древние рукописи полностью совпадают с современным Слово Бога. Ученые утверждают, что по всем основным вопросам современное Слово Бога не отличается от оригинала. Для меня, например, это очень важно, потому что Слово Бога стало мне Живым Словом, Это Слово говорит с моей душой и питает меня. Оно направляет меня..."

Мой гость поднялся, не дослушав меня до конца.

„...и поэтому, — продолжала я, — для меня очень важно узнать, в каких отрывках я обманулась. Вы можете мне сказать?"

„Вы говорите о Слове так, как будто оно живое", — сказал мой посетитель.

„Я верю, что Иса жив, если Вы это имеете в виду, — сказала я. — В самом Коране сказано, что Иса был Словом Божьим. Я бы с удовольствием обсудила это с Вами в другой раз".

„Мне пора идти".

Вот и все. Я проводила своего посетителя до двери и пригласила на следующую встречу. Он не вернулся, зато приходили другие, многие из них рассчитывали на битву, но при этом не имели ни малейшего понятия о том, о чем говорили! Я никогда не забуду человека, который обвинял христиан в поклонении трем различным Богам.

„Ваша так называемая Троица состоит из Бога, Марии и Иисуса! — сказал он. — Вы, верующие, утверждаете, что Бог взял себе в жены Марию и от их союза родился Иисус. Но у Аллаха не может быть жены!" — рассмеялся он.

Я быстро помолилась и тут одна мысль осенила меня.

„А вы читали Коран?" — спросила я.

„Конечно".

„Ну тогда вы помните, что в Коране сказано о том, что Исе был дарован Дух Божий?" Я часто удивлялась, как в Коране могут быть, такие замечательные истины, как эта. Вы, возможно, слышали о Садху Сундаре Сингхе, ревностном сикхе, которому Иса явился в видении. Вот как Иса объяснил ему Троицу: „Точно так же, как солнце — это тепло и свет, но свет, это не тепло, и тепло — это не свет, хотя они одно и то же, несмотря на то, что проявляются они в разных формах, так Я и Святой

Дух происходит от Отца и приносим свет и тепло в мир... И все же нас не трое, мы одно, точно так же, как и солнце одно".

В комнате повисла тишина, когда я закончила. Мой гость глубоко задумался. В конце концов он встал, поблагодарил меня за то, что я нашла время, и молча покинул мой дом.

Когда я наблюдала за его поникшей фигурой на подъездной дороге, я подумала о том, использовал ли Господь визиты таких людей, как тот англичанин и этот зилот.

Этого я не знаю, потому что никогда больше не слышала ни о том, ни о другом. Это и не важно. Может быть, мне вообще не стоило думать о результатах. Все, что для меня было важно, — это послушание. Если Господь просил меня говорить с этими людьми, то, значит, именно так я и должна была поступить.

Зима перешла в весну, и Господь, казалось, дал мне другие пути говорить с людьми. Я отправилась в Лахор и — после хорошего, но странно некоммуникативного визита к сыну Халиду — я купила сотню Библий, чтобы раздавать их всем, кто заинтересуется. Я также купила множество Писаний статей. Я раздавала их при малейшей возможности, даже оставляла их в общественных комнатах для отдыха. Я не уверена, что все они сделали свое дело. Как-то раз, вернувшись в комнату для отдыха, я увидела, что пачка, которую я оставила, заметно поредела, но тут я заглянула в корзину для мусора. Там лежали статьи, которые я оставила, смятые и разорванные.

„Кажется, что все это бессмысленно, Господь, — сказала я. — Неужели я делаю то, что Ты хочешь? Почему мне никогда не удавалось увидеть результат моих бесед о Тебе? Я говорила с англичанином, обратившимся в ислам, с генералом, да и все эти слуги, которые убежали от меня, сотни раз я говорила с членами моей семьи и друзьями — и ни разу мне не удалось увидеть плодов такой беседы. Это так странно, Господь! Я просто не понимаю, почему Ты не используешь меня".

Когда я молилась, ощущение Присутствия Исы в комнате стало еще сильнее. Казалось, что Он наполнил атмосферу силой и утешением. Я услышала в глубине сердца слова: „Билкис, Я хочу задать тебе только один вопрос. Подумай о тех случаях, когда ты говорила с друзьями и членами семьи. Вспомни те случаи, когда ты принимала у себя тех, кто приходил к тебе спорить. Чувствовала ли ты Мое Присутствие в те посещения?"

„Да, Господь. Я чувствовала".

„А слава Моя была там?"

„Да, Господь".

„Значит, это все, что тебе нужно. Часто именно так и бывает с друзьями и семьей. Результаты — это не твоя проблема. Тебе нужно думать только о послушании. Ищи Моего Присутствия, а не результатов".

Я продолжала свое дело. Странно, но оно стало для меня очень интересным и вдохновляющим. Как только Господь оторвал мое внимание от результатов и обратил его на Свое Присутствие, -я могла радоваться общению с друзьями, родственниками, не чувствуя при этом разочарования или отчаяния. Я научилась пользоваться возможностями. Как только заходил разговор о политике или одежде, я просила Бога направить вопрос так, чтобы я могла начать. Например, как-то раз я говорила с племянницей, и разговор коснулся моего бывшего мужа, который теперь был послом Пакистана в Японии.

„А что, если бы Халид зашел к тебе?" — спросила она с улыбкой, подняв бровь.

Я прямо взглянула на нее. „Я поприветствовала бы его, и я дала бы ему чай". Моя племянница смотрела на меня с удивлением. „Я простила его и надеюсь, что и он простил меня за все те случаи, когда я обижала его".

„Как можно прощать так!" Моя племянница знала, насколько тяжело я перенесла наш разрыв. Я объяснила ей, что не смогла бы его простить своими силами. Я просила Иисуса помочь мне. „И ты знаешь, — сказала я, — Иисус всех нас позвал к Себе, чтобы мы пришли к Нему с нашими тяготами. И Иисус освободил меня от ненависти, которая тяжким бременем лежала на мне".

Моя племянница с минуту подумала. „Ну, — сказала она, — значит, это христианство, о котором я не слышала. Если ты и дальше станешь рассуждать так, то я буду одной из первых, кто придет и будет слушать твои слова об Иисусе".

Даже здесь я была разочарована. У меня были большие надежды. Я верила, что моя племянница на самом деле вернется к этой теме, но этого не произошло.

Бывали случаи, когда слава оставляла меня. Это всегда происходило одинаково. Я попадалась в ловушку Сатаны, который убеждал меня, что я рассуждаю очень хорошо! Мои аргументы действительно глубоки!

Как-то раз, например, один друг спросил меня: „Почему вы считаете себя исключительными? Вам придется признать, что все мы поклоняемся одному Богу — и христиане, и мусульмане, и индуисты, и буддисты, и иудеи. Мы можем называть Его разными именами, подходить к Нему разными путями, но, в конце концов, мы придем к тому же самому Богу”.

„Вы хотите сказать, что Он подобен вершине горы, к которой ведет множество троп?”.

Он поставил чашку чая и кивнул мне. И тут я перешла в наступление.

„Ну что же, — сказала я, — пусть Он — вершина горы, но путь к Нему только один — Иса. Господь сказал: „Я есть путь, истина и жизнь”. Он не сказал: „Я один из путей”, — добавила я резко.

Мой друг снова поставил чашку, улыбнулся и кивнул головой. „Билкис, тебе кто-нибудь говорил, что у тебя по-прежнему вспыльчивый характер?”

И тут же я поняла, что человек, сидящий напротив меня, говорил от Бога. Мои аргументы были правильными. Они были основаны на Слове Бога и отличались глубиной. Но Дух оставил меня. *Билкис* была права, *Билкис* утверждала истину. Я быстро помолилась, покаявшись перед Господом, и попросила, чтобы Он вел беседу за меня.

„Извини, — рассмеялась я, — если я вспыхну в беседе, будучи верующей, то я поступаю не так, как этого хотел бы Иса. Чем больше я узнаю о Нем, тем больше мне нужно исправляться. Господь многому может научить меня, и я знаю, что сейчас Он говорил со мной через тебя”.

Мой гость ушел, может быть, приблизившись к Богу, а может быть, и нет. Сомневаюсь, что когда-нибудь узнаю об этом. Но я знаю одно, что шаг за шагом я училась порой горьким урокам послушания.

А потом как-то ночью я снова пережила тот ужас, который мне уже доводилось пережить сразу после того, как я стала Верующей. Я была в своей комнате и готовилась ко сну, когда неожиданно почувствовала мощное присутствие зла у окна спальни. Тут же мысленно я обратилась к своему Защитнику и получила предупреждение не подходить к окну. Я опустила на колени и стала молиться, прося Господа укрыть меня, как наседка укрывает своих птенцов, и почувствовала на себе Его защиту. Когда я поднялась, присутствие зла у окна исчезло.

На следующее утро я поехала к Митчеллам. Солнце ярко освещало их улицу, но я все еще внутренне дрожала. И все же я вошла к ним, сомневаясь, стоит ли мне рассказать им о том, что произошло со мной, и поймут ли они.

В дверях Синов обняла меня, затем отступила, и ее голубые глаза вопросительно уставились на меня.

„Что случилось, Билкис?” — спросила она.

„Ну, — начала я, — почему страшные события происходят с человеком после того, как он становится верующим?”

Она ввела меня в гостиную, и мы сели.

„Я не совсем понимаю, что Вы имеете в виду, — сказала она с удивлением. — Кто-нибудь угрожал Вам?”.

„Не кто-то, — ответила я, — а что-то”.

„Да? — сказала она, поднялась и взяла Слово Бога. — Вот в Послании к ефесянам в 6 главе говорится о таких вещах. — Она прочитала: „Потому что наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных”.

Она посмотрела на меня.

„Да, это действительно об этом”, — сказала я и поведала ей о том, что произошло со мной прошлой ночью.

Она задумчиво выслушала меня, а затем сказала: „А почему бы Вам не поговорить об этом с Олдами?”.

Я нервно рассмеялась и сказала: „Не знаю, захочется ли мне даже говорить об этом еще раз”.

Именно так я и чувствовала себя в начале нашего собрания с Олдами в тот вечер. Я решила не заводить об этом разговор. Я думала, что просто выставлю себя в глупом свете. Может быть, это просто игра моего воображения.

Однако, когда я сидела с Мэри Олд на диване рядом с камином, я не могла удержаться и не заговорить об этом. Я пыталась делать вид, что у меня легко на сердце.

„Со мной вчера произошло нечто очень странное, Мэри, — сказала я. — Пожалуй, я раньше не переживала такого ужаса и не могу объяснить этого“.

Ее муж Кен в своей обычной свободной манере сидел около окна и читал книгу.

Услышав мои слова, он положил книгу, посмотрел на нас и, почувствовав мое нежелание говорить об этом, мягко постарался помочь мне объяснить весь эпизод.

Когда я закончила, то попыталась рассмеяться. „А потом, — сказала я с легкостью, — может быть, я съела слишком много перца за ужином“.

„Не надо унижать то, через что Господь проводит Вас, — сказал он тихо. — Сверхъестественные события действительно происходят“. Он обошел вокруг дивана и сел на стул лицом к нам. Его лицо было серьезным.

Он объяснил сверхъестественное присутствие зла и то, как Бог может позволить человеку пройти через такое испытание. В качестве примера Кен показал мне в Ветхом Завете, как Бог позволил Сатане напасть на Иова и как Он позволил лукавому искушать Ису в пустыне. „Оба этих случая были испытаниями. В каждом случае, — добавил он, — Сатана видел, что его жертвы одерживали победу, потому что доказывали свою веру в Бога“. Я не могла не вспомнить о том, что произошло со мной накануне крещения.

Постепенно учеба продолжалась. Но кое-чего я не знала, слушая учение Кена. Господь уже тогда начал оставлять меня одну, однако не в одиночестве, все больше и больше я оказывалась отрезанной от семьи и от корней, которые так много значили для меня в городке Вах, и все же у меня появлялись все более и более глубокие корни в новом „городе“. Именно благодаря таким испытаниям моего терпения Он ставил меня раз за разом в такие ситуации, где мне приходилось полностью полагаться на Него.

Глава 11

Ветры перемен

Процесс „отлучения“ начался как-то раз, в воскресенье спустя несколько недель во время одного из наших обычных молитвенных собраний. Мне показалось, что и Олды и Митчеллы были особенно серьезны в тот вечер.

„Что случилось?“ — спросила я, входя в гостиную Олдов. Кен откинул голову и посмотрел в потолок.

„Мы с Мэри уезжаем в отпуск“, — резко сказал он.

Первой моей реакцией была паника при мысли о том, что меня покидают. Что я буду делать без Олдов? Конечно, у меня оставались Митчеллы, но я была связана с обеими семьями, они обе поддерживали меня. Митчеллы впервые познакомили меня с церковью, Олды с самого начала были мне очень близки. А может быть, это только начало? Неужели вскоре я потеряю обе семьи?

Похоже, что Мэри прочла мои мысли. Она подошла ко мне и взяла меня за руку. Ее глаза наполнились слезами, когда она заговорила.

„Моя дорогая, — сказала она, — ты должна понять, что так будет всегда. Те, кого мы любим, всегда будут оставлять нас. Только Иса остается с тобой навсегда“.

Кен подошел к нам и встал рядом со мной

„И еще кое-что, Билкис, — сказал Кен. — Ты можешь быть уверена, что Господь никогда не выведет тебя из опасной ситуации, если у Него нет на то цели. И поэтому ты можешь радоваться даже сейчас, несмотря на все твои переживания“.

До разлуки оставалось всего лишь две недели, и я могла все это время быть с Олдами и Митчеллами. День отъезда приближался, и мне становилось все грустнее. Все пытались заполнить верой вакуум, который образуется после отъезда Кена и Мэри, но это была лишь игра, а не реальность.

Это был очень печальный день, когда Митчеллы, я и другие собрались в нашей маленькой группе берущих в доме Олдов на прощальное собрание. Мы старались изо всех сил сделать это собрание

праздником, но у каждого на сердце было тяжело. Мы пытались сделать вид, что мы не „отпускаем“ их, а посылаем.

Это была бравада. Но глядя, как тяжело нагруженный автомобиль Олдов выезжает на главную дорогу, мы чувствовали, что жизнь никогда больше не будет такой насыщенной.

Возвращаясь домой в тот день, я ощущала одиночество, мне казалось, что я осталась совсем одна во враждебном обществе. Как глупо. В конце концов, ведь в Вахе остались Митчеллы!

Процесс „отлучения“ принял новую неожиданную форму, когда как-то раз утром, спустя несколько месяцев после отъезда Олдов, мне позвонил доктор Дениел Бэкш. Он сказал, что он и доктор Стенли Мунихэм, представляющий группу под названием „Всемирное видение“, располагающуюся в Калифорнии, США, навещают меня. Я никогда не слышала об этой организации, но двери мои были открыты для каждого, даже для тех, кто просто из любопытства хотел посмотреть, как выглядит мусульманка, обращенная в христианство.

Они приехали через несколько дней. Когда мы закончили обед, доктор Мунихэм стал говорить, и я сразу поняла, что он приехал сюда не из любопытства. Его интересовало мое обращение, но я почувствовала, что он точно с таким же интересом расспрашивал бы меня об обращении моего садовника. Отхлебнув чай, он перешел к делу.

„Вы не могли бы поехать в Сингапур, мадам Шейх,“ — спросил доктор Мунихэм, — чтобы свидетельствовать о Господе?”

„В Сингапур?”

„Билли Грэм устраивает там большую конференцию под названием „Иса ищет Азию“. Это конференция для азиатских христиан всех национальностей — индонезийцев, японцев, индусов, корейцев, китайцев и пакистанцев. Ваше свидетельство очень вдохновит нас”.

Эта идея показалась мне хорошей, но у меня было достаточно дел здесь в Вахе, чтобы просто так отправиться в другую часть света.

„Ну что ж, — сказала я, — я помолюсь об этом”.

„Пожалуйста! — сказал доктор Мунихэм и вскоре распрощался со мной.

Долгое время после ухода доктора Мунихэма я сидела на веранде, размышляя, как я и обещала ему, о приглашении.

Одна часть меня утверждала, что я должна воспользоваться такой возможностью. Другая же заверяла, что мне не стоит даже думать об этом. И тогда у меня появилась идея.

Мой паспорт. Конечно. Срок его действия подходил к концу, его возобновят, если я отправлюсь в Сингапур. В то время в Пакистане было очень много сложностей с паспортами. Ситуация была невозможной. Некоторые люди посылали свои паспорта на продление или замену и никогда больше не получали их назад.

Почему бы не отнести к этой ситуации как к голосу Господа? Если Он хочет, чтобы я поехала, Он позаботится о моем паспорте.

В тот же день я заполнила все необходимые анкеты и отправила паспорт по месту назначения. Опустив его в почтовый ящик, я немного засомневалась, подумав, что это может означать мой ответ на поездку в Сингапур.

Через неделю я получила по почте официальный конверт.

Я улыбнулась: „Что ж, это первый шаг к получению нового паспорта, будут приходить другие анкеты, и все это растянется на несколько месяцев”.

Я открыла конверт. Там лежал продленный паспорт со всеми официальными печатями.

И вот через несколько месяцев я попрощалась с шестилетним Махмудом и отправилась в Лахор. Там я пробыла немного с сыном Халидом, а затем двинулась в Карачи, где мне предстояло сесть на самолет и лететь в Сингапур. Хотя наступил 1968 год и с моей встречи с Господом прошло полтора года, Халид вел себя так же, как и вся моя семья, проявляя мало интереса к моим исканиям. Я думаю, что он считал меня очень странной, раз в 48 лет я отважилась на такую поездку. Но ему следовало уважать меня как мать, поэтому наша встреча прошла к обоюдному удовольствию.

Позже, садясь в самолет в Карачи и размышляя о поездке, которая мне предстояла, я подумала, что Халид был прав. Что, в конце концов, я собиралась делать в этом самолете на пути в Сингапур? На борту было много верующих, и я думаю, что мне не понравилось то, что я увидела. Я содрогалась от их несдержанности. Они пели евангельские песни, перекрикивались через проходы, иногда поднимая руки и восклицая „Слава Господу!”. Я чувствовала себя неловко. Это была какая-то искусственная

радость, похожая на вынужденное веселье, которое я часто наблюдала на улицах Лондона. Я поймала себя на том, что если бы путешествие в верующих кругах означало именно это, меня бы оно не интересовало.

Еще ухудшило положение то, что я почувствовала, что эта поездка имела какое-то личное значение для меня, помимо визита в Сингапур. Все было так, как будто бы она несла в себе пророчество, предсказание того образа жизни, к которому я буду призвана.

„О нет, Господь, — сказала я про себя. — Наверное, Ты просто шутишь со мной!" Пророчество в каком смысле? В том, что я буду проводить много времени среди экстравертов, путешествующих на самолетах? Дома в Вах я чувствовала себя уверенно в роли верующей, но это была провинциальная деревня. Там, по крайней мере, я контролировала ситуацию, вера была для меня очень личной радостью, которой я делилась так, как считала нужным. Конечно же, мне не нравилась идея выставить себя перед сотнями, а может быть, тысячами незнакомых людей.

Когда самолет взлетел, я стала смотреть в окно, наблюдая, как Пакистан подо мной скрывался в тумане. Хотя я знала, что через несколько дней вернусь, что-то тревожило меня, мне казалось, что я стою перед началом чего-то важного. Хотя я вернусь домой в физическом смысле, в каком-то другом смысле я никогда не вернусь обратно. Эта группа берущих в самолете стала моим домом теперь.

Что я, в конце концов, имела в виду? Сама мысль об этом пугала меня.

Из аэропорта Сингапура мы сразу направились в конференц-зал, где уже началось собрание.

Неожиданно, к своему удивлению, я почувствовала, что мое отношение к этой группе верующих меняется.

Там собрались тысячи людей, я никогда еще не видела такого собрания людей в одном месте. Когда я входила в зал, все пели „Как Ты велик". Я ощутила знакомое Присутствие Божьего Духа, и еще никогда оно не было таким волнующим. Почти сразу же мне захотелось плакать, не от печали, но от радости. Раньше мне не доводилось видеть такого количества людей, славящих Господа. Мне было трудно постичь увиденное. Так много людей из стольких стран! Разные расы, разные одежды! Казалось, что ряды верующих, прославляющих Бога, никогда не кончатся.

Но это же совсем другое дело! Нет ничего общего с группой людей, которых я видела в самолете. И тогда я поняла, что испытывала в самолете. Неожиданно все стало предельно ясным. Люди в самолете стеснялись, нервничали, может быть, даже боялись. Боялись новизны, боялись полета. Они пытались взбодрить себя и не пребывали в духе, несмотря на то, что они говорили. Они были в духе не больше, чем я, когда я отчитывала слуг или проявляла гнев в разговоре с дядей, который пытался вернуть меня к исламу. Проблема заключалась в языке, которым они пользовались. Христианский язык обманул меня. Я должна была почувствовать под всей этой христианской терминологией простые человеческие переживания.

Но в этом конференц-зале все было совсем по-другому. Социальные различия остались позади. Началось поклонение. Если пророчество, которое я почувствовала, означало пребывание на таком собрании, то это я могу понять и принять.

И все же кое-что беспокоило меня. Неужели я должна была предстать перед этими тысячами людей и говорить? Одно дело говорить о своих переживаниях с людьми, с которыми я лично знакома, в родном городе. Но здесь? Перед всеми этими людьми из стольких разных стран и континентов? Я не чувствовала себя уверенной.

Я поспешила назад в отель, чтобы немного успокоиться. Я смотрела в окно на Сингапур. Как сильно он отличался от Лондона и Парижа! Люди толкались на улицах, уличные торговцы зазывали людей, и без конца сигналили машины. Присутствие людей отпугивало меня здесь точно так же, как и в конференц-зале. Я вздрогнула, задернула занавески и перешла в другой угол комнаты, села там и постаралась успокоиться.

„О, Господь, — плакала я, — где же твой Дух утешения?"

И тут же я вспомнила детское переживание, связанное с походом на рынок вместе с отцом в родном городе Вах. Отец предупредил меня, что я должна быть рядом, но мне все время хотелось убежать. И в какой-то миг я это сделала. Цветочная лавка привлекла мое внимание, и я побежала к ней, но вдруг поняла, что отца рядом нет. Меня наполнила паника, и я расплакалась: „Папа, пожалуйста, найди меня, я никогда больше не буду убежать!" Едва успев договорить, я увидела его высокую фигуру, он торопливо шел ко мне, прокладывая себе дорогу сквозь толпу. Я снова была с ним! Тогда мне хотелось просто быть рядом.

Сидя в гостиничном номере, я поняла, что еще раз отошла от Небесного Отца. Позволив себе тревожиться, я убежала из Его утешительного Присутствия. Когда же я пойму, что нельзя одновременно беспокоиться И доверять Богу! Я расслабилась и снова почувствовала в душе мир. „Спасибо, Отче, — сказала я, плача с облегчением. — Пожалуйста, прости меня за то, что я отошла от Тебя. Ты здесь. Ты был в том зале. Со мной все будет в порядке“.

Через несколько минут в фойе отеля меня кто-то взял под руку и я услышала знакомый голос. Я обернулась и увидела доктора Мунихэма.

„Мадам Шейх, я так рад, что Вы здесь!“ — казалось, что доктор Мунихэм счастлив видеть меня. „Вы хотите выступить?“ Мне показалось, что он читает мои мысли.

„Не беспокойтесь за меня, — сказала я с улыбкой. — Со мной все будет в порядке. Господь здесь“.

Доктор Мунихэм стоял, изучая мое лицо и как будто размышляя о том, как понять мои слова. В конце концов, я тоже говорила на христианском языке, возможно, этим я сбила его с толку точно так же, как была сама сбита с толку в самолете. Глаза доктора Мунихэма будто читали в моей душе. Потом мне показалось, что на его лице промелькнуло удовлетворение.

„Хорошо, — сказал он резко, — Вы будете выступать завтра утром. — Он посмотрел на часы. — За Вас многие будут молиться“.

Доктор Мунихэм понял меня правильно. Чувство уверенности не покидало меня и на следующее утро, когда я действительно предстала перед тысячами людей, собравшимися в аудитории, и стала говорить о том, как Господь нашел меня таким странным образом. Говорить было совсем не трудно. Он был со мной, когда я говорила, подбадривая и утешая меня, уверяя меня в том, что Он говорит, а не я. Когда люди окружили меня после моего выступления, я почувствовала, что сделала первый шаг в новом служении для Господа.

Господь также устроил для меня встречу с человеком, который впоследствии стал играть очень важную роль в моей жизни, хотя в то время я об этом не знала. Меня представили доктору Кристи Уилсону, человеку, светившемуся добротой. Он был пастором церкви в Кабуле в Афганистане. Мы увидели деяние Духа, когда обсуждали его работу.

Затем, когда собрание закончилось, я вернулась в Вах. И снова я чувствовала, что поездка имела пророческий характер, как будто Бог просил меня отправиться с Ним в Сингапур, чтобы я могла больше узнать о том служении, которое Он собирался поручить мне.

„Ну что ж, — сказала я себе, — в конце концов, моя штаб-квартира в Вах, возможно, я не буду слишком возражать против того, чтобы выезжать иногда куда-нибудь из уютного безопасного древнего дома моих предков“.

Но когда машина свернула с главной дороги к нашему дому, скрывавшемуся за деревьями, я не знала, что процесс „отлучения“ еще больше пошатнет мою уверенность.

Глава 12 **Время сеять**

Следующий шаг в моем отлучении был связан с печальной новостью о том, что Митчеллы уезжают в отпуск. Какое-то время они не вернутся в Пакистан.

Прошел уже целый год после Сингапура. Я сидела в гостиной Митчеллов в нашей небольшой группе верующих, живущих в этом районе. Это был печальный день, последнее собрание перед тем, как Дэвид и Синов уедут. Я не могла не вспомнить тот первый раз, когда пришла в дом с низкой верандой, не могла не вспомнить свои сомнения и искания. Столько всего произошло с тех пор! Я взглянула на двух людей, которые были так близки мне в моем пути к Исе: высокий Дэвид с седеющими волосами и пылкая Синов, которая молилась за меня с таким постоянством.

„Я буду очень скучать без вас, вы об этом знаете, — сказала я, когда все мы стояли на небольшом газоне напротив дома Митчеллов. — Как мне быть без вашего общения?“

„Может быть, Господь учит Вас обходиться без этого, — сказала Синов. — Он всегда изменяет нас, Билкис, и Вы знаете об этом. Он изменяет нас до тех пор, пока у нас не останется ничего, кроме Него“.

Это звучало хорошо, но я не очень хотела меняться и сказала об этом Синов. Она рассмеялась. „Конечно, Вы не хотите, дорогая Билкис. Никому из нас не хотелось бы покидать тепло и безопасность материнской утробы! Но впереди ждут приключения!“.

Синов села в их старую машину и закрыла дверь. Еще одно объятие через окно, и машина Митчеллов покатила по пыльной дороге все дальше и дальше от забытых белых домов, которые когда-то во время войны были квартирами офицеров.

Их машина исчезла за углом. Действительно, приключение! Вот я и осталась — одинокая верующая в мусульманском городке. Смогу ли я пройти этот путь одна?

Прошло несколько недель, и в это время, честно говоря, мне было трудно увидеть приключения, которые обещала Синов, или понять направление и цель, о которых говорил мне Кен Олд перед тем, как они с Мэри уехали. Казалось, это было уже так давно. Воскресные вечерние собрания верующих продолжались, сначала, в одном доме, потом в другом. Пятеро из нас, оставшихся в городе, проводили эти собрания по очереди у себя дома, но без руководства Олдов и Митчеллов все казалось не таким, как раньше.

Как-то раз после скучного собрания меня посетила идея. Может быть, мы совершаем ошибку, пытаюсь делать все точно так же, как делали Митчеллы и Олды? Наша маленькая группа, конечно же, атрофируется, если мы не введем что-то новое. Что будет... я почувствовала, как мой пульс участился при одной мысли об этом, — что будет, если мы попросим новых людей присоединиться к нашему общению? Тех, у кого нет определенной профессии, не докторов, не инженеров, не миссионеров? А что, если мы пригласим верующих и неверующих, уборщиков, представителей низших классов присоединиться к нашему общению. Может быть, такие собрания можно проводить в моем доме, поскольку он большой и удобный. Когда я предложила эту идею нашей общине, сначала все яростно сопротивлялись, а потом скептически согласились. Мы решили попробовать. С помощью прямых приглашений и косвенными путями я передала весть о том, что встречи верующих будут проводиться в моем доме вечером по воскресеньям.

Я удивилась тому, сколько людей откликнулось. Многие приехали из Равалгашди, куда тоже дошла весть о наших встречах. И, как я надеялась, не все из них были верующими. Многие просто хотели больше узнать о христианском Боге. Те, которые входили в первоначальную группу, стали руководителями, мы пели и молились и пытались сделать все возможное, чтобы возглавить индивидуальные группы горничных, слуг, рабочих и школьных учителей, а также бизнесменов, которые приходили в мой дом.

Вскоре наши воскресные собрания значительно оживились. Ответственность на нас лежала огромная. Я и те, кто руководил этой маленькой группой, часами простаивали на коленях, часами обращались к Господу и Слову, пытаюсь убедиться в том, что мы совсем не отклонились от направления, которое Он указал нам. И вот неожиданно „безрезультатный“ период, который я так долго переживала, изменился. Я смогла увидеть настоящее обращение — первой к Господу пришла молодая вдова. Она поведала нам о своих страданиях и одиночестве, а затем попросила Господа войти в ее жизнь. Я с изумлением наблюдала заasperождением ее личностшиз печального беззащитного существа 8 дитя Божие, исполненное надежды. Вскоре механик из соседнего гаража вошел в Царство Божье, затем клерк, потом уборщик.

Все это произошло в моем доме. Я чувствовала, что это великая честь для меня, хотя при этом я ждала, когда же кто-то из членов моей семьи напомнит мне о том, что : подрываю нашу репутацию. Но никто не жаловался. Пока, во всяком случае. Создавалось впечатление, что семья просто не хочет и не может принять то, что происходило. Как-то раз я споткнулась на ступеньке террасы и упала, немного повредив ногу. Никто из семьи не пришел, вместо этого они звонили. Но по крайней мере, они звонили!

Если оппозиция моей постепенно активизирующейся жизни верующей со стороны семьи ослабела, она крепко держалась внутри меня самой. Я все еще была очень замкнутым человеком, ревностно охраняющим то, что мне принадлежит.

Через газон от моего дома проходила дорога в уасти, где жили слуги. У дороги росло дерево, на котором созрели красные плоды, похожие на вишню. В то лето, когда уехали Митчеллы, дети из деревни, возможно вдохновленные рассказами об изменении моей личности, начали приходить прямо на мою собственность, влезать на дерево и угощаться фруктами. Это вторжение доставляло мне много хлопот, и однажды, когда их крики и вопли прервали мой отдых, я высунулась из окна и

велела садовнику прогнать детей. В тот же день я приказала садовнику спилить дерево. Это решит проблему навсегда!

Как только дерево было срублено, я поняла, что я сделала. Дерево исчезло, и тут же я потеряла радость и мир Присутствия Господа. Долгое время я стояла у окна, глядя на пустое место, образовавшееся там, где оно росло.

Сак мне хотелось теперь, чтобы дерево стояло на месте, чтобы вновь звучали радостные крики детей! Я поняла, что представляет из себя истинная Билкис Шейх. И опять я вспомнила о том, что своими силами я никогда не смогу измениться и только в Господе, через Его благодать во мне могут начаться какие-то перемены.

„О, Господь, — сказала я, — позволь мне вернуться в Твое Присутствие!" Оставалось делать только одно. По всему саду росли фруктовые деревья, прогнувшиеся под тяжестью летних плодов. На следующий день я открыто пригласила деревенских детей приходить и угощаться ими. Они пришли.

Хотя я знаю, что они старались быть осторожными, ветки были сломаны, цветы вытоптаны.

„Я вижу, что Ты делаешь, Господь, — сказала я как-то раз после того, как дети разошлись по домам, а я пыталась навести порядок. — Ты увидел, что сам сад представляет собой место, разделяющее нас. Ты отлучаешь меня даже от сада! Ты забрал его у меня, чтобы отдать другим. Но посмотри, как они радуются ему! Это Твой сад. Я передаю его им с большим удовольствием. Спасибо за то, что использовал его для того, чтобы вернуть меня в Твое Присутствие".

И оно действительно вернулось. До тех пор, пока мне в очередной раз не понадобился урок. Теперь это был уже не сад, а мой драгоценный отдых.

Как-то раз холодным ноябрьским днем я отдыхала, когда

Махмуд вошел в мою комнату. Он заметно вырос, и теперь его черты позволяли мне видеть в нем будущего красивого молодого человека. Но сейчас его лицо было озабочено.

„Мама, там пришла женщина, она хочет видеть тебя. У нее на руках малыш".

Я подняла голову. „Махмуд, тебе уже восемь лет! Ты знаешь, что я никого не принимаю в такое время дня!" — сказала я, забывая о собственных распоряжениях Нурджан и Райшам. Не успел Махмуд выйти из комнаты, как я подумала: «Что бы сделал Господь?» Конечно, я знала, что бы Он сделал: Он немедленно принял бы женщину, даже если бы она пришла посреди ночи.

Я позвала Махмуда, который не успел уйти слишком далеко. И опять его смуглое лицо заглянуло ко мне в комнату.

„Махмуд, чего хочет эта женщина?"

„Я думаю, что у нее заболел ребенок, — сказал Махмуд, заходя в комнату. — У нее очень беспокойный взгляд".

„Ну что ж, проводи ее в комнату для гостей", — сказала я и приготовилась спуститься вниз.

Через минуту я присоединилась к Махмуду, женщине и ее ребенку. Женщина была одета в простую грубую одежду крестьянки. Она показалась мне бабушкой малыша. У нее было осунувшееся лицо, поникшие плечи, а шаровары скрывали худую фигуру. Только когда она подняла лицо и посмотрела на меня своими темными глазами, я поняла, что она сама была еще почти ребенком.

„Чем я могу помочь Вам?" — спросила я, и мое сердце начало оттаивать.

„Я слышала о Вас в своей деревне и пришла сюда".

Место, которое она назвала, находилось в двенадцати милях отсюда. Неудивительно, что бедняжка выглядела такой усталой. Я велела слугам принести чай и бутерброды. Я спрашивала себя, кормит ли она еще грудью своего малыша, в некоторых деревнях матери кормят детей грудью до трех лет. Глаза ребенка неподвижно смотрели на хрустальную люстру, маленький ротик молчал. Я положила руки на лоб ребенка, чтобы помолиться за него, лоб был сухим и горячим. Когда я положила руки на голову матери, я буквально почувствовала гнев целых поколений моей семьи. Раньше я пришла бы в ужас, если хотя бы тень крестьянки упала на меня.

Сердце мое потянулось к этим бедняжкам, матери и ребенку, и я просила Бога исцелить малыша во имя Исы. Когда вошла горничная, я велела ей принести витамины для матери. Она пробыла у меня полтора часа, рассказывая мне о своей жизни с мужем, который стал инвалидом в результате несчастного случая, про нового ребенка, про нехватку еды. И действительно, она кормила ребенка — это был самый дешевый способ прокормить его. Когда мать поднялась, чтобы уходить, я удержала ее жестом.

„Нет, — прошептала я, — не сейчас. Мы должны найти способ, чтобы о Вас и о ребенке позаботились". И как только я произнесла эти слова, старая Билкис Шейх начала нервничать. Что, если до других нуждающихся людей из Бах дойдет слух о том, что Бегума Саиб с большим садом проявила участие к обездоленным? А если у моих дверей появится очередь из других исхудавших, усталых, больных, отчаявшихся людей?

Но хотя мое сердце подсказывало такой вопрос, я знала, что у меня нет другого выбора. Либо я имела это в виду, либо нет, когда говорила, что я отдаю все, что у меня есть, Господу.

„...и, конечно Вашему мужу тоже нужно внимание. Давайте-ка отправим всех вас в госпиталь. Вас нужно как следует подкормить. Потом, если Ваш муж не сможет найти работу, дайте мне знать".

На этом закончился их визит. Я позвонила в больницу, попросила, чтобы мне прислали счет, и стала ждать. Но женщина больше не появлялась. Я немного удивилась. Когда я спросила слуг, не знают ли они, что с ней случилось, у них, как обычно, был готов ответ. Она с ребенком и мужем на самом деле отправилась в госпиталь, теперь все они чувствовали себя лучше. Муж нашел работу. Мое „я" поежилось сначала, услышав о неблагодарности этой женщины, которая так и не вернулась, чтобы поблагодарить меня, но Бог поправил меня: "Ты поэтому помогала ей? Чтобы тебя поблагодарили? Я думал, что благодарение должно принадлежать Мне!"

И конечно, Он был прав. Я постаралась мысленно вернуться к той минуте, когда я впервые почувствовала, что позаботилась об этой женщине. Потом я попросила Господа простить меня и помочь никогда больше не попадаться в эту ловушку. „Господь, — вздохнула я, — Ты, наверное, устал как часто поднимать меня".

Кажется, что в те дни я переживала временный успех, стараясь жить ближе к Господу, но затем каждый раз возвращалась с небес на землю, совершая серьезный промах.

Я спрашивала себя, является ли такая схема нормой христианской жизни. Поскольку тогда мне не с кем было поговорить, мне приходилось носить эти вопросы в себе.

Как-то раз утром, когда Нурджан занималась моим туалетом, в форточку влетела маленькая птичка. „Ах, — воскликнула я, — ты посмотри, что Господь послал нам сегодня утром!"

Наступила тишина, и Нурджан тихо продолжала расчесывать мои волосы. Я немного удивилась, обычно Нурджан была очень разговорчивой. Потом она смущенно произнесла: „Бегума Шейх, Вы знаете о том, что Вы внешне полностью меняетесь, когда начинаете говорить о Господе?"

В тот день я заказала еще несколько Писаний в христианском магазине в Исламабаде. Это были новые Библии, предназначенные для детей. Я обнаружила Писания их, занимаясь с Махмудом. Я также заметила, что слуги, работавшие в доме, часто брали ярко иллюстрированную книгу. Когда Слово Бога доставили, я решила одну из них подарить Нурджан. Представьте мою радость, когда она вскоре пришла ко мне поговорить наедине.

„Бегума Саиб, — сказала Нурджан, и все ее чувства отразились на вспыхнувшем лице, — я хочу Вам кое-что сказать. Помните, Вы часто говорили нам, что если мы хотим познать Ису, нам нужно просто пригласить Его в свое сердце? — Тут она расплакалась. — Ну.^-я так и сделала, Бегума Саиб. И Он, действительно, вошел. Я никогда не чувствовала такой любви за всю свою жизнь!"

Я не могла поверить своим ушам. Я обняла девушку и прижала ее к себе. Мы немножко покружились по спальне.

„Какая замечательная новость, Нурджан! Теперь нас трое верующих — ты, Райшам и я. Нам нужно это отметить!"

Райшам, Нурджан и я вместе пили чай. Это было не в первый раз, когда я пила чай со слугами. И все же это немного меня шокировало. Пока мы, трое верующих, потихоньку попивали чай и угощались тортом, болтая, как старые друзья, я размышляла о себе. Что произошло с женщиной, которая удалилась в это поместье, чтобы спрятаться от богатого общества? Вот она сидит с двумя горничными. Насколько моя семья и друзья были бы шокированы! Как бы удивились мои старые знакомые и родные! Я вспомнила, как раньше я выражала свое отчаяние в резких приказаниях и взрывах гнева. Если я замечала пыль на спинке кресла, если слуги разговаривали слишком громко на кухне, если мой обед опаздывал хотя бы на одну минуту, все слуги могли рассчитывать на строгий выговор. Господь, действительно, работал во мне, и я чувствовала Его Присутствие с огромным удовлетворением.

Дело не в том, что мне хотелось стать другой. Но я начинала понимать, что на мне лежит ответственность: поскольку я была представителем Исы, я не могла позволить себе совершить что-

то, что опозорит Его имя. Он учил меня, что поступки человека говорят лучше, чем его слова, когда речь идет о свидетельстве Исы.

Однако я заметила нечто странное на наших вечерних собраниях. Нурджан не было среди жителей деревни, которые теперь присоединялись к нашему собранию в моем доме.

Как странно! Как-то раз, когда она укладывала мне волосы, я попросила ее задержаться. Я спросила ее, не возражает ли она, если я приглашу ее к нам в воскресенье?

„Но, Бегума Саиб, — сказала Нурджан побледнев, — я просто не могу говорить о том, что произошло со мной, или ходить на собрания. Мой муж — ревностный мусульманин, у нас четверо детей, если я скажу, что стала верующей, он просто отвернется от меня“.

„Но ты *обязана* заявить о своей вере, другого пути нет“, — настаивала я. Нурджан посмотрела на меня несчастным взглядом и вышла из комнаты, покачивая головой и что-то бормоча. Я сумела расслышать лишь слова: „Но так не может быть“.

Через несколько дней я посетила преподобную мать Руфь, с которой познакомилась в госпитале Святого семейства. Мне всегда нравилось беседовать с ней. Она не раз говорила о том, сколько в Пакистане тайных верующих.

„Тайных верующих! — воскликнула я. — Я не понимаю, как это может быть. Если ты верующий, ты должен кричать об этой новости!“

„Ну хорошо, — сказала мать Руфь, — давай поговорим о Никодиме“.

„Никодиме?“

„Он был тайным верующим. Посмотри третью главу Евангелия от Иоанна“.

Я открыла Новый Завет и начала читать о том, как этот фарисей приходил к Иисусу однажды ночью, чтобы больше узнать о Его Царстве. Я часто перечитывала эту главу, но мне никогда и в голову не приходило, что, конечно, Никодим был тайным верующим.

„Возможно, когда-нибудь позже Никодим и выразил свою веру открыто, — сказала сестра. — Но, как показывает Писание, он старался сделать так, чтобы его знакомые фарисеи ничего не знали“.

На следующий день я позвала к себе Нурджан и показала ей стихи о Никодиме. „Извини, что я заставила тебя почувствовать себя неловко. В свое время Господь укажет тебе, что настала пора заявить о своей вере. А пока просто внимательно следуй Его руководству“.

Ее лицо осветилось. Позже я заметила, с какой радостью она выполняла свою работу. „Надеюсь, что я поступила правильно, Господь, — сказала я. — Мне важно следить за тем, чтобы я не начала судить других“.

Через несколько дней я сама поняла с особой ясностью, как трудно стать верующим в этой части света.

Как-то раз днем зазвонил телефон. Это был мой дядя, родственник, который и раньше очень редко разговаривал со мной. Даже когда семейный бойкот начал понемногу сглаживаться, этот дядя никогда не звонил мне. Его голос по телефону звучал очень резко.

„Билкис?“

„Да“.

„Я слышу о том, что ты уводишь других с истинного пути. Ты уводишь людей от истинной веры“.

„Но, дорогой дядя, это с какой стороны посмотреть“.

Я могла себе представить, как лицо этого человека покрылось румянцем от гнева, который проявился в его голосе. „Одно дело, когда ты принимаешь это решение в отношении себя. Совсем другое дело, когда ты призываешь других следовать за собой. Прекрати это, Билкис“.

„Дядя, очень ценю твою заботу, но я хочу напомнить тебе, что ты живешь по-своему, и я хочу жить так, как мне угодно“.

На следующий день, когда шофер вез меня домой после визита к Тоони, какой-то человек появился на дороге и попробовал остановить машину. Мой шофер знал, что я часто останавливаюсь, когда люди голосуют на дороге, но на этот раз он не захотел этого делать.

„Пожалуйста, не просите меня остановиться, Бегума,“ — сказал он решительным голосом. Он объехал человека, и шины издали резкий звук на асфальте шоссе,

„Что ты хочешь сказать? — наклонилась я вперед. — Ты думаешь, что этот человек пытался...?“

„Бегума...“

„Да?“

„Бегума, просто...“ Шофер замолчал, и мне не удалось заставить его ответить.

Но всего лишь неделю спустя одна служанка вошла в мою комнату после того, как я удалилась к себе отдохнуть.

Она закрыла за собой дверь.

„Надеюсь, Вы не будете возражать, — сказала она тихим шепотом. — Я просто хочу предупредить Вас. Мой брат вчера был в мечети в Равалдинди. Группа молодежи стала говорить о вреде, который Вы приносите. Они продолжали утверждать, что нужно что-то делать, чтобы Вы замолчали”.

Голос девушки дрожал.

„О, Бегума Саиб, — сказала она, — зачем Вам говорить так открыто? Мы все боимся за Вас и за мальчика!”

Сердце мое похолодело. Теперь настала моя очередь подумать, может быть, действительно лучше быть тайным верующим в этой стране, особенно в этой семье, где Иисус предавался анафеме.

Глава 13

Штормовое предупреждение

Прошло два месяца после того, как меня предупредили об угрозах. Ничего не произошло, кроме враждебных взглядов молодого человека, и я стала думать, не была ли тревога ложной.

Приближалось Рождество, прошло уже несколько лет с тех пор, как я нашла Младенца из Вифлеема. Хотя члены семьи и навещали меня, предупредительный звонок моего дяди напомнил мне о том, что отношения с семьей все еще натянутые, и я почувствовала, что настало время пригласить всех на ужин, чтобы подумать, каким образом можно заполнить пропасть между нами.

Я потратила довольно много времени, чтобы составить список гостей. Затем как-то вечером перед отходом ко сну я вложила этот список в Писание, чтобы не потерять его, собираясь отправить приглашения на следующее утро.

Но этому не суждено было случиться.

Все дело в том, что, открыв утром Слово Божье, чтобы вынуть список, я случайно наткнулась на один отрывок и с удивлением прочла:

Сказал же и позвавшему Его: когда делаешь обед или ужин, не зови друзей твоих, ни братьев твоих, ни родственников твоих, ни соседей богатых, чтобы и они тебя когда не позвали, и не получил ты воздаяния (Лук. 14: 12).

„Господь, неужели это Твое слово ко мне?” — удивилась я, держа Слово Божье в одной руке, а список гостей в другой. Конечно, большая часть моих родственников, соседей и друзей богаты. Я убеждала себя, что невозможно собрать вместе мусульман и христиан, но на самом деле я поняла, что во мне говорила гордыня. Я хотела показать своей семье, что у меня по-прежнему есть друзья из богатого сословия.

Я скомкала список.

Вместо этого я сделала то, что сказано в Писании. Я составила список вдов, сирот, безработных и бедняков из деревни и пригласила их всех на рождественский ужин. Этот список включал всех, даже тех, кто просил милостыню. Часть приглашений я написала сама, остальные передала через слуг. Новости, подобные этой, расходятся быстро, и вскоре слуги сообщили мне, что почти вся деревня собирается прийти. На какой-то момент я была озабочена. Все эти люди... Я думала о шелковых персидских коврах ручной работы, которые недавно заказала для гостиной. Ну что ж, подумала я, можно убрать дорогие вещи из комнаты на это время.

Мы начали подготовку. Энтузиазм восьмилетнего Махмуда был заразителен, он помогал мне собирать подарки для тех, кто придет к нам. Мы нашли шерстяные джемперы для мальчиков, ярко украшенные одежды для девочек, рулоны красной, розовой и пурпурной ткани для женщин, теплые шаровары для мужчин, накидки и обувь для детей. Я со слугами потратила много часов на то, чтобы упаковать подарки и украсить свертки серебряными лентами.

Как-то в дверь постучали. Несколько женщин из города стояли на пороге. Они хотели помочь. „Не за деньги, Бегума, — объяснила одна из них, — мы просто хотим помочь Вам накрыть стол к ужину”.

И неожиданно этот праздник стал общим делом. Чтобы украсить комнаты, я попросила семью горшечника из деревни сделать маленькие масляные лампы, все еще используемые в этой части

Пакистана. Я заказала 500 штук. Я пригласила в дом деревенских женщин, и мы приготовили специальные фитили. Пока мы работали, у меня появилась естественная возможность заговорить о Исе. Когда мы расставляли лампы по всему дому, например, я рассказывала им историю о мудрых и глупых девах.

Угощение тоже доставило много радостных хлопот. И снова деревенские женщины помогли мне: они приготовили традиционные пакистанские сладости и замечательные орехи. Они нарезали серебряную бумагу настолько тонкими полосками, что мы могли воткнуть их в вазы с конфетами, чтобы получилась цветная вуаль.

Жители деревни стали приходить в дом 24 декабря и продолжали приходить, так что праздник растянулся на неделю. Лампы прекрасно украшали дом. Махмуд весело проводил время, играя с деревенскими детьми. Я никогда не видела, чтобы у этих детей так горели глаза, да и глаза Махмуда тоже. Визг и смех наполняли дом. Время от времени Махмуд подходил ко мне с просьбами.

„Мама, — говорил он, — на улице стоят еще пять мальчиков, можно их впустить?“

„Конечно“, — смеялась я, трепля его по затылку и удивляясь, что сейчас в доме собралось больше детей, чем во всем городе. Когда я стала рассказывать жителям деревни о том, как Иса велел мне обратиться друг к другу таким образом, все они спрашивали меня: „Неужели Он действительно ходил с такими людьми, как мы?“

„Да, — сказала я, — и сегодня то, что мы делаем для других, мы делаем для Него“.

Наконец, праздники закончились, и я могла опуститься в кресло, не беспокоясь, что могу сесть на спящего ребенка. Я облегченно вздохнула и радостно обратилась к Богу: „Этого Ты хотел от меня?“ И мне показалось, что услышала мягкий ответ: „Да“. И тогда я заметила, что забыла убрать новые персидские ковры. И все же они выглядели совсем неплохо. Многие бедняки никогда не забудут этот праздник.

Спустя месяц я услышала от слуг о похоронах в городе. Жена местного муллы жаловалась вслух на то, что я совершила ошибку, утратив свою веру. Кто-то другой, однако, ответил: „А Вы видели Бегуму Саиб? Делали ли Вы за всю свою жизнь то, что делает она, став верующей? Если Вы хотите узнать что-нибудь о Боге, почему не сходите к ней?“

Но у этого случая была и обратная сторона. Таким образом, стало ясно, что в городе были силы, которым не нравился мой праздник.

„Бегума Саиб, — остановил меня пожилой человек, работавший в нашем саду. Он поднес руку ко лбу. — У вас найдется для меня минута?“

„Конечно“.

„Бегума Саиб Джи, в городе ходят разговоры, о которых вам следует знать, говорят о том что Бегума стала проблемой. Находятся и такие, которые утверждают, что с Вами надо что-то делать“.

„Со мной? — спросила я. — Я не понимаю“.

Я тоже, Бегума Саиб. Я просто подумал, что Вам нужно об этом знать“.

Предупреждения, похожие на это, стали доходить до меня все чаще и чаще в течение следующего года. Казалось, что Отец готовил меня к трудным временам.

Как-то раз, например, в наш дом пришли три маленьких мальчика из деревни. Позже я думала, не были ли они посланниками Бога, принявшими образ детей. Махмуд пришел ко мне с новостью от этих мальчиков. Он дрожал, и глаза его широко открылись от ужаса.

„Мама, ты знаешь, что сказали мои друзья? Они сказали, что в деревне люди хотят убить тебя. Они собираются сделать это после молитвы в пятницу“.

Он заплакал. „Если ты умрешь, я покончу с собой“.

Что мне было делать? Я обняла Махмуда, стала гладить его по темным волосам, стараясь его утешить. „Мой маленький, — сказала я, — хочешь, я расскажу тебе кое-что“. И я рассказала ему о первой проповеди Иисуса в Назарете, когда толпа настолько рассердилась, что хотела побить Его камнями. „Махмуд, — сказала я, — Иисус прошел среди них. Никто из них не смог ничего сделать Иисусу, пока Отец не допустил этого. То же самое можно сказать о тебе и обо мне. У нас есть Его замечательная защита. Ты веришь в это?“

„Ты хочешь сказать, что нам никогда не причинят вреда?“

„Нет, я не это хочу сказать. Иисус страдал. Но только тогда, когда Ему пришлось страдать. Нам не нужно жить в постоянном страхе, что с нами случится что-то ужасное. Потому что этого никогда

не будет, пока не настанет наш час. Может быть, этого вообще никогда не произойдет. Вам просто нужно жить и наблюдать. Но в то же самое время мы можем жить с уверенностью. Ты понимаешь?"

Махмуд посмотрел на меня, и его глаза повеселели. Неожиданно он улыбнулся и побежал играть вниз, радостно крича. Это был лучший ответ на мой вопрос, который он мог мне дать.

Мне бы хотелось сказать о себе, что я живу с уверенностью. Дело не в том, что я не верила в то, что сказала Махмуду. Просто моя вера еще не была подобна детской. Я встала, взяла Слово Бога и пошла в сад. На сердце у меня было нелегко. Как осмеливаются они изгонять меня из своей страны!

Осенняя погода была прохладной и сухой; медленно проходя по каменистым дорожкам, я слышала, как в маленьком источнике плещется рыба, где-то вдалеке пела птица. Хризантемы и другие цветы, оставшиеся еще с лета, оживляли тропинку. Я с удовольствием вдыхала приятный воздух. Это была моя земля и мой народ, это была моя страна. Моя семья служила ей на протяжении семисот лет. Это был мой дом, и я не могла, не собиралась покидать его.

И все же стали происходить такие события, с которыми я ничего не могла поделать и которые не очень совпадали с моим упрямым решением остаться дома.

В декабре 1970 г., четыре года спустя после моего обращения, в Пакистане прошли первые национальные выборы. Казалось, что Народная партия займет высокое положение. Меня эта новость вовсе не радовала. Никто из моих высокопоставленных друзей не поддерживал эту партию. „Ислам — наша вера. Демократия — наша политика. Социализм — наша экономика" — таков был девиз новой партии. Этот девиз должен был привлекать к себе людей на улицах. Я знаю, что простые пакистанцы почувствовали новый прилив сил. Хорошо ли это для меня? Может быть, это было хорошо для новой Билкис, но в этом была и своего рода опасность. Ничто так не зажигает рвение фанатиков, как вера в то, что правительство поддержит их. Моя старая репутация, конечно, не ставила меня на одну ступень с демократами, социализм не отвечал вековым традициям нашей семьи, а в исламе теперь меня считали предательницей.

Я наблюдала за развитием событий как бы со стороны. Однажды ко мне приехал старый друг моего отца из Сардара. Несмотря на его отчаяние из-за моей новой веры, он хотел сохранить близкие отношения со мной. Время от времени он звонил мне или навещал меня, чтобы узнать, все ли у меня в порядке.

Теперь он сидел передо мной на покрытом шелком диване в моем кабинете и пил чай.

„Билкис, — сказал он тихо, — ты знаешь о том, что происходит, и как это может повлиять на тебя?"

„Вы имеете в виду пакистанскую Народную партию?"

„Конечно, они победили на выборах. А ты знаешь о Зулфикаре Али Бхутто?"

„Я хорошо его знала", — ответила я.

„Ты не читаешь газет? Не слушаешь радио?"

„Нет, вы знаете, у меня нет на это времени".

„Ну что ж, я советую тратить на это время. Ситуация в правительстве изменилась. Я не думаю, что ты можешь рассчитывать на него так, как ты рассчитывала на предыдущее правительство, — добавил он. — Ты, моя дорогая, потеряла влияние в высоких кругах, которое у тебя было. Та эра закончилась".

Спустя полчаса я махала рукой старому другу на подъездной дорожке, потом вернулась в дом, чтобы позвать горничную и попросить ее все убрать. Тут я поняла, что визит моего старого друга был особенным. Казалось, что он говорил от Господа, готовя меня к тому, что влиятельные друзья, которые могли меня защитить, уходят в прошлое, и я делаю еще один шаг к полной зависимости от Господа.

Очень скоро я стала чувствовать растущую враждебность. Я видела ее в глазах мужчин, проходя по улицам Вах. Я никогда не забуду изменения в отношении ко мне одного чиновника, с которым я обсуждала налоги на мое имущество. В прошлом он был очень вежливым человеком, без конца кланялся и прикладывал руку ко лбу. Теперь лицо этого человека было открыто враждебным. Было очевидно, что его отношение изменилось, и по тому, как он вставлял свои замечания, как забрал у меня документы и высыпал передо мной необходимые бумаги.

Позже, когда я шла по дороге недалеко от дома, я увидела человека, который часто подходил, чтобы поговорить со мной. Теперь, увидев меня, он быстро отвернулся и стал изучать что-то на горизонте, пока я проходила мимо. Внутренне я улыбнулась. „Господь, как часто мы ведем себя подобно детям".

Интересно, что новое правительство оказало небольшое влияние на моих слуг. За исключением Нурджан, которая радовалась своему тайному пути с Исой, и Райшам, другой поверившей, остальные слуги были ревностными последователями Мухаммеда. И все-таки, мы очень любили друг друга. Часто мои слуги-мусульмане приходили ко мне в спальню и говорили мне: „Пожалуйста, Бегума Саиб, если Вам нужно уехать или... Вы решитесь уехать... не беспокойтесь о нас. Мы найдем работу“.

Как изменились мои отношения со слугами по сравнению с тем, какими они были четыре года назад!

Сны тоже играли существенную роль на протяжении этого времени. Сны всегда были частью моих переживаний поверившей; с тех пор, как я впервые встретила Ису, Который пришел во сне на пир и сел напротив меня. Теперь эти странные мистические переживания, подобные тем, что пережил Павел, стали еще более активными.

Однажды ночью я была в Духе и пересекла океан на огромной скорости. Со скоростью света я очутилась, как мне показалось, в Новой Англии, хотя я никогда не была в Америке. Я находилась перед домом или интернатом. Я вошла в комнату с двумя одинаковыми кроватями. На одной лежала женщина среднего возраста с круглым лицом, ясными голубыми глазами и проседью в светлых коротких волосах. Белое хлопковое кружевное покрывало странным треугольником закрывало кровать. Совершенно очевидно, что она была очень больна, я почувствовала, что у нее рак. Сиделка сидела в кресле и читала. И тут я увидела Господа в углу комнаты. Я преклонила перед Ним колени и спросила, что мне делать.

„Молись за нее“, — сказал Он. Я подошла к постели этой женщины и ревностно молилась за ее исцеление.

Утром я сидела у окна, все еще пораженная тем, что произошло в той комнате за океаном. Почему Иисус велел мне молиться за эту женщину? Ведь Он и Сам был там. И все же Он просил меня молиться о ней. И тут я почувствовала проблески великого открытия: наши молитвы очень важны для Господа. Он совершает Свою работу через них. Мне была указана пятая глава Послания Иакова: „... молитва веры исцелит болящего, и восставит его Господь; и если он соделал грехи, простятся ему... многое может усиленная молитва праведного“.

Таким образом, наши молитвы вливают силы в человека, о котором мы молимся. В другой раз я увидела себя поднимающейся по сходням, как будто я всходила на борт корабля. Сходни вели в комнату. В комнате стоял Иса. Казалось, Он давал мне указания. Потом я вернулась и спустилась по сходням. Спустившись, я увидела женщину, которая была одета в западные одежды, в юбку с пиджаком. Выяснилось, что она ждала меня. Она подошла ко мне, взяла за руку и повела прочь.

„Что ты делаешь, Господь?“ — спросила я, обернувшись через плечо. Но Он не ответил мне.

Казалось, что этот сон говорил о том, что мне предстоит еще одна поездка. Хотя в этот раз мне покажется, что отправляюсь неведомо куда, Иса будет наблюдать за моим путешествием. Он подготовил меня, поэтому я не была удивлена вестью, которую мне принес старый друг.

В марте 1971 г., спустя несколько месяцев после начала правления кабинета Бхутто, меня в первый раз посетил Якуб, старый друг, занимавший видное место в правительстве. Он был очень близок нашей семье многие годы. Когда мой муж был министром, в Пакистане царили экономический упадок и серьезные проблемы в торговле. Мы с Якубом участвовали в создании Простой программы помощи, которая впоследствии стала называться *Простым Планом Жизни*. Основная идея заключалась в том, чтобы побудить пакистанскую промышленность производить собственные товары, чтобы снизить наши потребности в импорте. Мы ездили по всей стране, помогая небольшим заводам и индустриальным центрам начать производство. Мы ободряли

местных жителей и уговаривали их начать производство одежды. Мы сами добровольно стали участвовать в этой программе, нося одежду, произведенную в стране. Все это послужило во благо, и Простой План Жизни имел успех. Как только местные заводы стали работать, экономическое положение Пакистана улучшилось. С тех пор Якуб периодически навещал меня и обсуждал со мной политические и мировые проблемы. Он многое знал о нашей семье, потому что объезжал поместья, которые у нас были по всему Пакистану. Он знал, что большая часть наших капиталов связана с поместьями.

„Билкис, — сказал он серьезным тоном, — мы с друзьями недавно беседовали, и... всплыл вопрос о вашем финансовом благополучии. Вы не думали о возможности продать небольшую часть земли? Я

не уверен, что для вас вполне безопасно по-прежнему вкладывать все деньги в поместья, особенно теперь, когда Бхутто собирается провести земельную реформу".

Как хорошо, что Якуб заговорил об этом! Причем он сам при этом рисковал. В обществе росло враждебное отношение к правящему классу прошлого, и его правительственная машина у моего дома могла легко вызвать критику и доставить ему неприятности.

„Спасибо, Якуб, — сказала я, стараясь контролировать свой голос. — Но при теперешнем положении дел я решила. Ничто, ничто не заставит меня уехать отсюда!"

Конечно же, это было детское утверждение. Прежняя Билкис с ее упрямством и порывистостью опять дала о себе знать. Тем не менее, это была такая реакция, которая несколько не удивила моего друга. „Такого ответа я и ожидал, Билкис, — сказал Якуб, поглаживая усы и посмеиваясь. — И, тем не менее, может настать время, когда Вам придется покинуть Пакистан. Если Вам понадобится помощь..."

„Если настанет такое время, мой добрый друг, я вспомню о Вашем предложении".

Еще один сон, в этот раз у Райшам, обычно такой сдержанной.

„О, Бегума Шейх! — воскликнула моя горничная, опускаясь на колени рядом с диваном, на котором я сидела в спальне в ту холодную ночь, когда впервые встретила Господа. — У меня был ужасный сон. Можно, я расскажу его Вам?"

„Конечно".

Я слушала внимательно. Райшам рассказала мне, что в ее сне какие-то злые люди пришли в дом и взяли меня в плен. „Я боролась с ними, — плакала она. — Я кричала: „Бегума, бегите!", и во сне я увидела, как Вы убежали из дома и скрылись".

Темные глаза горничной были влажны от слез. Мне пришлось успокаивать ее. Но для меня это было нетрудно. В словах, которые я говорила, я услышала совет, к которому мне стоило прислушаться. „Дорогая моя, — сказала я, — за последние дни я очень часто слышу от Господа о том, что, возможно, мне придется бежать. Это может произойти в любое время. Сначала я отказывалась в это верить. Но теперь начинаю размышлять об этом".

„Возможно, — сказала я, поднимая ее бледный подбородок и улыбаясь, — мне действительно придется уйти, но если я сделаю это, то лишь тогда, когда будет угодно Господу. Я учусь принять это. Ты мне веришь?"

Горничная притихла. Наконец, она сказала: „Какой замечательный образ жизни, Бегума Саиб".

„Это действительно так. Это единственный путь. Ничем больше не управляю я сама".

И хотя я верила во все, что говорила, как только горничная ушла из моей спальни, я почувствовала, что на самом деле не владею своими эмоциями настолько, насколько это прозвучало. „Убегать? Скрываться? Мне?"

Подобные вести стали приходить все чаще осенью 1971 г. Как-то раз Нурджан вбежала ко мне, задыхаясь, и я увидела, что она сильно встревожена.

„Что случилось, Нурджан?" — спросила я, когда она начала расчесывать мои волосы, и я увидела, что руки ее дрожат.

„О, Бегума Саиб, — заплакала Нурджан, — я не хочу причинять Вам боль".

Нурджан вытерла глаза. Она рассказала мне о том, что ее брат, ее собственный брат накануне был в мечети, где группа мужчин говорила, что настало время предпринять против меня какие-либо шаги.

„Как ты думаешь, что они имели в виду?"

„Я не знаю, Бегума Саиб, — сказала Нурджан, — но я боюсь. Не только за Вас, но и за мальчика тоже".

„Девятилетнего ребенка? Они не посмеют..."

„Бегума Саиб, эта страна не такая, какой была хотя бы пять лет назад, — серьезно сказала Нурджан, что было не похоже на ее обычную веселость. — Пожалуйста, будьте осторожны".

И действительно, не прошло и нескольких недель после этого разговора, как шаги против меня были предприняты.

Стоял прекрасный день. В воздухе уже чувствовалась осень. Межсезонье закончилось, и погода была прохладной и сухой. Довольно долго ничего не происходило. Я убеждала себя в том, что в конце концов мы живем в современном обществе. Это 1971, а не 1571 год. Священные войны остались далеко в прошлом.

Я вернулась в комнату для обычной молитвы.

Но неожиданно, не знаю почему, у меня появилось сильное желание скорее бежать за Махмудом и вместе с ним постараться исчезнуть.

Как это глупо! Но внутреннее побуждение было настолько определенным, что я побежала вниз, разбудила Махмуда, как обычно, спящего после обеда, и без объяснений потащила сопротивляющегося ребенка по коридору.

Все еще чувствуя себя в глупейшем положении, я устремилась вниз по ступенькам, открыла жалюзи и выбежала на улицу.

Стоило мне ступить на террасу, как я почувствовала удушливый запах дыма. Что-то горело. Запах напоминал еловые шишки. У нас было четкое правило — никому не позволялось сжигать мусор на моей земле. Я пошла, искать садовника и, обойдя дом, испугалась.

Около стены дома лежала целая куча сухих еловых веток и шишек, и все это горело. Пламя быстро и жарко разгоралось и поднималось все выше и выше.

Я закричала. Прибежали слуги. Вскоре кто-то уже бегал взад и вперед с ведрами, наполненными водой. Кто-то пытался заливать пламя, но вода текла под небольшим давлением. Казалось, вот-вот загорится кровля. Пошел очень сильный дым. Уже не было возможности поливать дом на такой высоте. Можно было только надеяться, что он окончательно не сгорит, если пламя само собой потухнет.

Мы продолжали бороться с огнем. Десять слуг, оставшиеся в моем штате, выстроились в ряд и передавали друг другу ведра с водой, второпях расплескивая ее.

Прошло целых полчаса напряженной работы, пока, наконец, пламя не стало потихоньку затухать. Мы сбивали его. Все мы тяжело дышали и взмокли от усилий. Еще несколько минут, и дом был бы полностью охвачен огнем, который уже было бы невозможно потушить.

Я поймала взгляд Нурджан. Она поежилась и едва заметно кивнула головой.

Я знала точно, о чем она думала. Угроза была осуществлена. Я посмотрела на деревянное перекрытие крыши, почерневшее от пламени, и пятно сажи на белой стене моего дома. Я поблагодарила Господа за то, что ничего худшего не произошло, и содрогнулась при мысли о том, что могло бы случиться, если бы не почувствовала желания выйти за дома в тот самый момент.

Часом позже, после того как, приезжала полиция и расспрашивала меня и всех слуг, я снова сидела в своей комнате. Я взяла Слово Бога, чтобы посмотреть, не скажет ли мне Господь что-нибудь особенное.

Одна фраза привлекла мое внимание.

„Поспешай, спасайся туда, ибо Я не могу сделать дела, доколе ты не придешь туда" (Быт. 19: 22).

Я отложила книгу и взглянула наверх. „Все, что Тебе нужно, это указать мне путь, по которому я должна уйти. Будет ли он простым или будет тяжелым?"

„И еще, Господь, — сказала я, почувствовав, что слезы наполняют мои глаза, — что будет с мальчиком, может ли он пойти со мной? Ты лишил меня всего. Неужели я должна лишиться этого ребенка?"

Как-то раз, спустя полгода, в мае 1972 г. Господь снова заговорил со мной посредством сна.

Ко мне пришла Райшам, и я прочла в ее взгляде тревогу.

„Бегума Саиб, — сказала она, — а с сейфом все в порядке?". Она имела в виду переносной ящик, в котором лежали имевшиеся в наличии дома деньги.

„Конечно, все в порядке, — ответила я. — А что?"

Райшам попыталась объяснить, стараясь держать себя в руках. „Прошлой ночью мне приснился сон, в котором Вы отправлялись в долгое путешествие. У Вас с собой был этот сейф".

„Да? — сказала я.

— В этом нет ничего необычного, поскольку я часто брала с собой сейф в путешествия".

„Но сон был таким *реальным*, — настаивала Райшам. — И самое грустное в том, что во время путешествия какие-то люди остановили вас и отняли этот сейф".

Она задрожала, и мне снова пришлось успокаивать ее и уверять в том, что потеря денег езде ближе подведет меня к зависимости от Бога. После того, как она вернулась к своей работе, я стала думать об этом сне. Неужели в нем заключалось пророчество? Может быть, он говорил о том, что мое имущество будет отнято у меня? Неужели вскоре я окажусь предоставленной самой себе без всяких средств и не зная о том, что ждет меня впереди?

Это были сложные дни. Два месяца спустя жарким июльским днем 1972 г. ко мне вошел слуга и доложил о приезде сына Халида.

„Халид?" Мой сын жил по-прежнему в Лахоре. Почему он пустился в это путешествие в такую ужасную жару? Какое важное дело привело его ко мне? Настолько важное, что он не доверился телефонному разговору?

Халид ждал меня в кабинете. „Сынок! Как я рада видеть тебя! Почему ты не позвонил?"

Халид подошел и поцеловал меня. Он закрыл дверь в кабинет и безо всякого вступления перешел к цели своего визита. „Мама, я слышал ужасные слухи". Он остановился. Я постаралась улыбнуться. Халид понизил голос и продолжал: „Мама, правительство собирается экспроприировать большую часть частной собственности".

Я тут же мысленно вернулась к визиту моего правительственного друга, который сказал то же самое год назад в марте 1971 г. Неужели его пророческие слова осуществляются сейчас? Халид рассказал мне о том, что Бхутто начинает земельные реформы и что, похоже, моя собственность будет национализирована в числе первых.

„Как ты думаешь, что мне делать? — спросила я. — Заберут ли они все или лишь какую-то часть?"

Халид встал со стула и подошел к окну, выходящему в сад, задумался. Стоя ко мне спиной, он сказал:

„Мама, никто ничего не знает. Возможно, самое лучшее — это продать *часть* твоего имущества небольшими порциями. Таким образом, новый владелец будет защищен от общей правительственной национализации".

Чем больше я думала об этом, тем более разумным мне казалось предложение Халида. Мы заехали к Тоони, чтобы обсудить с ней это дело, и пришли к выводу, что так и нужно поступить. На этом и порешили. Халид должен был вернуться в Лахор. Тоони, Махмуд и я вскоре должны будем присоединиться к нему, чтобы заняться всей бумажной работой.

И вот в жаркое июльское утро 1972 г. трое из нас были готовы, чтобы отправиться в Лахор и нанять агента по продаже недвижимости. Выйдя из дома, я поразилась красоте собственного сада. Все полетнему цвело, а источники звенели даже громче, чем обычно.

„Мы вернемся через несколько недель", — сказала я собравшимся слугам на ступеньках дома. Все согласилось с этим. Все, кроме Райшам и Нурджан, которая неожиданно расплакалась и убежала.

Я с грустью вернулась в спальню, чтобы взять забытый предмет. Когда я вернулась в зал и хотела спускаться вниз, я увидела Райшам. Она взяла меня за руку, а в ее глазах стояли слезы.

„Бог с Вами, Бегума Саиб", — мягко сказала она.

„И с тобой", — ответила я.

Мы с Райшам немного постояли в зале, ничего не говоря друг другу, но все понимая. Каким-то образом я почувствовала, что никогда больше не увижу эту высокую стройную девушку, с которой мы стали настолько близки. Я пожала ее руку и прошептала: „Никто не сумеет укладывать мои волосы так, как ты".

Райшам закрыла руками лицо и убежала. Я уже собиралась закрыть дверь в спальню, как что-то меня остановило. Я снова вошла в комнату. Утреннее солнце заливало ее через окно, выходящее в сад. Именно здесь я встретила Господа. Я повернулась спиной к комнате и своему драгоценному саду, где так часто я познавала Господа, и пошла вниз к машине.

В Лахоре были люди, которых я хотела видеть. Во-первых, конечно, Халид, его жена и их дочь-подросток. У меня была возможность повидать Олдов. Я писала им о том, что собираюсь в Лахор. Их новая миссия побудила их остановиться в деревне недалеко от города, и я надеялась увидеть этих старых друзей.

Как обычно в июле, Лахор был раскален, на его древних улицах парило из-за дождей, выпавших в последнее межсезонье. Когда мы прокладывали себе дорогу через оживленные улицы в центре города, громкоговоритель на минарете над нашими головами сначала затрещал, а затем из него послышался металлический голос муэдзина, произносившего обычную полуденную молитву. Движение вдруг стало менее оживленным, потому что машины и грузовики останавливались у обочин. Водители выходили из кабин на тротуары, расстилали коврики для молитвы и простирались на них.

Тоони смогла побыть с нами совсем недолго из-за многочисленных обязанностей. После краткого визита и выполнения необходимой бумажной работы Халид повез нас на вокзал, чтобы Тоони успела

на поезд. Что-то странное произошло на вокзале, настолько странное, что я не понимала, в чем дело. По нашим планам, Махмуд должен был увидеться с матерью всего лишь через несколько дней. И все же мы почувствовали что-то необычное при прощании. Махмуд, которому скоро должно было исполниться десять лет, старался сдержать слезы, когда целовал на прощание мать. Тоони открыто плакала, обнимая мальчика. Неожиданно я почувствовала, что тоже плачу, и мы все трое крепко обнялись на платформе.

Наконец, Тоони отбросила темно-каштановые волосы и рассмеялась: „Ну ладно, хватит, мы ведь не на похоронах“.

Я улыбнулась, снова поцеловав ее, и мы с Махмудом проводили ее взглядами. Когда поезд тронулся и вагоны стали постепенно покидать вокзал, какая-то новая тревога закралась в мое сердце. Я искала лицо Тоони в купе. Мы нашли ее и вместе с Махмудом стали посылать ей воздушные поцелуи.

С жадностью я запоминала все подробности лица Тоони, стремясь навсегда сохранить их в памяти.

На следующий день я встретилась с официальными представителями, которые сообщили мне, что продажа моей собственности займет несколько недель. Халид уверил нас в том, что мы можем оставаться у него так долго, как нам понадобится.

Только одно сильно беспокоило меня — у меня не было возможности иметь духовное общение. Теперь я понимала, почему ученики всегда ходили по двое: верующие *нуждаются* друг в друге для поддержки и совета.

Я позвонила Олдам. Так приятно было услышать знакомый голос Мэри! Мы вместе посмеялись и поплакали и помолились по телефону. Хотя их расписание не позволило им приехать в Лахор, они, конечно, могли помочь мне связаться с верующими в городе. Мэри особенно много говорила мне о жене профессора из колледжа, Пегги Шлорхольтц.

Странно! Почему мое сердце так сильно забилося при звуке этого имени?

Через несколько минут я уже разговаривала с Пегги по телефону. Через несколько часов она сидела в кабинете Халида. Когда она увидела меня, на ее лице появилась улыбка.

„Скажите мне, Бегума Шейх, — сказала она, — это правда, что Вы впервые познакомились с Исой во сне? Так как Вы узнали Господа?“

И вот там в кабинете я рассказала Пегги свою историю, рассказала все с самого начала, с того самого момента шесть лет назад. Пегги слушала очень внимательно. Когда я закончила, она взяла меня за руку и сказала мне нечто, удивительное.

„Как бы мне хотелось, чтобы Вы могли поехать со мной в Америку!“

Я посмотрела на нее онемев, мое сердце учащенно забилося.

„Я действительно имею это в виду, — сказала Пегги. — Я скоро уезжаю, чтобы мой сын мог пойти в школу. Я буду в Штатах четыре месяца. Вы могли бы поехать со мной и выступать в наших церквях!“.

Она была настолько полна энтузиазма, что я не хотела огорчать ее. „Ну что ж, — сказала я с улыбкой, — я очень ценю Ваше приглашение, но мне нужно помолиться об этом“.

На следующее утро горничная принесла мне записку. Я прочла ее и рассмеялась. Она была от Пегги: „Вы уже помолились?“, я скомкала записку и ничего не стала делать. Все это было слишком странным, чтобы даже думать об этом.

Если только... неожиданно события последних двух лет пришли мне на память. Сны. Предостережения. Пожар. Мое решение делать то, что угодно Господу, — даже если это значит покинуть свою страну.

Нет, на самом деле я не говорила с Господом о вопросе Пегги, но теперь я могу это сделать. Я вверила эту поездку в Его руки. Мне было трудно сделать это, потому что какая-то часть меня убеждала меня в том, что, если я уеду, это будет не на четыре месяца. Это будет навсегда.

„Господь, я хочу повторить еще раз. Ты знаешь, как мне хочется остаться в своей стране. Ведь мне пятьдесят два года, и в таком возрасте трудно начинать все сначала. Но, — выдохнула я, — но... это не самое важное, не так ли? На самом деле, важнее всего пребывать в Твоем Присутствии, Пожалуйста, Господь, помоги мне никогда не принимать решений, которые лишат меня Твоей славы“.

Глава 14

Побег

Как ни странно, после того, как Господь изменил мой образ мыслей о возможности покинуть Пакистан, неожиданно возникли препятствия.

Одно препятствие, например, заключалось в том, что появилось какое-то немыслимое правило о том, что граждане Пакистана могут вывезти из страны не более 500 долларов. Махмуду разрешалось вывезти 250 долларов. Но как нам с Махмудом прожить четыре месяца на 750 долларов? Это само по себе отвратило нас от мысли принять предложение Пегги.

Затем через несколько дней Пегги пригласила меня к себе домой. Когда мы беседовали, в разговоре всплыло имя доктора Кристи Уилсона. Она тоже его знала. Я очень беспокоилась о нем с тех пор, как услышала, что он выслан из Афганистана мусульманским правительством, которое затем разрушило церковь, построенную им в Кабуле для иностранных граждан.

„Как Вы думаете, где он сейчас?“ — спросила я.

„Я не знаю“, — сказала Пегги.

В этот самый момент зазвонил телефон. Пегги взяла трубку. Когда она обернулась, на ее лице было изумление: „Вы знаете, кто это? Это Кристи Уилсон“.

Тут мы рассмеялись от радости и удивления и стали спрашивать себя, неужели это просто совпадение. Доктор Уилсон собирался приехать в Лахор. Он хотел навестить Пегги. Конечно, я была рада, потому что, встретившись с ним, я могла бы услышать какие-то новости, но интуитивно я чувствовала, что это будет не просто светский визит.

На следующий день у нас была замечательная встреча в доме Пегги. Я поведала доктору Уилсону о последних событиях в Вах и о своей собственной жизни. Затем Пегги рассказала ему о своих попытках уговорить меня поехать в Штаты. Он тоже загорелся энтузиазмом, услышав об этой идее.

„Однако есть кое-какие проблемы, — сказала Пегги. — Прежде всего, по существующему правилу Билкис может вывезти из страны не более 500 долларов“.

„Я подумал..., — сказал доктор Уилсон, поглаживая подбородок. — У меня есть друзья, которые могли бы... Я попробую наладить контакт. Я знаю одного человека в Калифорнии...“

Через несколько дней мне позвонила Пегги. Она была радостно взволнована. „Билкис, — прокричала она, — все готово! Доктор Боб Пирс будет Вашим спонсором! Как вы думаете, вы сумеете уехать через семь дней?“

Семь дней! И тут на меня обрушилась вся реальность происходящего, ведь я должна была покинуть свою страну. Я была по-прежнему убеждена, что если я уеду сейчас, я уеду навсегда. Я поняла, что имел в виду Редьярд Киплинг, когда писал:

Бог дал людям всю землю, чтобы ее любить,
Но наши сердца малы,
И каждому из нас Он отвел уголок
Для вечной любви...

Вах... мой сад... мой дом... моя семья... Неужели я могу всерьез думать о том, чтобы покинуть все это?

Да, это было всерьез. Я бы ни о чем не думала, если бы твердо была уверена, что такова Божья воля. Я знала, что произойдет, если я сознательно откажусь повиноваться Ему. Его Присутствие исчезнет.

За следующие двадцать четыре часа я получила еще одно подтверждение. Халид сказал мне за ужином, что осталось уточнить еще кое-что, а потом все проблемы с моим имуществом останутся позади.

„Я думаю, что можно сказать с уверенностью, мама, — сказал Халид, — что сегодня ты отделалась от того имущества, которое ты хотела продать“.

Неожиданно двери захлопнулись. Не Богом, как казалось, а моей страной. Потому что появилось правило, по которому ни один пакистанец не мог покинуть страну, не уплатив всех налогов. Мои налоги были оплачены, но необходимо было получить подтверждение этого. Мне нужно было получить сертификат об уплате подоходного налога. Только после этого я смогла бы купить билеты в Штаты.

Четыре дня из семи уже прошли, оставалось еще три дня, когда мы с Халидом вошли в кабинет официального учреждения, чтобы получить сертификат об уплате налога. Мы с Халидом думали, что никаких проблем не будет, поскольку все бумаги были в порядке.

Офис находился на очень оживленной улице в центре Лахора. Однако когда мы вошли в здание, что-то показалось мне странным. Было слишком тихо для обычного бюрократического офиса, где клерки снуют по коридорам и всегда кто-нибудь ругается с сотрудниками.

Мы с Халидом были одни, если не считать лысого клерка, который сидел в дальнем конце кабинета и читал журнал. Когда мы подошли к нему, я объяснила, что мне нужно.

Он поднял на нас глаза и покачал головой. „Извините, лейди, — сказал он, снова погружаясь в чтение журнала. — Идет забастовка“.

„Забастовка?“

„Да, мадам, — сказала он. — Она не прекращается. Никто не выполняет своих обязанностей. И никто не сможет Вам помочь“.

Я, онемев, смотрела на этого человека. Потом я отошла на несколько шагов. „О, Господь, — помолилась я вслух, но так, чтобы только мой сын слышал меня, — неужели Ты закрыл эту дверь? Тогда зачем же Ты ободрял меня до сих пор?“

И вдруг неожиданно одна мысль промелькнула у меня. Неужели Он закрыл дверь? „Ну хорошо, Отче, — молилась я, — если Твоя воля заключается в том, чтобы мы с Махмудом отправились в Штаты, то Ты все сделаешь для того, чтобы я получила нужные документы“.

Сильное чувство уверенности наполнило меня, и я снова обратилась к клерку.

„Но мне кажется, что вы работаете, — сказала я, — почему вы не можете дать мне документы?“ Человек снова оторвался от журнала с отсутствующим выражением. Он относился к типу людей, которым доставляет удовольствие отказывать.

„Я сказал Вам, что идет забастовка“, — проворчал он.

„Ну что ж, тогда проводите меня к управляющему“. Вращаясь в правительственных кругах, я обучилась одному: если хочешь чего-то добиться, нужно всегда обращаться к вышестоящим лицам.

Клерк тяжело вздохнул, свернул журнал и проводил меня в соседний кабинет. „Подождите здесь“, — проворчал он снова, а потом исчез в кабинете. Оттуда я слышала тихие голоса, затем появился клерк и провел меня в кабинет. Мы с Халидом оказались перед симпатичным мужчиной среднего возраста, который сидел за большим столом. Я объяснила, что мне нужно. Он наклонился вперед в кресле, вращая в пальцах карандаш. „Мне очень жаль, мадам... мадам, как, простите, Ваше имя?“

„Билкис Шейх“.

„Ну что же, мне очень жаль. Мы совершенно ничем не можем Вам помочь во время забастовки...“

Но вдруг неожиданно он узнал меня.

„А Вы не та Бегума Шейх, которая организовала *Простой План Жизни*?“

„Да, это я“.

Он стукнул кулаком по столу, а затем вскочил. „Ну что ж, — сказал он, и пододвинув мне стул, пригласил меня сесть. — Я думаю, что это самая замечательная программа, которая когда-либо была в нашей стране“.

Я улыбнулась.

Затем он наклонился над столом в доверительной манере. „Давайте посмотрим, чем я смогу Вам помочь“.

Мне снова пришлось тщательно объяснить ему, в чем заключалась проблема, и я сообщила ему, что мне необходимо успеть в Карачи, чтобы там через три дня сесть на самолет. На лице этого человека появилась решительность. Он встал и вызвал клерка. „Позовите сюда нового ассистента“.

„У меня, — сказал он мне почти шепотом, — работает временный стенографист. Он не принадлежит к постоянному штату сотрудников и поэтому не бастует. Он может напечатать Вам сертификат. Я сам поставлю печать. Я очень рад Вам помочь“.

Через несколько минут у меня был драгоценный сертификат, выполненный по всем правилам. Когда я уходила, хочу признаться, я помахала документом перед удивленным клерком, который оторвался от журнала только для того, чтобы увидеть мою улыбку на прощание и услышать слова: „Да благословит Вас Бог“.

Когда мы покинули учреждение, удивленный Халид заметил мне, что понадобилось лишь двадцать минут, чтобы закончить дело. „За такое время документы не успели бы подготовить, даже если бы не было забастовки“.

Сердце во мне пело, и я попыталась объяснить Халиду, что Господь хочет помогать нам. Когда мы молимся, Он хочет работать вместе с нами. Это принцип Моисеева жезла. Если бы я просто поведала о своих проблемах Господу, но не сделала сама ни одной попытки с верой, я не получила бы сертификат. Мне нужно было сделать что-то самой. Мне нужно было спросить, кто там главный. Точно так же, как Бог потребовал, чтобы Моисей ударил по скале жезлом, Он просит нас тоже участвовать в чудесах.

Казалось, Халид немного опешил от моего энтузиазма, но быстро опомнился и добавил с улыбкой: „Я могу сказать лишь одно, мама. Я заметил, что вместо „спасибо“ ты всегда говоришь „Да благословит Вас Бог“. Когда ты это говоришь, мне кажется, что я слышу самые прекрасные слова“.

Теперь, когда все бумаги были в порядке, я собиралась ненадолго съездить в Вах, чтобы попрощаться, потому что понимала, что поездка займет более четырех месяцев. Однако, когда я заговорила об этом, Халид сказал: „Разве ты не слышала о наводнении?“

Сильные дожди заливали район Пакистана между Лахором и Вахом. На мили кругом земля оказалась затопленной. Движение было нарушено. Правительство взяло под свой контроль все способы передвижения.

Сердце у меня упало. Значит, у меня не будет возможности попрощаться. Господь хотел, чтобы я разом покончила со всем прежним, точно так же, как Лоту нельзя было оборачиваться назад. Я планировала уехать из Лахора в пятницу утром, через два дня. Мне нужно было лететь в Карачи, затем пересесть на самолет в Штаты. Пегги с сыном должны были отправиться в Нью-Дели, их самолет компании Ран Атепсап должен был приземлиться в Карачи, и мы с Махмудом — присоединить к ним в самолете. Во вторник утром, однако, я почувствовала странное, но очень сильное побуждение не ждать больше. Моя забота была связана с Махмудом. Совершенно ясно, что в Вах поползли слухи о том, что мы не просто уехали в Лахор, но что мы собираемся покинуть страну. Наверняка родственникам захочется забрать Махмуда, увезти его из-под моего „разрушающего влияния"! Может быть, меня остановят под этим предлогом? Сильное чувство опасности будоражило меня.

Нет, я не буду ждать. Нужно уезжать немедленно. Нужно сейчас же отправляться в Карачи и остановиться у друзей.

И в тот же самый день мы с Махмудом быстро попрощались с Халидом и его семьей и поторопились в аэропорт. Мы вылетели из Лахора с явным чувством облегчения. Мы уже в пути!

Карачи, насколько я помнила, был пустынным прибрежным городом, расположенным недалеко от Индийского океана. В нем смешалось старое и новое, верблюды встречались среди роллс-ройсов, а шумные базары, где кишели мухи, примостились рядом с шикарными магазинами, предлагавшими последние парижские моды. Замечательно, что город был таким большим, что нам было легко в нем затеряться.

Мы остановились у друзей, и я отправилась в центр по магазинам, готовясь к поездке в Америку на следующий день. Неожиданно я почувствовала сильное противодействие.

Я закрыла глаза, прислонилась к стене, ища опоры, и стала молиться Господу и просить Его защиты. Я почувствовала твердую уверенность в том, что нам с Махмудом нужно остановиться на ночь в гостинице. Я постаралась отогнать эту мысль. „Но это же глупо!“ — говорила я себе. Потом я вспомнила о том, как мудрецы во сне получили предупреждение отправиться домой по другой дороге.

Вскоре мы уже регистрировались в гостинице Эйр Франс в аэропорту Карачи. Я увела Махмуда в комнату как можно быстрее, заказала ему еду в номер и мы вместе просто сидели и ждали. Махмуд казался очень беспокойным. „Почему нам нужно прятаться, мама?“ — спрашивал он.

„Я просто думаю, что какое-то время нам не нужно привлекать к себе внимание, вот и все“.

В ту ночь накануне полета я почти не спала и думала. Почему я так нервничала? Ведь нет никаких причин. Неужели я позволила нервам выйти из-под контроля? Неужели я снова вспомнила угрозы прошлого? Пожар? Я спала очень чутко и всего лишь несколько часов. В два часа утра я встала, оделась и снова почувствовала странную тревогу. Снова мне показалось это смешным. На меня это совсем не похоже. Я могла объяснить это только одним — настал час покинуть гостиницу, и мне об

этом говорил Господь. Я быстро одела сонного Махмуда, собрала чемоданы и поставила их у дверей, чтобы коридорный мог забрать их. Было три часа утра. Вылет был назначен на пять. Махмуд, все еще сонный, стоял у гостиницы, ожидая такси, которое должно было отвезти нас в нужный терминал. Я смотрела на луну, которая уже бледнела, и думала: неужели я в последний раз вижу луну в своей стране? Утренний ветер донес до меня аромат нарциссов, может быть, с клумбы, и сердце мое исходило слезами, потому что я чувствовала, что никогда больше не увижу свой сад.

Наконец, подогнали такси. Мы с Махмудом сели в машину. Я молилась, когда мы ехали. Даже в этот ранний час в аэропорту было много людей. Когда машина остановилась у светофора, я нервно поежилась и постаралась вжаться как можно глубже в сиденье. „Нам просто не нужно привлекать к себе внимание какое-то время“, — процитировала я себя, пытаюсь говорить как можно увереннее и для себя, и для Махмуда. Нет, что-то не так. На самом деле, мне нужно было просто молиться. „Господь, избавь меня от этой нервозности. Нервозность не от Тебя. Я не могу одновременно доверяться Тебе и беспокоиться! И все же, если эта тревога от Тебя, Господь, должна быть какая-то причина, и я повинуюсь“.

Наконец-то мы добрались до нужного терминала, и до нас донесся ревущий звук мотора. Какофония из сотен голосов еще больше усиливала чувство тревоги. Сердце мое дрогнуло, когда я посмотрела наверх и увидела флаг своей страны — звезду и полумесяц на зеленом фоне, развевавшийся на ветру. Я всегда буду уважать этот флаг, свой народ и его мусульманскую веру. Портъе поспешил к нам, взял наши чемоданы, чтобы проверить их, и я с радостью увидела, что они прошли контроль очень быстро. Нам было позволено провезти не более сорока фунтов каждому. Я улыбнулась, вспомнив о семейных поездках в прежние времена, когда я везла с собой тысячи фунтов багажа для того, чтобы пожить где-то всего неделю, и мои сестры плакали, если какие-то вещи приходилось оставить дома.

Нам нужно было ждать еще целый час. Держа Махмуда поближе к себе, я чувствовала, что нам лучше всего смешаться с толпой, чтобы нас никто не заметил. Но я никак не могла стряхнуть с себя чувство нарастающей тревоги. И снова я отругала себя за ненужные страхи. Господь управляет всем, внушала я себе, Он выведет меня из этой ситуации, и мне нужно всего лишь слушаться Его. Потом Махмуд попросился в туалет. Мы спустились вниз, чтобы найти мужской туалет. Я ждала в коридоре.

Неожиданно объявили наш рейс: „Самолет Рап Атепсап, вылетающий в Нью-Йорк Сити, готов к посадке пассажиров“. Сердце во мне перевернулось. Где же Махмуд? Нам пора идти!

Наконец дверь открылась. Нет, это не он, а какой-то сигх в тюрбане.

Я невольно подошла поближе к двери. Что я делаю! Конечно же, ни одна женщина в мусульманской стране не рискнет зайти в мужскую уборную даже для того, чтобы найти девятилетнего мальчика.

Снова объявили наш рейс: „Самолет Рап Атепсап, вылетающий в Нью-Йорк Сити, готов к вылету. Посадка заканчивается“.

О, нет! Я была в ужасе. Нужно было что-то делать. Я открыла дверь в уборную и закричала „Махмуд!“.

Его голосок ответил мне: „Я иду, мама...“.

Я глубоко вздохнула и облокотилась о стену. Вскоре появился Махмуд. „Где ты был? Почему ты так задержался?“

Это уже не важно. Я не стала ждать ответа, схватила его за руку и побежала. Теперь мы неслись по длинному коридору. Мы оказались среди последних пассажиров, стремящихся попасть на самолет.

„Ух ты, мама! Какой корабль!“ — закричал Махмуд.

И действительно, это было потрясающее зрелище. 747-авиалайнер был огромен. Мы оба радовались полету. Я никогда не видела такого большого самолета.

Когда мы уже собирались войти в самолет, я на секунду заколебалась. Последний раз коснулась пакистанской земли. Но нам нужно было двигаться. Нужно было идти в самолет, который казался мне аудиторией, стюардесса провела нас к нашим местам. А где же Пегги? Что я буду делать в Штатах без нее?

И вот она появилась! Она прокладывала себе дорогу в проходе и спешила к нам. Пегги обняла меня.

„О, моя дорогая! — воскликнула она. — Я так волновалась. Я не видела вас в толпе при посадке!". Я объяснила ей, что произошло, и Пегги облегченно вздохнула. Она представила нас своему сыну, летевшему с ней. „Очень жаль, что мы не можем сидеть вместе, — сказала она. — Нам нужно занять те места, которые нам дали".

Честно говоря, я была не против. Мои мысли были далеко от светской беседы в тот момент. Я думала о том, что на самом деле покидаю свою родину. Мне было конечно же грустно, но в то же время я чувствовала, что я осуществила все, что нужно. Мне было трудно разобраться в этом.

Скоро Махмуд стал самим собой. Он подружился со стюардессой, которая поводила его немного по салону. Он вернулся назад с кучей впечатлений. Мне было это приятно. Стюардесса попросила нас пристегнуть ремни. Я посмотрела в окно и увидела первые лучи на предрассветном восточном небе. Заработали моторы, и радостное возбуждение наполнило меня. Самолет тронулся и покатился по взлетной полосе. Я оглянулась, но не увидела Пегги.

Но Махмуд был рядом со мной. Его лицо светилось радостью, нараставшей по мере нарастания гула мотора. Я взяла Махмуда за руку и начала молиться.

„Что теперь, Господь? Я снова чувствую, что что-то выполнила! Ты вывел меня из страны, подобно Аврааму, Господь. Я не знаю, что будет дальше, и все же я понимаю, что выполнила что-то важное. Я ощущаю удовлетворение, потому что я с Тобой".

Даже смущение из-за моих прошлых страхов и нервозности не беспокоило меня больше. Я знала лишь одно — я повиновалась Господу во всем. И нужно признать, что неизвестно, что могло бы произойти, если бы я не послушалась Его повеления и не отправилась так быстро.

Маленькие огоньки появились за окном, и шасси неожиданно убрались. Мы были в воздухе! В свете зари я увидела береговую линию Пакистана у Индийского океана, которая проходила под нами.

Я отдала свою руку Ему. Он был моей единственной опорой. Единственная моя радость — пребывать в Его Присутствии. И если я буду пребывать в Нем, я буду жить в славе.

„Спасибо, Господь, — вздохнула я. — Спасибо за то, что Ты позволил мне путешествовать с Тобой".

Постскриптум

Билкис Шейх сейчас живет в США. В каком-то смысле эта женщина утратила свою страну, частично из-за того, что она смотрит на наш мир широко, с точки зрения Бога. В другом смысле она носит любимый ею Пакистан в своем сердце повсюду. Оставив навсегда свой сад в другом конце света, она создает другой — на небольшом холме у ее маленького дома в Калифорнии, где она живет со своим внуком Махмудом.

P.S

Билкис уехала в США в 1973г., а вернулась в Пакистан в 1989г..(из - за сердца).
9 апреля 1997 года - был последним днём в её жизни...